

А. В. Зорин

ИНДЕЙСКАЯ ВОЙНА В РУССКОЙ АМЕРИКЕ:

**Русско-тлинкитское
противоборство
(1741–1821)**

Индейская война в Русской Америке

А. В. Зорин

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.

Глава I. ТЛИНКИТЫ И ИХ ПРОТИВНИКИ: ТАКТИКА, ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ, ВООРУЖЕНИЕ

Глава II ПРОНИКНОВЕНИЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ В СТРАНУ ТЛИНКИТОВ

Глава III ВСПЫШКА ВРАЖДЕБНОСТИ И КАТАСТРОФА 1802 г.

Глава IV ОТВЕТНЫЙ УДАР РАК (1803-1805 гг.)

Глава V ЯКУТАТ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПРОЛИВАХ (1805 – 1821 гг.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

Взаимоотношения русских первопроходцев Аляски и индейцев-Тлинкитов в силу своей исторической значимости и внешней красочности неизбежно привлекали к себе внимание практически всех исследователей и литераторов, обращавшихся к раннему, барановскому, периоду в истории Российско-Американской Компании (РАК) и Русской Америки. Однако, несмотря на достаточное количество источников, позволяющих довольно верно реконструировать ход событий, выявить их глубинные причины и закономерности развития, единого мнения среди исследователей на сей счёт не сложилось и до сих пор. Немаловажной причиной тому были общие тенденции развития историографии российской колонизации, обусловленные различными, в том числе политическими и идеологическими соображениями. Это относится как к отечественным, так и к зарубежным трудам по истории Русской Америки. Многие из них грешат предвзятостью в оценках, ошибками и даже намеренным искажением фактической стороны событий. Обычно, более или менее детальный обзор событий, иногда с анализом спорных моментов, давался в обобщающих трудах по истории Русской Америки и российской колонизации Аляски. Это неизбежно приводило к определённой поверхностности в изложении и анализе материала. В настоящее время созрели все условия, позволяющие посвятить данной теме отдельное исследование.

Предметом данной работы является история военного столкновения между промышленными людьми Российско-Американской компании и индейцами, населявшими Северо-Западное побережье Северной Америки, которое представляет собой цепь событий, сыгравших в своей совокупности ключевую роль во всей последующей истории Русской Америки.

Исследование охватывает период 1741-1821 гг., начиная с момента первой встречи русских мореплавателей с Тлинкитами и вплоть до затухания военного конфликта между индейцами и РАК. Начальная дата даёт возможность проследить истоки русско-тлинкитских противоречий, конечная – позволяет подвести итог важному этапу в истории взаимоотношений русских и индейцев и истории Российско-Американской компании в целом.

Описываемые события разворачивались на обширной территории побережья юго-восточной Аляски от залива Портленд-Канал на юге до залива Якутат на севере, а также на прилегающих островах архипелага Александра – в стране Тлинкитов.

Литература. В русской дореволюционной исторической литературе, как правило, не предпринималось серьёзных попыток разобраться в коренных причинах противоречий, возникавших между РАК и Тлинкитами. Основной акцент делался тут на врождённой воинственности индейцев и подстрекательстве со стороны иностранных купцов – конкурентов РАК. Служащий компании и её историк К.Т. Хлебников категорически утверждал, что “озлобление сих диких народов есть произведение просвещённой зависти”.¹ По его мнению, не может быть и речи о том, что причиной вспыхнувшей вражды могла быть месть индейцев за нанесённые им обиды – “мщение следует только тогда, когда обиженным не заплатят по доброй воле условную цену за убитых”, а Тлинкиты не предъявляли, по словам Хлебникова, подобных требований к русским. Тлинкиты рассматривались им, как послушные орудия в руках корыстолюбивых иностранцев. Официальный историк РАК П.А. Тихменев видел корень зла в “вероломстве дикарей”, а также в “противодействии распоряжениям Баранова тех из служивших компании, которые по званию своему считали себя в праве уклоняться от исполнения его приказаний”, что демонстрировало туземцам внутреннюю слабость русских и тем самым спровоцировало их на нападение.² Из рассуждений Хлебникова и Тихменева вытекает вывод, что если бы русские соблюдали большую бдительность в отношениях с Тлинкитами, то те просто не решились бы их атаковать и война таким образом была бы предотвращена. В этой связи характерно имеющееся у Хлебникова противопоставление осмотрительных действий А.А. Баранова по замирению бросивших ему вызов ситкинцев безалаберности В.Г. Медведникова, не придававшего значения недвусмысленным предостережениям относительно грозящей опасности. В целом же дореволюционные авторы не видели в столкновениях с индейцами ничего странного или из ряда вон выходящего. Такова была колониальная повседневность XIX века, отрицать которую и в голову не приходило современникам Кавказской войны и покорения Средней Азии.

Не вдаваясь глубоко во внутреннюю суть событий, эти историки достаточно чётко отобразили их внешнюю сторону. В своей статье “Первоначальное поселение русских в Америке” К.Т. Хлебников дал классическую картину уничтожения европейской колонии враждебными аборигенами. В написанной им биографии А.А. Баранова он детально изложил общую канву событий, заложив тем самым основу для будущих исследований. Особую ценность трудам Хлебникова придаёт то, что, будучи сам на службе РАК, он встречался с живыми очевидцами и участниками описываемых событий, воспоминания которых использовал в своих работах. Что же касается П.А. Тихменева, то для него столкновение с Тлинкитами – всего лишь неприятный эпизод в обширной картине великой деятельности компании, нашедшей отражение в его двухтомном труде. Однако именно он ввёл в научный оборот целый ряд ценных документов, относящихся к этой теме, опубликовав их в Приложениях ко второй части своей книги.

Ранняя советская, “довоенная”, историография среди прочих своих особенностей отличалась и резко-обличительным характером в отношении колониальной политики старой России. Эта направленность отчётливо прослеживается в монографии С.Б. Окуня, посвящённой Российско-Американской компании. Не разбирая подробно вопрос о военных столкновениях аборигенов с русскими колонизаторами, он объясняет их жестокостью и хищничеством нарождающейся российской буржуазии, находившейся на стадии первоначального накопления капитала. В целом же С.Б. Окунь не видел в русском освоении американского континента никаких особенностей, которые бы в выгодную сторону отличали бы этот процесс от аналогичных действий других европейских колонизаторов.

Коренным образом изменилась позиция отечественной историографии по данному вопросу в послевоенный период. В частности о С.Б. Окуне тогда было заявлено, что он “не сумел... воздать должного тем простым русским людям, которые... положили начало прочному развитию производительных сил далёкой северной страны”.⁵ Общепринятым (несмотря на отдельные исключения⁶) стало мнение, что проникновение русских на Аляску “носило ярко выраженный мирный характер, в противоположность паразитической колонизации Нового Света англо-саксами и испанцами, которые использовали для этой цели отряды авантюристов, бродяг и преступников”.⁷ Естественно, что при таком подходе не могло быть и речи о каких-либо вооружённых столкновениях между русскими и аборигенами. Даже само понятие “колонизация” было исключено из обихода и заменено более обтекаемым термином “освоение”. Распространился взгляд на русское продвижение в Сибири и Америке, как на некий особый процесс, когда дружественные отношения с аборигенами нарушались лишь изредка и то из-за происков зловерных иностранцев. Так, В.А. Дивин, хотя и признавал, что “недовольство среди местных жителей вызывали также действия самих промышленников”, но главную вину за конфликты между русскими и аборигенами возлагал на иностранных торговцев. По его мнению, “стремясь подорвать влияние России на Алеутских островах и Аляске, англичане, испанцы и американцы вооружали аборигенов и подстрекали их к нападению на русские поселения и корабли”.⁸ Г.А. Агранат считал, что русская колонизация Аляски имела “относительно прогрессивный для своего времени характер”, обусловленный демократическим составом колонистов. Мирное взаимодействие русских крестьян и ссыльных с аборигенами он резко противопоставлял “грабежу местного населения”, которым занимались купцы и миссионеры из Компании Гудзонова Залива.⁹ Общим местом в литературе стало обвинение английских и американских торговцев (в первую очередь Г. Барбера) в разорении русской крепости на острове Ситка в 1802 г.

Причины такой “смены курса” кроются в особенностях внешне- и внутривластной обстановки конца 1940-х – начала 1950-х гг. В этот период, как верно отметил в своём историографическом обзоре А.В. Гринёв, “официальные власти СССР сделали ставку на «русский патриотизм», а также старались отмежеваться от колониального прошлого России... и одновременно всячески дискредитировать «американский империализм»”.¹⁰

Наиболее ярко апологетика русской колонизации проявилась в творчестве С. Н. Маркова. В его научно-популярной работе “Летопись Аляски” безапелляционно утверждается, будто “главным виновником ситхинской резни” был английский капитан Генри Барбер, коего автор именует не иначе, как чёрный корсар. Война Тлинкитов против русских поселений и промысловых партий характеризуется, как “измена”, а ситхинский вождь

Катлиан аттестуется, как “тойон, променявший дружбу с Барановым на барберовский ром”. Кроме того, при изложении фактов неоднократно допускаются их искажения и намеренные умолчания. 11

Большинство же авторов, занимавшихся историей Русской Америки, предпочитало просто обходить столь неудобную тему или же упоминать об этих событиях походя, вскользь. В частности, это касается и тех исследователей, которые посвятили свои труды биографиям российских путешественников и мореплавателей, чья деятельность так или иначе была связана с Русской Америкой того периода – Ю.Ф. Лисянского, В.М. Головнина, Н.П. Резанова, Г.И. Лангсдорфа. 12

Впервые тема русско-тлинкитских взаимоотношений получила в отечественной литературе объективное освещение на современном научном уровне лишь в 1985 г. в статье А.А. Истомина. 13 Однако обзорный характер работы, а также особенности стоявшей перед автором задачи не позволили ему более детально проанализировать ряд возникающих в ходе исследования проблем. А.А. Истомин пришёл к важнейшему выводу, что “в основе враждебности Тлинкитов лежали русско-тлинкитские противоречия, связанные с использованием природных богатств края”. Отметил он и то, что влияние на “специфику русско-тлинкитских контактов оказал уровень развития тлинкитского общества”, а также “отсутствие у русских монополии на контакты с коренным населением”. 14

К сходным выводам пришёл и А.В. Гринёв – автор единственной пока в отечественной литературе монографии, посвящённой Тлинкитам и ряда статей по данной тематике. 15 Им была впервые проанализирована почти вся совокупность известных науке материалов о русско-тлинкитских взаимоотношениях и военных действиях начала XIX в., сделана попытка на новом уровне реконструировать ход событий, разобран ряд спорных и неясных вопросов (численность воинских сил и число погибших, причины столкновений, общий ход боевых действий, роль англо-американских торговцев в разжигании конфликта). События 1802 г. А.В. Гринёв характеризует как “восстание”, которое стало, по его мнению, крупнейшим выступлением аборигенов за всю историю Русской Америки. Особое значение имеет исследование им комплекса проблем, связанных с историей русского поселения в Якутате и его гибелью.

Помимо конкретных вопросов, связанных непосредственно с русско-тлинкитским конфликтом, важную роль играют и выводы А.В. Гринёва и А.А. Истомина относительно общих закономерностей во взаимоотношениях между русскими и аборигенами Аляски, изложенные ими в ряде работ. Согласно этим положениям, российская колонизация Аляски в отношении коренного населения напоминала испанскую колонизацию Нового Света и имела ряд черт, родивших её с процессом освоения Канады французами. Туземцы включались в структуру колоний в качестве необходимого элемента и подвергались в основном докапиталистическим формам эксплуатации. 16

В последние годы бурные события в российских владениях на Аляске начала XIX в. всё более привлекают к себе внимание отечественных исследователей. Причины русско-тлинкитской вражды были исследованы в одной из статей Г.И. Дзенискевич. 17 По мнению автора, “поводом к трагическому инциденту могло... послужить... грубое нарушение традиционного этикета, связанного, в частности, с передачей эмблем.” Г.И. Дзенискевич считает, что знаки, вручаемые русскими мореплавателями и служащими РАК индейским вождям, расценивались последними “как залог обеспечения каких-то новых экономических привилегий” – подобно их собственным тотемным реликвиям. То, что пришельцы односторонне пользовались предоставленными им взамен правами, не выполняя “данных” ими обязательств, якобы и вызвало гнев индейцев, повлёкший столь страшные последствия. Отдельную работу начальному этапу освоения русскими Ситки посвятил А.Р. Артемьев, основавшийся на предшествовавших ему трудах К.Т. Хлебникова и А.В. Гринёва. 18 Проблему, связанную с первым появлением русских в земле Тлинкитов, рассматривали в своих работах Я.М. Свет, С.Г. Фёдорова и С.А. Корсун. 19

Не меньшее внимание уделялось Тлинкитам и в этнографической литературе, где среди прочих аспектов рассматривались их военные обычаи и особенности вооружения. Одним из первых тлинкитское оружие и доспехи исследовал, опираясь на коллекции МАЭ, С.А. Ратнер-Штернберг. 20 В своих работах он детально описал боевые шлемы, панцири и кинжалы, привёл немало ценных сведений относительно военного дела Тлинкитов. Вопросы вооружения, тактики и военной обрядности рассматривались также в трудах Ю.П. Аверкиевой и А.В.

Гринёва. В частности, Ю.П. Аверкиева отмечала, что “война в тлинкитском обществе имела уже значение регулярного промысла, не менее важного, чем рыболовство, но наиболее почётного и достойного племенной знати занятия.”²¹ Она же высоко оценивала роль работорговли и рабовладения, как стимула военных набегов, но при этом явно преувеличивала, говоря, будто у племён Северо-Западного побережья ко времени их контакта с европейцами уже формировался “военно-дружинный слой, нередко диктовавший вождям свою волю на племенных советах”.²² Кроме того, говоря о месте войны в тлинкитском обществе она практически игнорировала роль кланов и межклановой вражды.

Изучая эволюцию тлинкитского общества, А.В. Гринёв проследил также изменения, произошедшие в области военного дела за период существования Русской Америки. Согласно его выводам, “Тлинкиты были воинственным народом”, однако у них так и не сложилось “сословие людей, посвятивших себя исключительно военной деятельности” или “особая группа военных предводителей”.²³ По его наблюдениям, “контакты с европейцами не изменили тактику ведения боевых действий Тлинкитов”, но существенно повлияли на материальную часть военного дела. Это проявилось в быстром и повсеместном распространении огнестрельного оружия, эволюции защитных доспехов, оснащении крепостей артиллерией.²⁴

В целом в отечественной исторической науке ныне прочно наметился отход от старых стереотипов в освещении истории Русской Америки, что наглядно продемонстрировал вышедший в 1997 г. первый из запланированных трёх томов коллективного обобщающего труда по данной теме.²⁵ Немалое место в нём уделено “индейскому фактору” развития российских колоний в Америке, в том числе и взаимоотношениям русских промышленников с Тлинкитами.

Не обходили своим вниманием вопросы русско-тлинкитских взаимоотношений и зарубежные, в первую очередь американские, учёные. Тлинкитам, Русской Америке и морской мехоторговле в США посвящена обширная научная и научно-популярная литература.²⁶ Ряд трудов, особенно общего характера, не избежали ошибок, делая их иной раз даже при изложении общеизвестных фактов. Смещены и искажены события в научно-популярной биографии А.А. Баранова, написанной Г. Шевиньи, которая выдержала ряд переизданий.²⁷ В частности, описывая гибель Михайловской крепости на Ситке, автор утверждает, что среди американских судов, находившихся в те дни у берегов острова, находилась “Каролина” под командованием Уильяма Стёрджиса, в то время, как на самом деле третьим после судов Барбера и Эббетса в Ситкинской бухте находился “Глобус” Уильяма Каннингема. Не вдаётся Шевиньи и в глубокий разбор причин войны, ограничиваясь следованием внешней канве событий.

События 1802-1804гг. излагались и в обобщающих трудах по истории Аляски Г. Бэнкрофта и К. Эндрюса.²⁸ Но оба эти историка основывались в первую очередь лишь на известных им работах К.Т. Хлебникова, почти не привлекая других источников. Большой вклад в изучение истории и этнографии Русской Америки внесли труды Ф. де Лагуны, посвящённые Тлинкитам Якутата. Ею был собран, обобщён и проанализирован богатейший материал индейских преданий, позволяющий взглянуть на ход событий с новой точки зрения, увидеть их глазами аборигенов.²⁹

Не менее важная работа была проделана Норой и Ричардом Дауэнхауерами в отношении исторических преданий Тлинкитов Ситки. Чрезвычайно любопытны выводы, к которым пришли исследователи. Сравнив между собой английские, американские, русские и индейские источники, они, как и А. В. Гринёв, но независимо от него, пришли к мнению, что события 1802 года на Ситке были “частью хорошо спланированного, хорошо скоординированного и хорошо вооружённого одновременного нападения на позиции русских от Якутата до Кэйка”, а возвращение русскими Ситки в 1804 года, хотя и выглядит, как “месть русских и их рабов-Алеутов, но свидетельства говорят о наличии большой конфедерации из русских и их союзников, хорошо организованной и сконцентрированной”. Авторы высоко оценивают историческое значение боёв на Ситке: “Подобно Геттисбергу или Сталинграду, Ситка стала поворотным пунктом в американской истории. Подобно битве за Мидуэй, она решала вопрос о контроле над севером Тихого океана.”³⁰

Более сдержан в своих оценках Джонатан Р. Дин. По его мнению, “эти битвы имели, несомненно, большое значение для Ситка-куана, но это не означает, что они отражали “тлинкитские” интересы, так как в них был

вовлечён только клан киксади.” 31 Он считает, что эти “битвы были спором из-за ресурсов, который явился casus belli и повлёк последующую вражду. Это проистекало из вопроса о земле Киксади у Старой Ситки и прав на рыболовство в прилегающих районах.” 32 Однако и он не избежал частных фактических ошибок, к числу которых, например, относятся отождествление тойона Михайлы (Скаутлелта) с Катлианом, а также утверждение, будто нападение на Михайловскую крепость было одиночным эпизодом, отделённым от других сходных событий двумя-тремя годами.

Важное значение имеют также работа американского историка Ф. Хоуэя, посвящённая торговому мореплаванию на Северо-Западном побережье в конце XVIII- начале XIX вв. и ряд его статей, освещающих столкновения между индейцами и морскими торговцами. Собранные им сведения помогают более объективно оценить сущность взаимоотношений между Тлинкитами и англо-американскими торговцами, учесть всё многообразие их контактов. 33 Важной вехой в изучении Русской Америки стал биографический словарь, составленный профессором Ричардом Пирсом – здесь содержится весьма ценная информация относительно торговых английских и американских кораблей и их капитанов, действовавших у берегов Аляски в тот период. 34

Первостепенное значение имеют труды американских этнографов, детально и всесторонне изучивших военное дело и вооружение Тлинкитов. Среди них в первую очередь следует назвать капитальный труд Дж.Т. Эммонса, изданный посмертно под редакцией и с дополнениями Ф. де Лагуны. 35 Важные сведения содержатся и в трудах других учёных из США. 36 Авторы, широко используя личные наблюдения и результаты опроса информаторов из числа аборигенов, детально раскрывают особенности военных обычаев Тлинкитов, иллюстрируя это многочисленными примерами из тлинкитских родовых легенд. Там же даётся описание предметов вооружения, анализируются взаимоотношения между индейцами и европейцами.

В целом же американские историки видят в русско-тлинкитских столкновениях лишь одну из многочисленных индейских войн, неизбежно возникавших в процессе колонизации Америки белыми. Ни о каком “особом” пути русского освоения Аляски здесь, разумеется, нет и речи, хотя и отмечаются специфические особенности этого процесса.

В заключение историографического обзора стоит упомянуть и заслуживающие особого разбора построения известного этноисторика Л.Н. Гумилёва, не обошедшего своим вниманием и Русскую Америку. Он объясняет специфику взаимоотношений русских с аборигенами Аляски с точки зрения неких зарядов комплиментарности этносов. С Алеутами, поскольку они были “положительно заряженными” к русским монголоидами, у первопроходцев “отношения вообще были замечательные... На Аляске этнические контакты тоже не осложнялись, пока русские не столкнулись с индейцами-американоидами... Атапаски русских на свои земли просто не пустили. Тлинкиты вообще объявили войну.” В итоге Аляску пришлось оставить из-за враждебности местного коренного населения. 37 Исходя из данной схемы, можно предположить, что с историей Русской Америки Л.Н. Гумилёв знакомился не по документам и даже не по серьёзным научным исследованиям, а скорее по популярным книжкам типа сочинений С.Н. Маркова. Иначе он знал бы о беспрестанных кровавых столкновениях, которые сопровождали ранний этап колонизации Алеутских островов, о том, что первые русские заселения на материке были основаны именно в землях Атапасков-Танайна (кенайцев), а также и то, что контакты русских с Тлинкитами отнюдь не представляли собой непрерывную войну, поскольку в таком случае Русская Америка не просуществовала бы до 1867 г., когда её уступили Соединённым Штатам и вовсе не по причине восстаний аборигенов, а исходя из совсем иных соображений. Впрочем, всё это вряд ли бы смутило автора теории этногенеза, привычного к более чем вольному обращению с фактами.

Не менее вольно обходятся с фактами и авторы художественных произведений, посвящённых данной теме. Стоит для примера упомянуть некоторые наиболее известные из них, поскольку во многом именно на них основываются массовые представления о Русской Америки, формируются устойчивые стереотипы.

Роман Ивана Кратта “Остров Баранова”, первая часть дилогии “Великий океан”, вышел в свет ещё в 1949 г. и с тех пор не раз переиздавался, а в 1989 г. удостоился полумиллионного тиража. Но историческим этот роман можно назвать разве что в насмешку над жанром – столь полно использовал его автор своё право на творческий вымысел. Столкновение русских с Тлинкитами оборачивается у него борьбой с пиратами, главарь которых

рассуждает следующим образом: “Корсарам нужно было поддерживать борьбу... против русских, чтобы сохранить свои разбойничьи гавани... Нельзя, чтобы в конце концов индейцы убедились, что русские их лучше защищают от грабежей, чем они бы смогли сделать это сами. Русские проявляют чересчур много заботы о дикарях.” 38 Здесь, правда, не совсем ясно, от чьих грабежей страдали могущественные Тлинкиты, господствовавшие на Северо-Западном Побережье благодаря своей воинственности и отличному вооружению. Далее автор описывает, как в 1804 году, во время штурма русскими индейской крепости, Тлинкиты, по наущению всё того же неизбежного злодея-корсара, руководившего(!) обороной их форта, прикрывались живым щитом – русскими пленниками, захваченными два года назад и с тех пор содержавшихся в неких жутких подземельях этой же крепости, которая, таким образом, превратилась в нечто-то вроде средневекового замка. “Истощённые, согнутые, в одних лохмотьях, некоторые не в силах были держаться на ногах...Голая женщина с седыми космами шла как лунатик, шаря тонкими высохшими пальцами впереди себя... Атакующие попятились.” 39 Потребность в столь бредовом нагнетании страстей совершенно необъяснима, особенно если учесть, что существует детальный и яркий отчёт о тех событиях, автором которого является их очевидец и активный участник – Ю.Ф. Лисянский. В полном соответствии с духом времени написания романа, русские (пусть даже в царской России) несут аборигенам светлую жизнь, что, в конечном итоге, понимает даже их упорный противник “старый вождь Котлеан”. В момент просветления он вдруг осознаёт, что “боролся за старую жизнь. Русские несли новую. Они гибли... но продолжали строить и созидать”, – любопытный пример преломления старой идеи “бремени белого человека” в произведении соцреализма 40-х годов! В историческом плане роман Кратта представляет собой дикую смесь из детских впечатлений автора от чтения Эмара и Майн Рида, разоблачений “царского колониализма” и апологетики бескорыстных русских первопроходцев. А.А. Баранов в его изображении периодически напоминает главаря карательной экспедиции: он радостно сообщает о сожжении двадцати “чугайских жил”, отдаёт приказы типа “Спалить и уничтожить дотла... Коли попадётся вождь, отрубить голову, воткнуть на пику. Пускай узнают силу”, или же вешает за измену какого-то “князька”. Впрочем, истинный уровень знаний автора об Аляске, индейцах и Северной Америке вообще выдаёт только одна фраза: “дымовой виток тянулся со стороны ущелий, где кочевали Ирокезы”. 40 Комментарии здесь излишни.

Роман К.С. Бадигина “Ключ от заколдованного замка” 41 выдаёт более основательное знакомство автора с историческими материалами, причём подлинные документы зачастую просто пересказываются автором близко к тексту. Однако надлежащие умолчания и дополнения сводят на нет весь кажущийся историзм повествования. Английский пират на сей раз не участвует лично в обороне индейской крепости, но зато его зловещий зелёный бриг в страшный день резни “мирно покачивался на волнах Ситкинского залива”, а подосланный им матрос коварно отворяет Тлинкитам ворота русского форта. Из индейцев на первый план выдвигается Скаутлелт, неведомо отчего ставший вдруг “чильхатским тойоном”. Заменяв своего племянника Катлиана, он, по воле автора, активно действует вплоть до 1807 г. Вообще, несмотря на то, что в подзаголовке роман назван исторической хроникой, события в нём перетасованы так, что нелегко бывает восстановить их реальную последовательность и выяснить подлинные имена иных из действующих лиц. Так, например, крушение шхуны “Святой Николай” и приключения её команды отнесены с 1808-1810 гг. ко всё тому же 1802 году, а приказчик Тимофей Тараканов поименован Слепцовым.

Несколько более соответствует своему подзаголовку другая историческая хроника – книга Г.П. Чижана “К неведомым берегам”. 42 Но и здесь всё те же благодетельные и добродетельные россияне ведут неустанную борьбу с коварством белых пиратов и бедными, одураченными этими злодеями, индейцами. В целом же, по сравнению с книгами, посвящёнными истории Русской Америки, даже романы Гюстава Эмара, не говоря уже о Купере и Майн Рида, кажутся верхом историзма в художественной литературе, примером образцовой работы с источниками.

Источники. Сведения о русско-тлинкитском конфликте начала XIX в. содержатся как в русских, так и английских, американских и собственно тлинкитских источниках, письменных и устных.

Среди русских источников следует в первую очередь выделить сообщения, оставленные непосредственными очевидцами и участниками событий, часть которых была опубликована ещё П.А. Тихменевым. Донесения, записанные со слов Абросима Плотникова и Екатерины (Пиннуин) Лебедевой, содержат яркое и подробное

описание гибели Михайловской крепости на Ситке в июне 1802 г. Рапорт И.А. Кускова сообщает о событиях на севере страны Тлинкитов, а также содержит ряд дополнительных подробностей, раскрывающих планы и замыслы индейцев, освещающих обстоятельства, предшествовавшие гибели крепости. Письма А.А. Баранова, Е. Пуртова и Д. Куликалова, И. Репина, Ф.А. Кашеварова рисуют картины первых встреч русских с Тлинкитами, встреч мирных и враждебных. Они представляют собой по большей части достоверные и непредвзятые свидетельства, авторами которых были люди, чьи руки более привычны к ружью и веслу, нежели к перу и бумаге. 43 Важные, хотя и порой малодостоверные сведения, содержатся в официальных документах, связанных с деятельностью РАК, которые были опубликованы в серии “Внешняя политика России XIX и начала XX века”. 44 Они отражают не столько реальные события, сколько ту картину, которая создавалась Главным Правлением компании с целью достижения для себя наибольших выгод. Однако, поскольку со временем тактика компании менялась, то соответственно менялось подчас и изображение одних и тех же событий, что хорошо прослеживается на примере гибели Михайловской крепости на Ситке в июне 1802 года. (подробнее см. Приложение III).

Ценные сведения для разработки данной темы содержатся в неопубликованных документах, относящихся к деятельности И.А. Кускова, которые хранятся в фондах РГБ (Отдел Рукописей). Они освещают обстоятельства ведения промысла в Проливах, затрагивают положение в колониях в 1803 году и сообщают подробности относительно попыток А. А. Баранова освободить пленников, захваченных Тлинкитами после разгрома Якутата в 1805 г. 45 Не менее важные материалы хранятся и в фондах Архива внешней политики Российской империи. Среди них, в частности, документы, относящиеся к событиям 1802-1804 годах на Ситке, гибели Якутата в 1805 году, положению в Ново-Архангельске в период пребывания там Н.П. Резанова. 46 Ценные сведения относительно основания и ранних этапов существования русских поселений на Ситке и в Якутате содержатся в документах А.А. Баранова из фондов РГАДА. 47 В фондах ГАКО были выявлены материалы, проливающие свет на биографию ряда служащих РАК, принимавших активное участие в событиях начала XIX в. (Н.И. Мухин, Т.Н. Тараканов). 48 Архивные материалы доносят до нас живые свидетельства очевидцев, добавляют яркие штрихи к картине событий.

Большое значение имеют для воссоздания реальной картины событий записки русских путешественников, посещавших в тот период американские владения РАК. Ясно, подробно и точно излагает ход военных действий и переговоров с индейцами Ю.Ф. Лисянский; 49 дополнительные детали и подробности событий содержатся в записках приказчиков РАК Н.И. Коробицына и Ф.И. Шемелина, а также в письмах и заметках иеромонаха Гедеоны, сопровождавшего Ю.Ф. Лисянского в кругосветном плавании на борту “Невы”. 50 Значение источников имеет также ряд работ К.Т. Хлебникова, а также книги и рапорты В.М. Головнина – оба они встречались с непосредственными участниками событий, записывали их рассказы. 51

Важные сведения о ранних встречах русских и Тлинкитов даны Дж. Ванкувером в книге о его путешествии. 52 Они особенно ценны тем, то для сравнения с ними имеется и русское сообщение о тех же событиях – рапорт Егора Пуртова (1794 г.). Сличение русского и английского источников позволяет отделить реальные факты от намеренных искажений, допущенных в отчёте Пуртова. О резне на Ситке в июне 1802 г. имеется сообщение активного участника этой истории – британского капитана Генри Барбера. 53 В своём сообщении он предстаёт гуманным спасителем женщин и детей, умалчивая при этом о собственных неблагоприятных махинациях с доставкой пленников на Кадьяк. Описание событий и датировка их в опубликованных отрывках из бортового журнала Барбера намеренно искажены и во многом не стыкуются с данными русских источников. Несколько дополняют его рассказ сведения, содержащиеся в дневнике американского моряка Уильяма Стёрджиса, который излагает ход событий с явной симпатией к индейцам и чья оценка произошедшего во многом перекликается с мнением капитана В.М. Головнина. По словам Стёрджиса, Тлинкитов побуждала к мщению “потеря друзей и родственников”, а также то, что “источники их богатства и самого существования” были захвачены чужаками, самовольно обосновавшимися на их земле. 54 Это почти дословно совпадает с выводами В.М. Головнина, согласно которым Тлинкитов возмущало, что “на берегах их начинает селиться народ, числом малолюдный, но сильный оружием своим; что народ сей принуждает их променивать им свои промыслы за безделицы, отгоняет их от мест, где водится много бобров, а часто и силою отнимает у них собственную их добычу.” 55 Действия Барбера, Эббетса и Каннингема вызывают у Стёрджиса негодование – он не может “представить себе

джентльменов, которые бы до такой степени игнорировали все законы божеские и человеческие”. Однако, сведения, приводимые как Барбером, так и Стёрджисом, следует принимать во внимание с равной осторожностью – британец был лично заинтересован в определённой подаче информации, а американец не был непосредственным очевидцем происходящего.

Особой группой источников, ставшей доступной исследователям лишь в самое последнее время, являются устные предания Тлинкитов, собранные и опубликованные благодаря усилиям американских этнографов и историков. Первая попытка такого рода была предпринята ещё Францем Боасом, записавшим в конце прошлого века со слов неизвестного Киксади предание о путешествиях Баранова и гибели русских на Ситке. Легенда эта, однако, имеет весьма малую научную ценность, поскольку изобилует фантастическими деталями, хотя в некоторых частностях и может быть соотнесена с более реалистическими сообщениями, записанными позднее. В предании рассказывается, как Нанак (А.А. Баранов) высадился на Ситке во главе Алеутов, выстроил крепость, а затем уехал, оставив начальником своего сына. Между Алеутами и Тлинкитами возникла вражда, оскорблённый индейцами сын Нанак вышел воевать, но был разбит и с горя бросился в пламя горящей крепости. Ситкинцы выстроили себе форт, а когда вернувшийся Баранов атаковал их, нанесли русским новое поражение. Баранова уверили, будто его сын куда-то уплыл и далее в легенде описываются фантастические плавания русских, посещавших в поисках сына Нанак всяческие сказочные страны и даже подземный мир. 56

Ценные сведения, касающиеся военных обычаев Тлинкитов, войн между кланами, вооружения и тактики индейцев, содержатся в преданиях, опубликованных Дж.Р. Свэнтоном и Р.Л. Олсоном. Особый интерес представляют также собранные Р. Олсоном со слов туземных информаторов сведения о клановых территориях и взаимоотношениях, что проливает новый свет на некоторые детали событий начала XIX в. 57

Легенды Тлинкитов Якутата содержатся в труде Ф. де Лагуны. Они посвящены не только истории взаимоотношений местных индейцев с русскими, но и событиям, последовавшим за уничтожением русской крепости. Несмотря на имеющиеся детали сказочного характера, в целом тексты легенд представляют собой ценнейший исторический источник (См. Приложение VI).

Предания, записанные на Ситке, в отличие от якутатских, лучше стыкуются с данными письменных источников. Марк Джейкобс-мл. в своём сообщении передаёт ценные, хотя иной раз и спорные подробности событий 1802-1804 гг., известные ему со слов деда, Джорджа Льюиса-ст., прямого потомка знаменитого вождя Катлиана. 58 Рассказ Алекса Эндрюса из рода Кагвантан (отпрыск Киксади) был записан в 1960 г. Он содержит в себе предысторию русско-тлинкитской вражды, описание повода к нападению на русскую крепость и самого нападения с перечислением подвигов героев и изложением их родословной. Описание событий 1804 года, данное Эндрюсом, близко перекликается с данными Лисянского, что лишний раз подтверждает надёжность обоих источников. События излагаются подробно и в хронологическом порядке. 59 В 1958 году был записан рассказ 93-летней православной Тлинкитки Салли Хопкинс (Shxaasti, в крещении Пелагея). По происхождению она была Киксади (отпрыск ангунских Вушкеттан) из Дома Глины (S'e Hit). Родившись в 1877 году, она училась в русской школе, владела славянской грамотой и была членом общины Св. Гавриила при кафедральном соборе в Ситке. При этом она являлась подлинной хранительницей родовых преданий вековой давности. 60 Четверть её сообщения составляют родословные участников событий с указанием старинных названий местности, кланов и клановых домов. После изложения событий войны она уделяет внимание и более позднему периоду жизни Тлинкитов, доводя повествование до времён своего девичества. Оба рассказа были обработаны и опубликованы в пересказе американскими исследователями Норой и Ричардом Дауэнхауерами. Они же провели дополнительные изыскания, позволившие им выяснить некоторые любопытные подробности относительно судеб отдельных участников событий и даже отыскать их потомков. 61 Важные подробности событий 1804 г. содержит сообщение другого тлинкитского сказителя, Херба Хоупа, Киксади из Дома Мыса. 62 К сожалению, до сих пор не изучена алеутская традиция, относящаяся к событиям начала XIX в. Привлечение этих данных, несомненно, пролило бы новый свет на некоторые неясные моменты в истории русско-тлинкитских взаимоотношений того периода. В этом смысле показателен пример использования исторических преданий Эскимосов-Чугачей: содержащиеся в них сведения о столкновениях с русскими и Тлинкитами весомо дополняют и уточняют картину русско-тлинкито-чугаческих отношений. Особенно любопытны в этом отношении

исторические легенды, записанные в 1933 г. со слов эскимосского старшины Макария Чумовицкого (чугачское имя Aligun Nupatlkertlugoo Anqakhuna) – православного 86-летнего Чугача "с русской кровью в жилах", чьим прадедом был якутатский Тлинкит Аташа, женатый на дочери эскимосского вождя, а бабка происходила с Кадьака. 63

В целом использование преданий аборигенов Аляски помогает более объективно оценить ход событий, известный по письменным источникам, даёт возможность дополнить их яркими и важными подробностями. К сожалению, отечественные историки пока ещё мало внимания уделяют вводу в научный оборот и применению в исследованиях этой группы источников. Между тем, лишь сочетание всех видов исторических источников, как письменных, так и устных, отражающих различные точки зрения всех участников событий, могут дать возможность в полной мере воссоздать картину русско-тлинкитских взаимоотношений в ранний период существования Российско-Американской компании, восстановить ход и подробности противостояния РАК и одного из наиболее могущественных племён Северо-Западного побережья Северной Америки в конце XVIII) – начале XIX вв. Всестороннее исследование этой "индейской войны" позволит заполнить пробелы, существующие в истории российских владений на американском континенте.

Целью данной работы является проследить ход и оценить последствия военного конфликта между РАК и Тлинкитами в конце XVIII) – начале XIX вв., выявить его причины, а также проанализировать ряд спорных моментов в истории данного столкновения. Достичь данной цели можно лишь решив ряд конкретных задач. Среди них: максимально детальная реконструкция общего хода событий на основе сопоставления сведений русских, индейских, английских и американских источников; определение соотношения сил сторон, а также численности погибших в ходе конфликта.; установление точной датировки событий; выяснение роли иностранных морских торговцев в русско-индейском конфликте.

В завершении вступительной части уместно будет привести тлинкитское изречение, предпосланное Норой и Ричардом Дауенхауэрами сборнику индейских биографий. 64 Как нельзя более точно отражает оно суть и назначение любого исторического исследования:

diseigu aa uhaan написано для тех, кто живёт ныне

ka haa eeteex kei kana.en aa и для тех, кто ещё не родился

kagei yiS в память о тех,

haa leelk'w has kaadei кто ушёл до нас.

Автор пользуется случаем, чтобы выразить свою глубокую признательность сотрудникам Архива внешней политики Российской империи (Москва) и г-же Дан Л. Блэк (Кодьяк, США) за их неоценимую помощь, оказанную в сборе материала; благодарит кандидата исторических наук А. В. Гринёва (Санкт-Петербург), любезно согласившегося взять на себя труд редактирования работы и внёсшего ряд важных замечаний по данной теме; а также приносит свою благодарность С. В. Исаеву, замечательному фотографу и человеку, и А. А. Федину за долговременную техническую поддержку.

Глава I. ТЛИНКИТЫ И ИХ ПРОТИВНИКИ: ТАКТИКА, ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ, ВООРУЖЕНИЕ

Продвигаясь на юг вдоль материкового побережья Аляски в поисках более богатых промысловых угодий, русские партии охотников на морского зверя постепенно приближались к территории, заселённой Тлинкитами – одним из наиболее могущественных и грозных племён Северо-Западного побережья. Русские называли их Колошами (Колюжами). Имя это происходит от обычая тлинкитских женщин вставлять в разрез на нижней губе деревянную планку – калужку, отчего губа вытягивалась и отвисала. "Злее самых хищных зверей", "народ убийственный и злой", "кровожаждущие варвары" – в таких выражениях отзывались о Тлинкитах русские первопроходцы. И на то у них были свои причины.

Выразительное описание внешности Тлинкита дал в конце XIX в. архимандрит Анатолий (Каменский): "Аляскинский индианин, или Тлинкит, высок ростом, нередко шести футов, имеет длинное, почти круглое туловище, сильно развитую грудь и руки, несколько вогнутые в коленях наружу ноги, как у истых наездников степи. Впрочем, на кривизну ног могло не мало влиять постоянное сиденье в узкой лодке. Походка медленна и некрасива с покачиванием в стороны... Безобразие нижней части тела скрашивается верхнею – головой, обыкновенно прямо и гордо сидящей на толстой шее поверх широких могучих плеч. Лицо типичного индианина выразительно, сильно очерчено и подвижно. В большинстве случаев лицо кругло и безбородо, но встречаются нередко лица продолговатые, сухие, с орлиными хищными носами... Если бы не цвет кожи, слегка отливающей медью, иного статного индианина или индианку трудно было бы распознать и отличить от европейца." 1

К концу XVIII в. Тлинкиты занимали побережье юго-восточной Аляски от залива Портленд-Канал на юге до залива Якутат на севере, а также прилегающие острова архипелага Александра. Скалистые материковые берега были изрезаны бесчисленными глубокими фьордами и заливами, высокие горы с вечными снегами и ледниками отделяли страну Тлинкитов от внутриматериковых районов, где обитали Атапаски, а дремучие, в основном хвойные леса покрывали, словно косматой шапкой, многочисленные гористые острова. Климат Тихоокеанского побережья – относительно мягкий и влажный. "Беспрестанная мрачность, мелкий дождь и сырость воздуха есть обыкновенное явление атмосферы... нет правил без исключений и встречается хорошая погода... Но господствующая погода есть пасмурность и дождь, то есть круглый год осень," 2 – отмечает один из старожилов Русской Америки.

Страна Тлинкитов делилась на территориальные подразделения – куаны (Ситка, Якутат, Хуна, Хуцнуву, Акой, Стикин, Чилкат и др.). В каждом из них могло быть несколько крупных зимних деревень, где проживали представители различных родов (кланов, сибов), принадлежавших к двум большим фратриям племени – Волка/Орла и Ворона. Эти кланы – Киксади, Кагвантан, Дешитан, Тлукнахади, Текуеди, Нанъяайи и т. д. – нередко враждовали между собой. Именно родовые, клановые связи и были наиболее значимыми и прочными в тлинкитском обществе.

Численность Тлинкитов к началу XIX в. составляла, вероятно, более 10 тысяч человек, причём наиболее густонаселёнными были куаны Чилкат, Ситка и Стикин. 3

Селения Тлинкитов включали в себя от 4-5 до 25 больших дощатых домов, стоящих чередой вдоль берега моря или реки фасадами к воде. Дома имели каждый своё имя (Дом Касатки, Дом Звезды, Дом Костей Ворона и пр.), которое зависело от родового тотема, местоположения, размеров. При постройке или перестройке дома приносились человеческие жертвы – под его опорными столбами закапывались тела убитых рабов. Фасады и внутренние перегородки украшались резьбой, перед входом иногда ставились тотемные столбы.

Достаточно далеко, как и у многих других племён Северо-Западного побережья, зашло у Тлинкитов социальное расслоение общества. В каждом куане имелись свои люди высокого ранга, анъяди, в число которых входили также и вожди селений, кланов, главы домохозяйств; простолюдины – тлинкит или канаш-киде, и рабы. 4 Власть вождей, однако, была невелика. Важным фактором для определения статуса человека служили благородство происхождения и богатство, которое раздавалось на устраиваемых им потлачах – церемониальных пиршествах с раздачей подарков. Уважением и весом в обществе пользовались также шаманы и мастера-ремесленники (например, резчики по дереву), широко было распространено занятие торговлей. Несмотря на свою

воинственность, отмечаемую всеми ранними путешественниками и исследователями, Тлинкиты вовсе не были примитивными дикарями-грабителями. То был народ не только воинов, но и охотников, рыбаков, ремесленников, торговцев. Куаны, населённые соперничающими кланами, соединялись между собой прочными торговыми связями. При обмене роль денег выполняли выделанные олени шкуры (ровдуги), а позднее одеяла. Раб в первой половине XIX в. стоил 15-20 ровдуг, каноэ – от 10 до 15. 5 Тлинкитские торговцы бдительно оберегали сферы своего влияния от проникновения нежелательных конкурентов, будь то индейцы или белые.

Хотя далее речь пойдёт преимущественно о военном быте Тлинкитов, следует иметь в виду, что главным в их жизни была всё же не война, и не торговля, а морской промысел. Вся их жизнь, как и жизнь прочих прибрежных племён, была тесно связана с морем и полностью зависела от него. 6

Труды практически всех исследователей, записки путешественников и собственные родовые предания Тлинкитов свидетельствуют о том, что война занимала в их жизни одно из важнейших мест. Однако при этом, как верно подметил Дж. Т. Эммонс, в истории Тлинкитов нам практически неизвестны внешние войны, в которых весь народ мог бы сражаться против общего врага. Война всегда оставалась частным делом того или иного клана, куана или, в крайнем случае, коалиции нескольких из них. Причиной тому – описанная выше своеобразная организация племени. По этой же причине были невозможны междоусобные войны, в которых все кланы одного куана совместно действовали бы против врага из другой общины – "браки, дружеские связи и экономические интересы являлись сильными факторами племенного единства, а сосуществование одних и тех же кланов в различных племенах [куанах] предотвращало их объединение с другими кланами друг против друга, так как клан был основной единицей в жизни Тлинкитов. Он не признавал превосходства племенной власти. Все его члены были братьями и... никогда не объединялись с другими против своих." 7 Однако на свирепость и частоту междуклановых столкновений это никоим образом не влияло. Клановые истории полны описаний резни, кровной мести, войн между кланами, среди которых лишь иногда встречаются сообщения о стычках с соседями – Экимосами-Чгачами, индейцами Хйда и Цимшиан.

Война обычно вырастала на почве кровной мести, а вызывал её ряд причин: убийство (зачастую на почве ревности), за которое не было уплачено достойной виры; оскорбление и ранение в ссоре; вторжение в чужие охотничьи угодья и спор из-за добычи; походы предпринимались также с целью грабежа и захвата рабов (в основном на юг) или для защиты своих торговых интересов (как то случилось в 1851 г., когда чилкатские Кагвантаны разорили английский форт Селкирк в верховьях Юкона). Вспыхивали конфликты и по иным причинам. Так в год плохого улова лосося, будучи не в состоянии обеспечить себя припасами на зиму, жители Хуна-куана выслали на север военный отряд, который, однако, был истреблён чилкатцами. Американский исследователь Р. Олсон отмечал, что "даже ссоры между детьми могли вылиться в более серьёзные неприятности между кланами." 8 При этом более могучие кланы гораздо скорее и охотнее реагировали на обиды и стремились к мщению, чем то делали представители слабейших родов.

Превосходство родовых связей над всеми прочими вело к ослаблению понятий о общеплеменной собственности на территорию. Отдельные местности – рыболовные, охотничьи, промысловые угодья – находились в коллективном владении тех или иных домохозяйств и кланов. Районы, не используемые ими, считались "ничейными" и посягательство на них чужаков не вело к войне. Примером тому может служить переселение людей Танта-куана к Кэйп-Фокс, близ которого стоял посёлок Санъя-куана, а также вторжение Хайда-Кайгани на острове Принца Уэльского. В обоих случаях войны не последовало, ибо пришельцами не были затронуты клановые владения аборигенов. 9

Междуклановые войны могли быть остановлены лишь при достижении равновесия потерь или же путём уплаты выкупа за ещё неотмщённых погибших. При подобных столкновениях прочие жители селения или куана оставались лишь зрителями или, в лучшем случае, посредниками-миротворцами (pa'sani). "Частота клановых войн происходила из-за отсутствия индивидуальной ответственности, так как каждое действие отдельной личности вовлекало в события весь клан, фактически не имевший отношения к происшествию, – пишет Дж. Эммонс, -... различная ценность жизни личностей, основанная на их социальном статусе, делала

затруднительным уравнивание результатов. Жизнь вождя равнялась нескольким жизням людей иного общественного положения." 10

Хотя тлинкитское общество и не создало прослойки профессиональных воинов или военных предводителей, каждый Тлинкит был превосходно снаряжён для битвы.

Неотъемлемой принадлежностью каждого мужчины, самым распространённым среди Тлинкитов оружием был кинжал. Он постоянно носился в ножнах из жёсткой кожи, которые вешались на шею на широком ремне. На ночь его клали у постели. Оружие это так и называлось чиханат - "справа от меня, всегда наготове" или "вещь под рукой". 11 Изначально кинжалы были каменные. Затем камень сменили медь и железо. Позднее появились кинжалы типа гватла (от gwala – "ударить"), с одним лезвием и резным тотемным навершием, но ранние кинжалы имели иногда два клинка – нижнее, колющее, и верхнее, более короткое, режущее. Находящаяся между ними рукоять обматывалась полоской кожи, коры или шнуром из человеческих волос. Закреплялось это длинным ремешком, который дважды обвивался вокруг запястья. Воин пропускал свой средний палец сквозь разрез на конце этого ремня – таким образом боевой нож намертво крепился к его руке и его невозможно было вырвать даже у убитого. 12

Капитан Этьен Маршан, побывавший на Ситке в 1791 г., так говорит о вооружении Тлинкитов: "Тхинкитанайаны (Tchinkitanayans) все вооружены металлическими кинжалами 15 или 16 дюймов длиной, от двух с половиной до трёх шириной, завершающимися остриём, обоюдоострыми – это оружие они наиболее тщательно хранят и с удовольствием чистят и полируют: гренадер не более гордится своей саблей, чем Тхинкитанайан своим кинжалом; он носит его на заплочном ремне в кожаных ножнах и никогда не бывает без него, ни днём, ни ночью." 13

К оружию ближнего боя относились также копья и палицы. Палицы, изготовлявшиеся из дерева, камня, кости и даже металла, применялись Тлинкитами сравнительно редко. Уже в начале XIX в. они переходят в разряд фамильных реликвий. Согласно устным преданиям, увесистые дубинки с резными каменными навершиями носились вождями скрытно под одеялами и использовались при внезапных нападениях на личных врагов. 14 Распространённым был тип палицы в виде кирки (так называемый slave-killer), представлявший собой церемониальное оружие вождей для ритуального убийства рабов. Это оружие состояло из слегка изогнутого отполированного каменного острия, насаженного на деревянную рукоять или вправленного в неё. Гораздо чаще, чем на войне, дубинки применялись в морском промысле.

Копья использовались равно и на войне, и на охоте (особенно медвежьей). Оба вида этого оружия представляли собой листовидный наконечник, металлический или каменный, прикрепленный к древку длиной в 6- 8 футов. Подобные копья не метались, но вонзались в противника в рукопашной схватке. при умелом использовании то было грозное оружие. В коллекции Дж. Т. Эммонса находилось копье, которым в бою ситкинцев со стикинцами был нанесён удар такой страшной силы, что оно прошло сквозь одного стикинца и пронзило другого, стоявшего позади. 15

Подобно копью, лук также использовался и на войне, и на охоте, но на войне гораздо реже. Это объясняется отчасти тем, что Тлинкиты обычно нападали на противника на рассвете, когда эффективность стрельбы из лука была минимальной. К тому же тлинкитские воины предпочитали рукопашную схватку, в которой не было места для лука и стрел. Известны, однако, факты применения этого оружия во время "морских битв" на каноэ, когда для защиты от стрел был разработан целый ряд специальных манёвров. При стрельбе лук держался горизонтально – также, возможно, чтобы удобнее было целиться с борта каноэ. Позднее, однако, лук был быстро вытеснен широким распространением огнестрельного оружия.

Кремнёвые ружья конца XVIII – начала XIX вв. били на 300-400 шагов, причём нарезные винтовки отличались большей кучностью боя. "Патрон состоял из бумажной гильзы, в которой помещались пороховой заряд и свинцовая круглая пуля. Для заряжания ружья необходимо было поставить курок на предохранительный взвод, полка должна была быть открыта; "скусить патрон", т. е. оторвать зубами донце гильзы так, чтобы не рассыпать пороха и не замочить его слюной; отсыпать из гильзы немного пороха (по возможности всегда одинаковое

количество, чтобы заполнить им только желобок полки); зажать патрон двумя пальцами, закрыть полку; поставить ружьё прикладом на землю и всыпать остальной порох в ствол, при этом следует осторожно разминать патрон пальцами, чтобы в нём не осталось пороха; вставить в ствол пулю так, чтобы скомканная бумага осталась поверх пули. Шомполом досылали пулю к пороху, слегка прибивая её, но не сильными ударами, чтобы не раздробить пороховых зерен, потому что тогда отдача становилась сильнее и бой ружья изменялся. Шомпол ставили на место, курок взводили на боевой взвод: ружьё готово к выстрелу... на один выстрел с заряданием требовалось 1-1,5 минуты. При исправном оружии и припасах более ловкие стрелки могли делать 2-3 выстрела в минуту... 5-6 выстрелов в минуту... была рекордная цифра при самых благоприятных условиях стрельбы... Зарядание нарезных кремнёвых ружей происходило подобным же способом, с той лишь разницей, что, когда заряд пороха всыпан был в ствол, пулю клали на кусочек просаленной тряпки (т. н. пластырь), положенной на дуло ружья; пулю вжимали в ствол ударами деревянной колотушки и досылали к заряду ударами шомпола. Зарядание нарезного ружья требовало гораздо больше времени сравнительно с гладкими ружьями." 16 Но, несмотря на все недостатки огнестрельного оружия той эпохи, оно играло решающую роль в военных столкновениях, что быстро осознали индейцы Северо-Западного побережья.

Если при нападении на партию А. А. Баранова в 1792 г. Тлинкиты ещё не применяли огнестрельного оружия, то уже в 1794 г., согласно рапорту Е. Пуртова и Д. Куликалова, у якутатцев было "множество... ружей, а снарядов, как то пороху и свинцу сколько есть неизвестно." 17 Ю. Ф. Лисянский сообщает, что в его время Тлинкиты уже практически оставили лук, заменив его огнестрельным оружием. Оружие это получалось с европейских торговых судов в обмен на шкуры морских выдр. Для XIX в. наиболее типичным оружием такого рода является мушкет Компании Гудзонова Залива. Для него отливались свинцовые пули, но он мог стрелять и галькой. Известны и медные пули. 18 Ружьё называлось уна ("нечто стреляющее") или хан уна ("военное ружьё").

Воин, вооружённый мушкетом, должен был иметь при себе порох, пыжи, пули, а позднее и капсюли. Заряды хранились в особой корзине или в кисете из птичьей шкурки. Порох и капсюли помещались в сумочку из кишок. Использовались и пороховые рога. В коллекции, собранной Дж. Т. Эммонсом, имеется мерка для пороха из рога горного козла, вырезанная в виде орла. Она имеет "линию, размечающую внутри уровень 4-х драм – полновесный заряд для охотничьего ружья 12-го калибра или лёгкий заряд для 10-го калибра. Ремешок, на котором она держалась, проходил через клюв орла." 19

Известны и случаи использования Тлинкитами пушек (анту уна – "ружьё внутри города"), как приобретённых у европейских купцов, так и захваченных у русских. Широко применялись на Северо-Западном побережье мушкетеры, стрелявшие картечью. Благодаря своим конструктивным особенностям, они были весьма эффективным оружием в ближнем бою, особенно против превосходящих сил неприятеля. Большой популярностью пользовались они среди морских торговцев: опасаясь внезапного нападения индейцев, они помещали на реи матросов, вооружённых мушкетонами.

Для сравнения следует отметить, что подчинённые РАК Эскимосы и Алеуты, составлявшие большую часть промысловых партий и боевых ополчений компании, в основном применяли на войне то же оружие, что и на промысле. По наблюдениям Ю. Ф. Лисянского, "кадьякское оружие состоит в длинных пиках, гарпунах и стрелках, которыми промышляют морские звери, как-то: киты, нерпы, касатки и бобры. Когда жители вели войну между собою, то вооружались большими луками... и стрелами с аспидными или медными носками... Китовый гарпун имеет в длину около 10 футов, с аспидным копьём, сделанным на подобие ножа с обеих сторон острого, который вставляется довольно слабо. Нерпячий не короче китового, с костяным носком или копьём, на котором нарезано несколько зубцов... Здешние стрелки бросаются с узких дощечек (правою или левою рукою), которые держать должно указательным пальцем с одной стороны, а тремя меньшими с другой, для чего вырезаются ямки. Они кладутся перьяным концом в небольшой желобок, вырезанный посреди вышеозначенной дощечки, и бросаются прямо с плеча." 20

Нет сведений о применении кадьяками и Чугачами защитного вооружения в боях с Тлинкитами, хотя сохранились образцы подобных доспехов и подробное их описание, сделанное иеромонахом Гедеоном. Он писал, что кадьякцы "на войне употребляли щиты кубахкинак из деревянных, толщиною менее полвершка,

шириною в вершок и длиною на спине в 3 1/2, а наперед в 2 четверти, крепко между собою жильными нитками связанных дощечек, к которым ещё прикрепляется нагрудник хакаать из тоненьких палочек в 1 четверть длины, так искусно и прочно между собою теми же нитками переплетённых, что копьё сильного ратника удерживать мог. Бывали также щиты, подобные нагруднику: ими прикрывали одно только туловище. Сверх сих щитов [доспехов] надевали ещё плащ улихтать, таким же образом из длинных дощечек сделанный, смотря по росту человека. Ошейником служила жильная сетка, коею, крепко скрутив, обвёртывали шею. Шапку имели из топольного дерева или из толстой звериной кожи. Вымарав краскою всё лицо, выходили на войну, держа в правой руке костяное копьё, а в левой лук. Колчан со стрелами повешен также на левой стороне. Лук бывает сделан в 2 аршина длины из американского кипариса... У стрелок древко бывает длиною в 3 четверти и более, с наконечником оленьей кости, при трёх в одну четверть насечках и с каменным или медным на нём копьецом в полтора вершка." 21

Огнестрельное оружие туземным союзникам РАК доверялось лишь в исключительных случаях и правление компании придерживалось такой практики вплоть до конца второго десятилетия XIX в., когда беспрестанные стычки с Тлинкитами вынудили его пойти на снабжение ружьями и пистолетами своих партовщиков-аборигенов. В целом же и по вооружению, и по боевым качествам туземные ополчения РАК сильно уступали своему главному противнику – тлинкитским военным отрядам.

Вооружение самих русских промышленных также отнюдь не превосходило тлинкитских арсеналов ни численно, ни качественно. В 1803 г. укрепления РАК были снабжены медными единорогами (чугунных пушек, как отмечает К. Т. Хлебников, "было весьма немного"), а на вооружении артелей и гарнизонов находилось в общей сложности до 1 500 "ружей, винтовок и штуцеров." 22 Относительно сравнительного достоинства огнестрельного оружия Тлинкитов и русских, красноречиво свидетельствуют слова Н. П. Резанова, который в 1805 году писал о Колошах: "у них ружья английские, а у нас Охотские, которые по привозе отдаются прямо в магазины в приращение капитала компании и никогда никуда за негодностию их не употребляются." 23 Подобный паритет в вооружении (а то и перевес в нём на сторону Тлинкитов) является одной из главных особенностей русской колонизации Северо-Западного побережья. Это, в сочетании с малочисленностью собственно русских – служащих РАК, во многом объясняет тот факт, что обычно инициатива в военных действиях находилась в руках индейцев. За весь период вооружённых столкновений Компания предприняла лишь одно наступательное действие – знаменитый поход Баранова на Ситку в 1804 г., для осуществления которого пришлось напрячь все силы и даже использовать помощь извне (прибытие "Невы" под командованием Ю. Ф. Лисянского). В большинстве случаев русские предпочитали действовать путём дипломатии и на этом поприще приказчики и комиссионеры РАК стали настоящими мастерами.

Русские промышленные применяли в Америке, вероятно, огнестрельное оружие того же типа, что и охотники Восточной Сибири – кремнёвые винтовки, иногда переделанные из ружей военного образца. О применении характерных для сибирских охотничьих ружей сошек сведений не имеется. Известный знаток охоты А. А. Черкасов так описывал обращение с оружием восточносибирского промышленника: "На охоте в случае надобности промышленник быстро ставит или, лучше сказать, бросает саженьки на землю, кладёт на них винтовку и, не торопясь, выцеливает свою добычу. Конечно, новичок, неопытный и непривычный к этому охотник, пожалуй, прокопается с таким инструментом и не скоро выстрелит; но зато посмотрите, как проворно и ловко стреляют из винтовок привычные зверовщики!... Без сошек или без саженок сибиряки стреляют незавидно... Здешние винтовки довольно тяжелы, почему держать их на весу, без помощи сошек, трудно... средний вес сибирской винтовки с сошками можно принять от 12- 14 фунтов." 24 Немногим, вероятно, различалось и снаряжение сибирских и американских промышленников: "промышленник... надевает на себя через плечо широкий ремень, называемый натрускою, к которому привешены всевозможные принадлежности охоты, а именно: спереди небольшая роговая пороховница, которая кладётся за пазуху; тут же заткнуты два готовых заряда в костяных трубочках... сзади к ремню прикрепляется и отвёртка, и мешочек с запасными кремнями – всё это затыкается сзади за пояс, равно как и ножик... и огниво с кремнем и трuтом, и маленькая медная чашечка (с напёрсток) с горючей серой: это для того, чтобы можно было добыть огонь и во время самого сильного ненастья..." 25

Поскольку снабжение колоний оружием осуществлялось нерегулярно и без определённой программы, то вооружение служащих компании было зачастую весьма разнообразным. К судну В.М. Головнина в 1810 г. подъехали промышленные "вооружённые саблями, пистолетами и ружьями;" 26 начальник якутатской крепости подарил индейскому вождю шпагу-трость, сохранившуюся до настоящего времени; 27 после первого столкновения с облачёнными в доспехи Тлинкитами, А. А. Баранов потребовал присылки ему кольчуг и панцирей. Подобные предосторожности были отнюдь не лишними, поскольку из-за отсутствия в колониях какой-либо квалифицированной медицинской помощи любая серьёзная рана могла оказаться смертельной. "Лечимся мы здесь, как Бог послал, – говорил А. А. Баранов в беседе с В. М. Головниным, – а кто получит опасную рану, или такую, которая требует операции, тот должен умереть." 28 В особенно невыгодном положении оказывались промышленные при рукопашных схватках, которые были в такой чести у Тлинкитов.

Тело тлинкитского воина было надёжно защищено против всех видов известного ему оружия, за исключением пушек. К числу санке'т, доспехов, относились: деревянные шлем и забрало ("воротник"), дощатые деревянные кирасы, наголенники и наручи, рубахи-безрукавки из толстой кожи, боевые плащи из согнутых вдвое лосиных шкур, а позднее ещё и "куяки", усиленные металлическими полосами.

Шлем вырезался из древесного узла или корня, изображая собой лицо человека или морду животного, раскрашивался или покрывался шкурой, украшался инкрустацией из меди и раковин, пучками человеческих волос. Шлем одевался на голову поверх меховой шапки и крепился под подбородком кожаными ремешками. Шею и лицо до уровня глаз покрывал воротник-забрало, который поддерживался на месте петлёй или продолговатой деревянной пуговицей, зажатой в зубах воина. 29

Кираса имела несколько разновидностей. Она изготовлялась из дощечек или комбинации дощечек и палочек, которые скреплялись вместе и оплетались тонко скрученными нитями сухожилий. отдельные части доспехов скреплялись кожаными связками. Нагрудник имел внизу V-образный выступ для защиты живота и гениталий. Руки от запястий до локтевого сгиба защищали наборные деревянные наручи, а такие же дощатые наголенники прикрывали ноги от колен до подъёма ступни.

Деревянные доспехи могли носиться в сочетании с кожаными доспехами. Кожаные рубахи-безрукавки достигали бедра, а иногда спускались и ниже колен. Они состояли из одного или нескольких слоёв шкур морского льва, лося или карибу. Многослойными бывали и боевые плащи. Подобные доспехи изготовлялись из согнутой пополам шкуры, где сбоку прорезалось отверстие для левой руки, а верхние края скреплялись, оставляя отверстие для головы. Защищённая левая сторона подставлялась врагу в боях, особенно во время поединка на ножах. Внешняя поверхность расписывалась тотемными символами. В 1870 г. американскими этнографами на Ситке были приобретены два своеобразных "жилета" из трёх слоёв дублёной кожи с пришитым воротником. Они были обшиты вертикальными рядами медных матросских пуговиц и китайских монет. Этот тип, бесспорно, появился уже в результате тесных связей с европейцами. 30 Тлинкитские доспехи успешно выдерживали удары не только копий и стрел, но иногда даже мушкетных пуль.

Одно из ранних описаний бойца в полном вооружении дал в 1791 г. испанский художник Т. Суриа, участвовавший в экспедиции Маласпины в Якутат: "Сражающиеся индейцы надевают всё своё вооружение, нагрудник, спинные латы, шлем с забралом или тем, что выполняет его роль. Грудные и спинные доспехи есть род кольчуги из досок в два пальца толщиной, соединённых шнуром, который переплетает их как спереди, так и изнутри, равно соединяя их. В этих точках соединения нить берёт противоположное направление; получается чехол, который не может пробить стрела даже здесь, а тем более в толстых частях досок. Этот нагрудник привязывается изнанкой к телу. Они носят передник или броню от талии до колен, того же самого рода, который может мешать им ходить. Тем же самым материалом они покрывают себе руки от плеча к локтю, а на ногах носят некие ноговицы, достигающие середины бедра, шерстью внутрь. Шлемы они изготовляют различных форм; обычно это кусок дерева, крупный и толстый, столь большой, что когда я надел один такой, то весил он так же, как если бы был из железа... чтобы прикрыть лицо они опускают от шлема кусок дерева, который окружает его и висит на неких кожаных подвязках, соединяясь с другими, одна из которых идёт вверх из-под подбородка. они соединяются у носа, оставляя в месте стыковки смотровую щель. Примечательно, что перед тем, как одеть свои

доспехи, они облачаются в платье, подобное женскому, но тяжелее и толще, особо обработанное. Они вешают *catuscas* [колчаны] и перекидывают луки через плечо, позади которого и висит колчан. Они сжимают в руках короткое копье, нож и топор. Таково снаряжение воина. Копье есть тяжёлый шест из чёрного дерева, хорошо обработанный, к концу которого привязано лезвие большого ножа, какие получают они от англичан в обмен на свои шкуры... Топор – из чёрного камня, размера, формы и заострённости наших железных топоров. Они крепят его к прочной палке и используют как на войне, так и для других нужд." 31

Кинжалы, палицы, а также боевые шлемы и ружья, подобно домам и каноэ, получали особые названия (например, кинжал-Касатка, шлем Шапка Ворона и пр.).

Каждый мужчина-Тлинкит постоянно готовился к войне и подготовка эта велась с самого раннего детства. Уже с трёхлетнего возраста тела мальчиков закалялись ежедневными купаниями в холодной воде, а периодические порки приучали их терпеливо переносить боль. "Когда дитя начинает говорить, – отмечает К. Т. Хлебников, – то родственники его, дяди и другие, имеют обязанность каждое утро купать его в речной или морской воде, не взирая ни на какие морозы, до тех пор, пока привыкает терпеть холод... дядя, исполняя обыкновение, за непослушание и крик сечёт розгами." 32 В сказании об акойском герое Дахкувадене говорится, что "в то время индейцы полагали, что ледяная вода делает храбрым и сильным", а потому дед купал мальчика в море до тех пор, пока "тело его не коченело, словно у мертвеца." Дахкуваден плавал в ледяной воде, спал без одеяла и в результате "стал сильным, как скала." Кроме того, "чтобы показать свою храбрость, укрепить тело и дух", взрослые мужчины также подвергали себя бичеванию, а иногда даже наносили себе во время купания в морской воде раны острыми камнями. 33

Вопросы войны и мира решались советом мужчин клана. Помимо того, предводитель похода (обычно клановый вождь, его брат или племянник) совещался с шаманом, который провидел планы противника и боролся с враждебными духами. Личность самого предводителя играла столь важную роль, что о сама война расценивалась, как его личное дело. "Чья это война?" – спрашивали воинов, встреченного на пути отряда. "Это война такого-то," – отвечали они. 34

Согласно общепринятым правилам, нападение на врага происходило спустя несколько месяцев после формального объявления войны. За это время противники успевали подготовиться в враждебным действиям – запастись продовольствием и выстроить себе крепость (ну). 35 Иногда укреплялись и постоянные селения, но обычно клан, вступивший в войну, строил себе форт на небольшом островке или на вершине скалистого мыса. Как правило, подобные крепости представляли собой несколько жилых домов, обнесённых мощным частоколом. В начале XIX в. умело выстроенный палисад мог противостоять даже артиллерийскому огню. Каждая крепость получала своё имя. Нередко в таких фортах укрывались и незамешанные во враждебных действиях жители селения. Они, видимо, полагали, что там им будет гораздо безопаснее. Вместо того, чтобы штурмовать крепости, Тлинкиты предпочитали брать их измором или хитростью. Открытый приступ, как правило, приводил к поражению осаждающих.

Поселения, как укреплённые, так и неукреплённые, охранялись: в случае начала войны выставлялись дозоры из молодых воинов. Отличительным знаком разведчиков и караульных было одно перо в волосах. "Если они видели молодого парня, бегущего по селению с одним пером, торчащим у него на затылке, это означало войну... каждый знал, что пришли враги, если видел одно перо." 36

С началом войны воины проводили целую серию подготовительных обрядов. Они соблюдали четырёхдневный пост, а на половые отношения накладывалось табу. Боевые каноэ на четыре дня помещались на специальные подпорки. Перед выступлением в поход разыгрывались "учебные бои", "связывались" и "убивались" деревянные фигурки, изображающие вражеских воинов. Это должно было обеспечить удачу в схватках с настоящим противником. Такие же фигурки воины перебрасывали своим жёнам из каноэ перед отплытием. Считалось, что если женщина не поймает фигурку, то муж её может погибнуть. В отсутствие воинов их жёны также исполняли ряд магических ритуалов и соблюдали строгие табу. 37

Как правило, военные походы совершались по морю. Архимандрит Анатолий писал, что Тлинкиты, "отличаясь храбростью и неустрашимостью... предпринимали нередко походы морем... подобно викингам, на огромные расстояния, причём в одни сутки, при благоприятной погоде, проезжали по 150 и 200 миль, то есть около 300 вёрст." 38 Размеры флотилий могли достигать нескольких десятков батов – этим якутским словом русские по привычке называли боевые каноэ Тлинкитов (яку). Так в поход против куана Хенъя чилкатцы выслали 60 каноэ. Большие боевые ладьи вмещали в себя до 60 человек. Каждое каноэ имело своё имя. К. Т. Хлебников отмечал, что "главнейшее искусство Колош состоит в обделании лодок или батов, которые весьма легки на ходу... На них гребут короткими вёслами с обеих сторон, и никакое гребное судно не сравнится с ними в скорости хода... изображения имён вырезаются на носу и на корме с разными фигурами." 39

Иногда столкновения враждебных сил происходили на море, как то случилось в битве хуцновцев и стикинцев у современного Врангеля (Стикин-куан). В таких случаях особое значение приобретали и мореходные качества батов, и умелое управление ими, опытность кормчих и слаженность действий команды. Боевые манёвры военных каноэ описал Дж. Ванкувер, моряки которого испытали их на самих себе. Он рассказывает, как его баркас был атакован индейской пирогой, которой правила женщина-кормчий. Индейцы пытались остановить англичан. Когда капитан приказал открыть огонь, то индейцы, сгрудившись разом у одного борта каноэ, подняли противоположный борт и укрылись за ним от пуль, как за щитом. Отступая, они направляли свою пирогу таким образом, чтобы из-за её высокого резного носа преследователи могли видеть только быстро двигавшиеся руки гребцов, практически неуязвимых для вражеских выстрелов. 40

В таких условиях особое значение приобретали боевая выучка и дисциплина воинов. Каждый из них имел в каноэ своё, строго закреплённое за ним, место. Если в походе кто-либо погибал, то на его месте при возвращении домой привязывалось вертикально стоящее весло и встречающие женщины, лишь заведя издали приближающееся каноэ, уже знали, чей муж, сын или брат расстался с жизнью на этой войне. 41 На носу головного каноэ военной флотилии находился "адмирал" (шакати). Дж. Р. Свэнтон упоминает также о "человеке на носу", отличая его от главы отряда. Этот человек исполнял обязанности разведчика и часового, а когда отряд останавливался на ночлег, "он шёл вперёд и осматривал место и они не ложились спать, пока он не сделает этого." 42 Глава военного отряда именовался "генералом" (хан кунайе). Каково было реальное распределение обязанностей между этими тремя членами экспедиции сказать трудно, поскольку сведения о каждом из них почёрпнуты из разных источников. 43

По пути к цели своего похода воины продолжали поститься, соблюдая пищевые табу, а также носили на головах специальные шаманские шляпы. предводитель и "человек на носу" питались отдельно от других.

Скрытно подплыв к враждебному селению, воины высаживались на берег, облачались в доспехи и раскрашивали лица чёрной краской – "в цвет смерти". У враждебных индейцев Ситки, которые приблизились к судну Ю. Ф. Лисянского, лица "испещрены были красной и чёрной краской; у одного от самого лба до рта сделан чёрный круг наподобие полумаски, борода [подбородок] же и прочие части вымазаны светлой чернью." 44

На рассвете они нападали на селение, убивая мужчин, захватывая в плен женщин и детей. "Нападая врасплох, они не дают пощады мужчинам и убивают всех; но женщин обыкновенно щадят и берут в невольницы (куух)" 45, – сообщает К. Т. Хлебников. Да и сами мужчины, особенно благородного происхождения, предпочитали смерть плену и рабству. В бою, столкнувшись с безоружным мужчиной, женщиной или ребёнком, воин спрашивал о их клановой принадлежности. Лгать в таких случаях было не принято даже при угрозе немедленной смерти. Считалось позором избежать гибели ценой отречения от принадлежности к своему клану. Пощада же, дарованная врагом, могла выглядеть оскорблением. Так известна история о раненом воине, которого победитель отказался добить, заявив: "Ты не стоишь того, чтобы погибнуть за смерть такого-то." Раненый затем молил о помощи членов нейтрального клана, но унижение не спасло его и он был убит одним из них. Мать погибшего, узнав о позорном поведении сына, перерезала себе горло от стыда. 46

Сходясь в схватке, воины издавали боевой клич, звучавший обычно, как gwi или hu. Кроме того бойцы подражали голосам своих тотемных животных. Если перед битвой было время, то стороны обменивались угрозами и оскорблениями. Особых военных песен у Тлинкитов не существовало и они "укрепляли свою

храбрость и подстёгивали ненависть, стуча в барабаны и ударяя копьями. Это называлось... "делаться безумными." 47 Захваченное селение грабилось, а дома сжигались. Об этом свидетельствуют, например, остатки сожжённых построек, обнаруженные при раскопках на Найт-Айленд в Якутате. 48 Особо ценной добычей считались родовые реликвии и оружие с тотемными именами. После убийства противника победитель мог присвоить себе его церемониальное имя, знаки для раскраски лица и другие личные prerogatives убитого.

В целом тлинкитские военные действия "состояли из внезапных нападений на селения или незащищённые стоянки и столь же быстрых отступлений до того, как атакованные смогут собрать все свои силы... Охотничья сноровка, от которой зависела жизнь, учила коварно перехитрить противника, терпеливо выжидать своего времени и, превыше всего, вначале обеспечить себе самозащиту. Идея открытого боя не привлекала Тлинкита. Причиной тому было не отсутствие личной храбрости – когда требовалось положить жизнь за честь клана, он без колебания шёл вперёд безоружный, не зная страха, чтобы принять смерть от ожидающих его копий и ружей." 49 Так писал хорошо знавший Тлинкитов Дж. Т. Эммонс.

Убитые враги обезглавливались и скальпировались. Головы и скальпы, по словам индейских информаторов Ф. де Лагуны, забирались в равной мере в качестве напоминания и об убитом враге, и о собственной смерти. Отрезанные головы складывались под лавку на корме каноэ, а при возвращении домой поднимались на шестах на носу. Тогда же с черепов снимались скальпы (*du cada dugu*, "кожа вокруг его головы"), которые развешивались по бортам каноэ, по прибытии в селение вешались на балках снаружи дома. Считалось хорошей приметой, если при этом скальп качался не параллельно борту каноэ, а вправо от него. Женщин и детей Тлинкиты никогда не скальпировали. Родственники погибших обычно старались вернуть их головы или скальпы. С целью не допустить захвата врагами этих трофеев, воины могли даже сами скальпировать и обезглавливать своих павших товарищей, если не было возможности вынести с поля боя их тела. 50 Скальпы эти передавались семьям убитых, где хранились в качестве фамильных реликвий. В индейских преданиях говорится: "Если ты любишь своего брата, заведи его скальп... Иначе они отрежут голову... Они будут держать волосы покуда живы. Высушат и будут держать, думая, что это подобно человеку... Если враг убьёт тебя, они отрежут тебе голову. Твой дух пойдёт вверх без головы... Я не знатен, не вождь и не племянник вождя, так что они не отрежут мне голову. Но если я важная персона, то они отрежут мне голову. Они будут использовать мои волосы и скажут: "Это – такой-то." 51 Добытые скальпы действительно применялись при проведении некоторых церемоний, а также для украшения праздничных нарядов. Дж. Эммонс в конце XIX в. осматривал шесть скальпов – "все были мужские... один из них был украшен шкуркой горностая, другой имел квадратики из халиотиса, привязанные через отверстия в ушах. В последние годы люди не склонны показывать эти трофеи. Они слишком ценны и демонстрируются только в особых случаях." 52 Скальпы, взятые ради выкупа за жизни убитых, назывались *awusa* или *aga gawusa auat sayadi* – "уравнивающий трофей".

Пленников обращали в рабство, но могли освободить за выкуп. Иногда их подвергали жестоким пыткам и умерщвляли. Со слов якутатских аманатов И. И. Баннер описывал муки пленников – им "по частям отнимают члены, колют и дают небольшие раны для одного мучения и страдания, или тела рвут крючками, или, разрезав, вытягивают внутренность и мотают кишки, снимают с живых кожи." 53 О том же свидетельствует и капитан Ю. Ф. Лисянский: "Со своими пленниками они поступают жестоко: предают их мучительной смерти или изнуряют тяжкими работами, особенно европейцев. Если кто-нибудь из последних попадётся к ним в руки, то нет мучения, которому не предали этого несчастного. В этом бесчеловечном деле участвуют самые престарелые люди и дети. один режет тело попавшего в плен, другой рвёт или жжёт, третий рубит руку, ногу или сдирает волосы. Последнее делается как с мёртвыми, так и с измученными пленниками, и совершается шаманами, которые сперва обрезают вокруг черепа кожу, а потом, взяв за волосы, сдёргивают её. После этого головы несчастных жертв отрубаются и бросаются на поле или выставляются напоказ. Этими волосами ситкинцы украшаются во время игр." 54

Пребывание в неволе считалось позорным, особенно для благородных аняди, и после освобождения им следовало пройти через очистительные ритуалы. Подобные же обряды в бане-потельне совершали и вернувшиеся из похода воины.

Мир между враждующими сторонами заключался обычно при посредничестве на'кани, "клана зятьёв". Это были мужчины, женатые на женщинах представляемого ими клана, но сами не принадлежащие к кланам, замешанным в войну. Послы мира торжественно прибывали в селение противника, заранее оповещая о своей миссии и выставляя на своих каноэ знаки мира – белые перья и птичьи хвосты, белые шкуры, поднятые на шестах. После согласования условий мира и размеров выкупов за неотмщённых ещё сородичей, происходила главная церемония – обмен заложниками. Число их обычно бывало 2, 4 или 8, а назывались они "олени" (qiwaka'n) – "так как олень кроткое животное и представляет собою мир." То были люди знатные и считалось честью войти в их число. Яркое описание церемонии размена аманатами даёт К. Т. Хлебников:

"Обе стороны выходят на равнину с кинжалами, мужчины и женщины, и первые, которым надобно схватить аманата (лучшего из противников, более уважаемого по связям родства и старшинству) показывают вид наступательный, машут копьями и кинжалами; кричат, вторгаются в середину неприятеля и схватывают избираемого заложника, который скрывается в толпе своей партии. Тут с криком, изъясляющим радость, исполнение желаний и окончание войны, поднимают его на руки и относят на свою сторону. Разменясь подобным образом, каждая сторона заложника своего содержит лучшим образом, доставляя ему всевозможные услуги: не позволяют ходить, а всегда на первый случай носят на руках, и проч... Торжество мира заключается плясками с утра до вечера и обжорством... Наконец, заложники отвозятся на жильё новых друзей и проживают год или более; потом возвращаются и снова плясками подтверждают прочность союза." 55

Прибывшим в конце XVIII в. в страну Тлинкитов русским промышленным поневоле пришлось постигать сложные обычаи войны и мира аборигенов, в полной мере считаться с ними.

Глава II ПРОНИКНОВЕНИЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ В СТРАНУ ТЛИНКИТОВ

Первые достоверные сведения о встрече европейцев с Тлинкитами относятся к середине XVIII в., ко времени Второй Камчатской экспедиции Беринга и Чирикова.

17 июля 1741 г. пакетбот "Св. Павел" под командованием А. И. Чирикова, в тумане и дожде двигался вдоль гористого, изрезанного шхерами, американского берега. За бортом судна остался мыс Эджкомб, а в полдень справа по курсу показался мыс Кросс. На следующий день, 18 июля, стояла туманная ненастная погода. Шёл дождь, шквалами налетали порывы сильного ветра. Требовалось пополнить запасы питьевой воды. Для того, "подошед сколько можно к берегу, отпустили бот на берег и на нём послан флотский мастер Дементьев и при нём вооружённых 10 человек служителей и приказано ему иттить в показавшуюся нам заливу." 1 На случай встречи с местными жителями им выдали два котла, бисер, ткани, иголки, образец серебряной руды. Согласно полученному от Чирикова "ордеру", штурман должен был "осмотреть, какие на берегу растут леса и травы, посмотреть, нет ли каких отменных камней и земли, в которой можно чаять быть богатой руде", а у туземцев "осведомиться, куды эта земля простирается и есть ли из неё впадающие в море реки". Результаты исследований следовало нанести на чертёж. В случае враждебного столкновения с аборигенами предписывалось в бой не вступать, но как можно быстрее возвращаться обратно. Согласно инструкции, А. М. Дементьев был обязан "ничего не мешкав, возвратиться к судну того ж дня, а по крайней мере – на другой день. 2 Однако обратно на борт судна люди Дементьева не вернулись. Сигнальные выстрелы остались без ответа. Вначале А. И. Чириков полагал, что "бот... не пошёл с берегу за непогодю." И действительно, согласно судовому журналу "Св. Павла", 19 июля был "ветр со шквалами непостоянно и дождь велик", а 20 июля – "во все сутки ветер непостоянной, погода облачна с туманом и дождём." 23 июля в 4 часа пополудни, когда туман несколько рассеялся, на берегу был замечен дым: "огонь горел у самой той губы, куды послан от нас бот". Более того, А. И. Чириков заметил, что "как выпалят от нас из пушки, они тотчас огня прибавят". Поскольку Дементьев всё же не возвращался, хотя и подавал вроде бы сигналы с берега, Чириков решил, что бот разбился и нуждается в починке. Тогда 24 июля, пользуясь ясной погодой и наступившим штилем, "все обер и ундерофицеры согласились и по списку учинили... послать на малой лодке плотника и конопатчика и дать для починки бота надлежащие вещи... а для свозу плотника и конопатчика на берег возьме [же]лание своевольно боцман Сидор Савельев да матрос Дмитрий Фадеев, а плотник с ним наш Полковников и конопатчик Горян, которые в сём первом часу с полудни и отправлены им с малым ветром." 3 Боцман высадился на берег и исчез. Пакетбот приближался к побережью, насколько это было возможно, "так что видно все наружные каменя и играющей бурун", но сигналов, о которых было условленно с боцманов, не появлялось. В ответ на выстрелы на берегу мелькали огни. На следующий день, 25 июля, на волнах перед судном показались две лодки разной величины. Подумав, что это возвращаются его люди, А. И. Чириков направил судно в их сторону, но "потом рассмотрели мы, что лодка гребущая не наша, понеже она корпусом остра... а гребут вёслами просто у бортов... сидело в ней 4 человека, один на корме, а протчие гребли и платье было видно на одно[м] красное, которые... встали на ноги и кричали по два раза "агай, агай" и махали руками и в тот час поворотили и погребли к берегу." 4 Попытки русских связаться с этими незнакомцами не увенчались успехом. После этого все на борту "Св. Павла" "утвердились, что посланные от нас служители всеконечно в нещастии... что американцы к нашему пакетботу не смели подъехать, [потому] что с посланными от нас людьми от них на берегу поступлено неприятельски, или их побили, или задержали." 27 июля, когда всякая надежда на возвращение пропавших исчезла, "Св. Павел" взял курс в открытое море. 15 русских безвозвратно пропали в неведомой стране.

Судьба пропавших моряков так и осталась неясной, как и точное место происшествия. Выдвигалось предположение о гибели их от рук индейцев. 5 Исходя из этого крики "Агай!" можно истолковать, как попытку заманить в ловушку новые жертвы. Иного мнения придерживался Дж. Эммонс. По его квалифицированному мнению лодки могли затонуть в водоворотах, образуемых мощным приливным течением – "в стремнинах, что возникают в устьях таких узких фиордов, как пролив Лисянского... С двумя маленькими лодками вполне могло произойти то же, что и ныне случается с куда более мощными пароходами... Предположение, что лодки затонули, подтверждается, как кажется, ещё и тем, что два туземных каноэ, отойдя от берега, приблизились к "Св. Павлу". Если бы русские высадились и, несмотря на предостережения Чирикова, вступили бы в бой, а туземцы одержали над ними верх... то определённо они не стали бы подвергать себя столь большому риску,

приближаясь к основным силам русских... Дружественные намерения выдаёт и сходство их крика "Агай!" с тлинкитским "агоу", означающим "иди здесь" [точнее, с тлинкитским ha'de, "вот путь"]. Позднее в большинстве случаев первые встречи туземцев этого побережья с европейцами... бывали дружественными. Тлинкиты охотнее предпочитали торговать." 6 Версию о первой дружественной встрече русских и тлинкитов подтверждает и индейское предание, известное со слов М. Джейкобса-мл. Согласно этой легенде, с русского судна, нуждавшегося в воде, было послано на берег 8 человек. Из страха перед продолжением бесконечного плавания в суровых северных водах и из-за тяжёлых условий на судне, они решили дезертировать и не возвратились на корабль. Произошёл этот случай на о. Круза в устье бухты Шелихова. Здесь в тот момент находились временные промысловые лагеря ситкинских тлинкитов. В них беглецы "были приняты и пользовались уважением... Они женились на тлинкитских женщинах и всё было хорошо, пока они не увидели, как приближается другое русское судно. Они объяснили [индейцам], что будут застрелены или повешены, если их захватят. Их поспешно погрузили в каноэ вместе с их семьями. Их потомки имеются сейчас среди некоторых наиболее видных семейств в селении Клавок (куан Хенъя)." 7 Однако, эта легенда всё же не может полностью объяснить всего происшедшего. Во-первых, соотнесение места происшествия с о. Круза не стыкуется с данными судового журнала "Св. Павла". Согласно выкладкам Д. М. Лебедева, основанным на анализе записей в журнале, люди Дементьева и Савельева пропали в районе бухты Таканис на о. Якоби, что находится значительно севернее точки, указанной М. Джейкобсом. 8 Кроме того версии о дезертирстве команды А. М. Дементьева противоречит и характеристика этого молодого моряка, данная ему Г. Ф. Миллером – "прекрасный, добродетельный, опытный в своём ремесле и ревностный к службе отечества." 9 Подобно Эммонсу, хотя и независимо от него, Д. М. Лебедев пришёл к предположению о гибели обоих шлюпок Чирикова в прибрежных бурунах, как то произошло в заливе Льюта со шлюпками экспедиции Лаперуза в 1786 г. 10

Следующая встреча с тлинкитами произошла у русских уже в 1788 г., когда шелиховский галиот "Три Святителя" под командованием штурманов Г. Г. Измайлова и Д. И. Бочарова вошёл в Якутатский залив. Встреча эта также прошла вполне мирно. Результатом её, помимо всего прочего, стало первое русское описание тлинкитов:

"Народы сии именуются колюжи, жительство их состоит при разных речках, на твёрдой земле протекающих... Колюжи ростом не малые, смуглы... есть из них часть русских и белых; мужчины волос на голове не подрезывают, а в одном только наверху месте перевязывают... и птичьим пухом украшают... Они носят платье на наружную сторону шерстью сделанное, на подобие плаща и то на одном только плече, под оным имеют они всегда копьё на ремне через плечо с нагалищем повешенные... Женской пол одёяние носит такое, как и мужчины... нижнюю губу прорезывают вдоль во весь рот и закладывают прорез деревянную, наподобие ложки сделанную длиною дюйма в два а шириною в полтора штукую... Сей народ закону никакого не имеет и ничему не покланяется; почитает же несколько птицу, так называемого ворона, и удостоверяет яко бы они от него суть рождены... Народы сии нравом грубы и к воровству склонны." 11

15 июня 1788 г. галиот посетил "главный тойон" Якутата Илхак. Однако, скорее всего этот вождь отнюдь не был представителем Якутат-куана. Почётное имя Йэлхок (Прекрасный Ворон) было наследственной принадлежностью главы клана канахтеди из Дома Кита в селении Клакван Чилкат-куана. 12 Вероятно, прибыв в Якутат и обнаружив там европейское судно, он пожелал посетить его, надеясь завязать торговые отношения.

Тойона провели в каюту, показали висевшие там портреты членов царской фамилии и объяснили, что отныне здешние земли находятся под покровительством Российской империи, в ознаменование чего ему вручили медный герб. Приняв двуглавого орла за тотем русских, аналогичный тлинкитским геральдическим клановым реликвиям, Йэлхок преподнёс взамен равноценные дары: железное геральдическое изображение Ворона (йэл) – реликвию собственного клана, мешочек с колдовской травой и барабан. Согласно тлинкитским традициям подобные ритуалы с обменом гербами имели важное значение для обеих договаривающихся сторон, поскольку вместе с реликвиями передавался и ряд связанных с обладанием ими прав и привилегий (на проведение церемоний, на пользование промысловыми угодьями и пр.). На следующий день тойон явился уже в сопровождении двух старшин и выпросил у русских ещё одну "реликвию", к которой мореплаватели относились с подчёркнутым уважением: портрет наследника престола Павла Петровича.

Заручившись, как им казалось, поддержкой верховного вождя тлинкитов, Измайлов и Бочаров 3 июля прибывают в бухту Лтыа. Здешнему тойону, чьё имя в русской транскрипции звучало Таик-нух-Тахтуях, также поведали о могуществе России и блеске императорского двора. Тлинкит внимательно выслушал эти речи, после чего "велел своим подчинённым подать из байдары одного нового бобра и шесть бобровых ковров, и взяв оные сам вручил на судне в знак своего усердия к Императорскому высочайшему Двору и требовал, чтобы переслано было оное туда непременно." 13 Затем к судну подошли индейские каноэ и начался торг.

Результаты этих плаваний, поданные в преувеличенном виде, дали Г. И. Шелихову возможность выставить в выгодном свете свою деятельность перед государственными чиновниками, чтобы добиться для своей компании новых государственных субсидий и привилегий. Так иркутский генерал-губернатор И. А. Пиль, с подачи Григория Ивановича, отмечал в феврале 1790 г. в официальной "Записке о главнейших вновь показываемых компаниею Голикова и Шелихова у берега Америки островах, заливах и бухтах и о народах, тут обитающих":

"Залив Якутат. Сей обитается колюжами... а как они приведены в миролюбивое расположение к россиянам, то здесь и оставлена одна доска... один герб и особенно один портрет. Тоен здешний, в знак своего подобоострастия к России, представил некоторые вещи... Бухта Лтыа. На ней живут колюжи, приведенные под власть России. Здесь оставлен один герб и одна доска под № 19-м. Тоен же представил в знак своего усердия одного бобра. Все сии острова и бухты... изобильны суть лесом и другими продуктами; народы же, на них живущие, зделались более уже приверженными к российским промышленным, нежели к иностранцам, у них бываемым." 14 Однако, подобные выводы оказались явно поспешными, что показали уже события ближайших лет.

С июня 1791 г. американскими владениями шелиховской "Северо-Американской компании" начинает управлять Александр Андреевич Баранов, человек энергичный, способный и жёсткий. Резкий на язык капитан В. М. Головин даже писал в 1818 г., что Баранов прославил себя "долговременным пребыванием между дикими, а ещё более тем, что вместо того, чтоб их просветить, он сам одичал и стал на степень ниже человека дикого." 15 Однако, именно благодаря Александру Андреевичу шелиховцам удалось выстоять в борьбе с опасными конкурентами и после 10-летней борьбы одолеть, наконец, сильнейшего из них – компанию П. С. Лебедева-Ласточкина. Создание в 1799 г. Российско-Американской компании с монопольным правом на освоение новых земель лишь юридически оформило уже сложившееся стараниями Баранова и его сподвижников положение вещей. Лейтенант Г. И. Давыдов встречался с Александром Андреевичем в тяжелейшее для Русской Америки время, летом 1802 г., и встреча эта произвела на него неизгладимое впечатление:

"Баранов не весьма говорлив, сух покуда не познакомится, но объясняется всегда почти с жаром, особенно о том, что его занимает. Он не лёгок на знакомство, но для друзей своих ничего не пощадит... Совершенное бескорыстие не первая в нём добродетель. Он не только не жаден к собиранию богатств со вредом ближнего, но и праведное стяжание своё охотно уделяет отсутствующим знакомым своим, претерпевающим недостаток. Твёрдость духа его и всегдашнее присутствие разума суть причиною, что дикие без любви к нему уважают его... и дивятся, что столь предприимчивые дела могут быть исполняемы человеком столь малого росту: Баранов ростом ниже среднего человека, белокур, плотен и имеет весьма значущие черты лица, не изглаженные ни трудами, ни летами." 16 Баранов всё более активно расширяет сферу влияния компании, от года к году посылая промысловые партии всё дальше от Кадьяка, где располагалась его основная база.

По мере продвижения русских промысловых партий к югу, тлинкиты принимали их всё более и более неприветливо. Кроме того, что партовщики опустошали их традиционные охотничьи угодья, индейцев раздражало и то, что в состав этих партий входили не только кадьякцы (Коняги, Эскимосы-Кониагмиуты) и Алеуты, но и их традиционные враги – Эскимосы-Чугачи. Сами же Тлинкиты в тот период весьма активно расширяли на севере собственную сферу влияния, включив уже в неё, например, индейцев-эяков ("угаленцев"). 17 Всем этим и объясняется тот факт, что если первые встречи с русскими мореплавателями, посещавшими их земли с исследовательскими и торговыми целями, проходили у тлинкитов мирно, то открытие на их территории активного промысла и строительство там опорных баз компании быстро привело к вооружённому столкновению. Первое из них, впрочем, не было связано с этими причинами. Оно являлось, скорее, не

осознанным актом сопротивления, а произошло в результате случайной встречи русской экспедиции с одним из тлинкитских военных отрядов.

В мае 1792 г. А. А. Баранов выступил с Кадьяка на двух байдарках с 30 русскими промышленниками в сопровождении партии кадьякцев на 150 байдарках. Обойдя берега Чугачского залива (зал. Принс-Вильям), он "примирил, переписал и аманатил на человеколюбии основанными средствами без малейшего кровопролития 3 главные жила." 18 На о. Нучек (Тхалха, Хтагалук, Хинчинбрук) в заливе Константина он встретился с Г. Г. Измайловым на судне "Симеон". Отправив байдару с частью своих людей вместе с кадьякскими партовщиками "осмотреть остров Сюклю [Монтагью] и другие вблизи островка, где бы более рыбного корма запасти можно было для зимовки", Баранов разбил лагерь на берегу залива. П. П. Дорошин позднее слышал от старожиллов, что лагерь этот располагался "в южной стороне Константиновской гавани... на невысоком островку, покрытом торфяником и мелким лесом, и лежащем при входе в залив Нучек... островок этот соединяется с островом Хтагалук естественной плотиной, шириной сажень 25, а длиною более версты. Эта плотина состоит из валунов и галек, нанесённых сюда прибоем волн, разбивавшихся о риф." 19 Позднее сюда был перенесён Константиновский редут, располагавшийся во времена Баранова "на противоположном берегу гавани, у подошвы крутого и возвышенного берега."

В лагере вместе с А. А. Барановым оставалось 16 русских и некоторое количество кадьякцев. С утра Александр Андреевич намеревался посетить "лежащей в море островок Очок" и повидаться там с "укрывающимися от колюж достойными чугачами". Имея при себе около 20 чугачских заложников-аманатов, Баранов не опасался нападения и, вопреки обыкновению, не укрепил своего лагеря: заготовленные для этой цели рогатки были брошены на одной из прошлых стоянок.

В ночь с 20 на 21 июня 1792 г. лагерь Баранова был внезапно атакован эяками и тлинкитами из Якутата, выступившими в поход чтобы отомстить чугачам за их прошлогодний набег. Хотя военный отряд насчитывал в своём составе не более полутора сотен воинов, не располагавших огнестрельным оружием, они решились напасть на стоянку русских, которую вначале приняли за становище чугачей. Но и разобравшись в своей ошибке, индейцы всё же "поиспытать сил своих отважились, зная притом, что много есть богатства с нами", — писал после боя Александр Андреевич. 20

Индейцы подобрались к спящему лагерю в излюбленное ими для нападений время: "в самую глубокую ночь пред зорёю". Хотя в карауле и стояли пять человек, но "за мрачностью ночи" тлинкитов заметили только когда те были уже в десяти шагах. Со всех сторон ворвались индейцы в лагерь, пронзая копьями палатки и выбегающих оттуда полусонных людей. Шагнув из ночного мрака в своих диких доспехах, они казались русским "подлинно... страшнее самых адских чертей". Ружейная стрельба не могла сдержать их натиска, "ибо одеты они были в три и четыре ряда деревянными и плетёнными кюками и сверху ещё прикрывались лосиными претолстыми плащами, а на головах [имели] со изображением лиц разных чудовищ претолстые шишаки, коих никакие ни пули, ни картечи наши не пробивали." 21 Русские стали было метить по головам, но и тут пули были бессильны против этих страшных неприятелей. Положение Баранова было тем более опасным, что больше половины из его людей было новичками, которым не приходилось ещё попадать в подобные переделки. Тлинкиты же, "наблюдая совершенный порядок в движениях по голосу одного повелевающего стройно к нам приближались, а часть толко отделённая бегала туда и сюда, причиняя вред нам и иноверцам." Баранов выбежал со сна в одной рубашке, которая тотчас оказалась проколота индейским копьём (в письме Г. И. Шелихова иркутскому генерал-губернатору И. А. Пиллю говорится даже, что "Баранов... был близ конца жизни... со сна выскочив... в одной только колчужной рубашке, которая проколота копьём" 22). Вокруг градом падали стрелы. Чугачи и кадьякцы, видя, что их оружие бессильно против доспехов тлинкитов, в панике бросились к байдарам и поспешно отвалили от берега, а те из них, кто остался на берегу, "теснясь в нашем стане отнимали действие рук". Александр Андреевич метался по лагерю, ободряя людей и руководя огнём из однофунтовой пушки, которую перетаскивали "на все стороны, где опасности более настояло." Но даже три залпа из этого орудия не могли опрокинуть рвущихся вперёд тлинкитов: "Два часа они стояли и мы огонь по ним производили до самого разсвета." И новички-казары и бывалые старовояжные держались с равной стойкостью, отражая упорный натиск индейцев. Особенную неустрашимость, отмеченную Барановым, проявил Фёдор Острогин.

Тлинкиты отступили лишь когда к берегу причалила присланная Г. Г. Измайловым байдара с вооружённой подмогой. Они отошли, унося своих раненых и увозя 4 из чугачских аманатов: мальчики подумали, что на лагерь напали их соплеменники чтобы отбить заложников, а потому сами бежали в сторону нападавших, угодив в руки своих исконных врагов. Баранов подсчитал потери. Из русских погибло двое: в самом начале боя был убит барнаулец Котовщиков, а спустя две недели умер от ран тюменец Поспелов. Кадьякцев погибло 9 человек и 15 было ранено. Тлинкиты, отступая, оставили на поле боя тела 12 своих воинов. В руки русским попало несколько комплектов боевых доспехов – один был затем отослан Охотскому коменданту, а другой подарили Г. И. Шелихову. Подобрали смертельно раненого индейца, который успел сообщить о подходе к Нучеку ещё десяти боевых каноэ, собранных для похода на кенайцев (атапаски-танайна). Известие это обеспокоило Баранова. Он послал людей разведать намерения отступившего неприятеля. Выследить индейцев было нетрудно: они выносили своих раненых и по каменистой земле острова на две версты протянулись "широкими дорогами" кровавые полосы. По этому-то кровавому следу партовщики и вышли к потайной стоянке нападавших. Моросил дождь. Сквозь утренний туман, низко стелившийся над волнами, промышленные рассмотрели очертания удаляющихся прочь шести байдар, "наполненных отборными варварами." Встревоженный Баранов поспешил с возвращением на Кадьяк, опасаясь внезапного вторжения колошей в Кенайский залив.

Тотчас после такой встречи Александр Андреевич срочно затребовал у Правления компании присылки оружия: "колчуг или пансырей сколько можно более... и ружья со штыками весьма нужны в опасных случаях, скольконибудь гранат и побольше пушки, две из старых совсем негодные невызверлены и одну разорвало на пробе." 23 С тех пор до самого конца своего пребывания в Америке Баранов не расставался с кольчугой, носимой им под верхней одеждой. Не прошла эта стычка даром и для тлинкитов. Получив отпор на севере, якутатцы несколько замедлили своё продвижение в земли эяков и атапасков. Вероятно именно это сражение побудило тлинкитов, а в первую очередь северян, более активно запастись огнестрельное оружие, наличие которого в Якутате уже два года спустя было отмечено Егором Пуртовым.

Но сдержат темпы русской колонизации подобные столкновения не могли. Промысел морского бобра (калана) ширился. Байдарочные флотилии продолжали отправляться к берегам страны тлинкитов. В 1794 г. на юг были отправлены Егор Пуртов и Демид Куликалов во главе партии, в состав которой входили 10 русских и более чем 900 кадьякцев и чугачей, 31 мая 1794 г. партия остановилась в окрестностях селения тлинкитизированных индейцев-эяков. Эскимосы, а вслед за ними и русские, называли их угалахмютами или угаленцами ("Угалагмутское жило"). Селение было покинуто жителями, укрывшимися в лесу при виде приближающейся многочисленной флотилии чужаков. Чтобы отыскать и "замирить" индейцев, Пуртов выслал нескольких человек в лес, откуда доносились время от времени какие-то голоса. Разведчики пошли вдоль берега реки; до них доносился запах дыма и детский крик. По этим ориентирам они вышли на индейское стойбище, ворвались в него и, стремительно разоружив опешивших эяков, захватив в заложники их вождя. Однако на обратном пути индейцы подстерегли партовщиков у переправы и замешкавшийся толмач Игнатий Бочаров был заколот двумя воинами с копьями, внезапно выбежавшими из лесу. Позднее Пуртов несколько иначе рассказывал об этом случае англичанам из экспедиции Дж. Ванкувера. С его слов они записали: "Здесь Пуртов встретил от пятидесяти до шестидесяти природных жителей, которые вероломным образом умертвили одного из русских, в то время, как он спал в небольшом отдалении от прочих. Открытие сего преступления произвело между обеими сторонами стычку, при которой было убито шесть человек туземцев, а начальник их взят в плен." 24 В рапорте на имя Баранова события эти излагаются иначе и в иной последовательности: у Пуртова были основания, чтобы представить себя англичанам в виде жертвы "коварных дикарей", что ему вполне удалось.

Пленного тойона и его брата одарили подарками и уговорили вернуть своих людей в селение: "3-го июня пришли те угалагмутские народы в табар, одаря их подарками переписав их семьями взяв от них аманат 7-мь человек... и тойон самоохотно пожелав с нами следовать до бухты Якутат, оставя у них на том жиле билет прописывая, што они приведены в подданство всероссийской державы..." 25 Тот же тойон дал русским объяснение по поводу нападения на лагерь Баранова в 1792 г. Эяки уверяли, что они условились тогда с якутатцами произвести набег на чугачей и теперь "считают себя виновными, поначалу не знали они што русские, сочли за Чюгацких народов", а относительно захваченных в тот раз четырёх чугачских аманатов было сказано, что "они увезены в Колюжи в бухту Якутат и... там померли".

Пуртов продолжил свой путь, двигаясь к Якутату. Приближение его партии побуждало индейцев оставлять свои селения и укрываться в лесах. В посёлках оставались одни собаки, что немало удивляло англичан с кораблей Дж. Ванкувера. Вероятно, индейцы принимали промысловую партию за военный отряд, идущий мстить им за нападение 1792 года. Пуртов же в беседах с британскими моряками представлял аборигенов "вероломным и жестоким племенем, содержащим его многочисленный отряд в беспрестанном беспокойстве", что показывает, сколь неуверенно чувствовал он себя в этой неизвестной и, видимо, враждебной стране. Англичане сделали из этого всего вывод, что "вероятно в прежние времена русские употребляли насильственные меры для принуждения обитателей сей бухты вступить с ними в сношения; сие однако совершенно опровергал Пуртов, который утверждал, что доселе ещё не бывало никакой стычки между сими народами и их новейшими русскими посетителями." 26

Оказавшись во враждебной стране, русские постоянно держались настороже, помня, что случилось с лагерем Баранова в Нучеке. Заложники хорошо охранялись на случай нападения, а оружие всегда держалось под руками. "Копья их... были поставлены возле каждого шалаша, готовые к оборонительному действию; также хорошо были расположены их кинжалы и другие оружия", – отмечает Дж. Ванкувер. 27

С помощью эякского тойона Пуртову удалось завязать отношения с якутатскими вождями. Из поездки в Якутат тойон вернулся с сыном местного вождя, отданного в аманаты. Кроме того он привёз с собой "три посоха, убранные короткими суклями и орлиными перьями и обвешаны бобрами по их обычаям в знак... дружества". В ответ якутатцам были посланы посохи, украшенные бисером и корольками, а взамен тойонского сына партовщики оставили "кадьяцкого нашего Семёна Чеченева в залог". Предварительный обмен заложниками состоялся.

Однако, несмотря на это, появление близ стоянки небольшого тлинкитского отряда немало встревожило Пуртова и даже "ввергло весь русский отряд в немалое беспокойство и заставило их делать все приготовления для обороны." Переговоры о мирных сношениях вели через посредство эякского тойона. Наконец было снаряжено посольство в само индейское селение. Когда послы приблизились к берегу, навстречу им из своего дома вышел якутатский тойон "и множество с ним народу, зделали они пляску... потом просили приставать и как скоро пристали, в тот час подбежав к байдаре человек до 20-ти взяли на руки нас, сидячих в байдарке, принесли к их селению, стоящему на пригорке. Тайон просил в юрту, пришед угощал столом, поставлена была палтосина и еловая кора с жиром и ягодами глубеникой, подарил 2 бобра." 28 Посланцы Пуртова в свою очередь вручили тойону бисер и медные кольца и пригласили посетить стоянку партии, но согласился на это он лишь после повторного приглашения и с неременным условием, чтобы взамен него в селении был оставлен заложником именно русский. Пуртову пришлось пойти ему навстречу и оставить среди якутатцев одного из своих спутников, Ахмылина.

Тойон прибыл к стоянке рано утром на большом резном каноэ в сопровождении 12 человек. Кадьякцы приветствовали его прибытие песнями и индейцы отвечали им тем же. Не выходя на берег вождь произнёс речь, в которой употребил "всё своё красноречие для определения точного протяжения границ их [тлинкитов] земли и показания несправедливости русских убивающих и уносящих оттуда морские выдры, не делая за то ни малейшего вознаграждения. Кончив изложение всех сих жалоб с большой важностию и силою, он послал Пуртову одну шкуру морской выдры, по принятии им оной, поднялся с обеих сторон большой крик, за которым последовало опять пение, коим заключались сии приговорительные обряды." 29 После этого вождь сошёл на берег и тотчас послал за прочими своими людьми, которые не замедлили прибыть в количестве 50 человек – "они имели у себя 6 отличных ружей, в лучшей исправности; сверх того, каждый имел при себе большой железный кинжал, висящий у них на шее, в готовности к немедленному употреблению." 30

Несмотря на то, что в его распоряжении было более 900 человек, Пуртова серьёзно беспокоила безопасность его партии. Хотя тлинкитов "считалось не более 70, включая в сие число и несколько женщин и детей, он предвидел, что в случае внезапного нападения с их стороны, большая часть его отряда не будет в состоянии противустать стремительному нападению столь дерзкого и отважного неприятеля." 31 Опасаясь этого, он даже заручился

поддержкой британского лейтенанта Пьюджета, командира судна "Чатам", который заверил русского байдарщика в том, что пока его судно будет "находиться в соседстве с ним, он не замедлит подать ему всякую возможную помощь в случае какого-либо нападения со стороны туземцев; в то время намеревался он употребить всякое старание, дабы их более расположить в пользу русских. Сии предложения были приняты Пуртовым с изъявлением живейшей благодарности." 32 Чтобы упрочить доброе согласие с тлинкитами, русские одарили их бусами, медными браслетами и "медными досками", после чего только и начались переговоры.

Вождя спросили о судьбе российского герба, оставленного в Якутате в 1788 г. Оказалось, что после смерти его первого обладателя герб продали в Чилкат-куан. Относительно нападения 1792 года были даны те же объяснения, что и эяками; об аманатах – "детях чюгацких народов" – было сказано, что их продали в Чилкат, где те и умерли. Кроме того, по уверениям Пуртова, тойон "дарил нас той Якутатской бухтой и лежащими в ней небольшими островками". Истинность этого утверждения весьма сомнительна. О обличительных речах того же тойона Пуртов в своём рапорте Баранову просто не упоминает.

После этих переговоров партия продолжала промысел, встречаясь по пути с небольшими группами тлинкитов. Якутатцы, которые уже имели огнестрельное оружие, полученное путём меновой торговли с европейскими купцами, просили его и у русских. Однако партовщики отказывались продавать им как ружья, так и боеприпасы. Чтобы обеспечить себе свободный промысел, Пуртову пришлось вновь производить размен заложниками. В аманаты добровольно пошло четверо кадьякцев. В результате в Якутате оказалось 6 заложников из партии Пуртова, а у промышленных – до 17 якутатских аманатов, мужчин, женщин и детей. Для индейцев обмен заложниками был обычным ритуалом при заключении мира. Для русских же взять аманатов означало обеспечить себе безопасность и влияние на аборигенов. Оставлять взамен своих людей не имело для них никакого смысла. Понимая это, якутатский тойон и требовал перед посещением лагеря партии в аманаты именно русского, а не кадьяка или чугача. Пуртов же не собирался покидать Якутат, не "выручив" своих людей.

Завершив промысел, вся партия двинулась в Якутат чтобы "освободить толмача Чеченева и с ним захваченных кадьяцких". По сообщению Дж. Ванкувера, Пуртов просил капитана шхуны "Шакал" Брауна "подать ему некоторую помощь" для спасения людей, захваченных якобы индейцами. Англичанин согласился на это и послал в помощь русским шлюпку с вооружёнными матросами. Сам же Пуртов в своём отчёте утверждает, что он ни за какой помощью к англичанам не обращался, а напротив, "с аглицкого судна начальник приехав елботом вооружённой пушками... в числе 6-ти человек матрозов поехав с нами, хотя мы [его] от того отговаривали и не требовали их к тому пособия." 33 Судя по всему, англичане были просто обмануты Пуртовым, который без их поддержки не решался выступить против грозных тлинкитов. Кроме того, он, вероятно, стремился не допустить возможного соглашения между британцами и индейцами – возможность такого сговора была постоянным кошмаром служащих и правления шелиховской компании.

Когда 1 июня флотилия приблизилась к индейскому селению и остановилась у берега, русские потребовали возвращения своих аманатов. Тлинкиты не решились сопротивляться и пошли на переговоры. Они сразу вернули промышленным одного из аманатов – тойона с о. Афогнак, и обещали произвести окончательный размен на следующий день. 2 июня в лагерь партовщиков действительно прибыл на каноэ вождь из Акоя в сопровождении 8 индейцев. Он доставил Пуртову трёх кадьякцев, но переговоры о возвращении прочих аманатов, среди которых были толмачи Чеченев и Нечаев, затянулись. Обеспокоенный проволочками, Пуртов заподозрил недоброе и, "взяв предосторожность от Якутацких народов", перевёз имевшихся у него тлинкитских и эякских заложников на борт "Шакала", поручив их охрану доброжелательно настроенным британцам. Тем временем якутатский тойон обратился к русским с просьбой вернуть его брата, обещая прислать взамен сына. Партовщики, судя по всему, выполнили его просьбу. Нападения ночью не последовало, но утром 3 июня Пуртов так и не дождался ни возвращения своих толмачей, ни прибытия сына вождя. Не решившись применять силу, промышленные покинули Якутатскую бухту, вернувшись к ведению промысла (в целом за сезон было добыто до 2 000 шкур) 34.

Однако, в любом случае русские остались в выигрыше – вернув якутатцам всего 5 из 17 их заложников, они оставили им не более двух своих заложников (по сведениям Дж. Ванкувера – только одного из 6) 35. Двенадцать

тлинкитов, мужчин и женщин, было вывезено на Кадьяк, как живое свидетельство "замирения" Якутата и Аkoa. Там они были крещены священниками из только что прибывшей в колонию православной миссии. Они стали, формально, пожалуй, первыми христианами среди тлинкитов.

Однако и после этого успеха, весной 1795 г., партия Пуртова и Кондакова была враждебно встречена в Якутате ("попужана колюжами", по выражению Баранова). Это послужило одной из причин срыва плана по устройству в том же году в Якутате постоянного русского поселения. Малое судно "Ольга" с самим А. А. Барановым на борту прибыло в Якутат в августе 1795 г. Александр Андреевич ожидал здесь встречи с партией поселенцев И. Г. Поломошного, которая должна была придти сюда на борту "Трёх Иерархов" под командованием Гаврилы Прибылова. Однако Прибылов запаздывал и тогда Баранов, невзирая на крайнюю малочисленность своей команды, приступил к "взятию во владение той земли именем императорского российского величества". В своём письме к И. Л. Голикову и Н. А. Шелиховой от 10 июня 1798 г. Александр Андреевич красочно описывает организованную им "приличную процессию". Вначале на берег был вынесен "герб российской водруженной на древке с привешенным флагом". Затем сам Баранов и одетые в лучшее платье его немногочисленные люди сошли на сушу, "маршируя в такт с ружьями и пушками, коими делали сколько смыслили воинских аволюций". На глазах у изумлённой толпы собравшихся индейцев промышленные провели показательные военные учения с перестроениями и стрельбой: "в виде народа стреляли фрунтом беглым огнем и кареем, ежели может быть тот ис 20-ти необученных людей", – как с некоторой иронией пишет о том сам Баранов. Однако и это немало впечатлило якутатцев. С одной стороны воинственные эволюции команды "Ольги" привели индейцев "во удивление и несколько в робость", но с другой стороны они расценили это, как вызов к бою, а потому "вооружась и они копьями и ружьями, сколько у них было, к нам приблизились". Однако высланному к ним навстречу толмачу удалось охладить воинственный пыл тлинкитов. Наконец, под троекратный громовой салют из всех пушек и ружей, как с судна, так и с суши, и "по зделании же нескольких аволюций на приличном месте поставлен российский герб с привешенным флагом", а Баранов "громким гласом" торжественно провозгласил: "Земля сия с народами берется во владение российского императорского величества и всякой верной сын отечества из россиян должен отстаивать и защищать [её] до потери жизни".

По окончании церемонии Александр Андреевич начал, наконец, и переговоры с якутатцами: "подозван был начальствующий того народа тайон Коткеик, весьма старый муж, высокий и седой с долгою бородою, [который] имел до 10-ти сыновей от разных жен". Этим тойоном был, видимо, вождь клана куашккуан Яходакет из Дома Костей Ворона (Yaxodaqet, Хаткейк) 36. Через толмача Баранов заявил старому вождю: "Земля сия принадлежит во владение великому российскому государю, как потому, что в древности было здесь российское судно (говоря о командоре Беринге), коему от предков ево [вождя] уступлена, тем и потому, что они своими народами без малейшей причины 792-м году нечаянное учинили на нас на острове Нучеке в Чугацкой губе нападение, убив двух русских и до десяти островных жителей, множество тех переранив, за что самое имели мы основательную причину мстить и пленить, но то избегая желаем восстановить дружбу и устроить российское заселение".

Подобная аргументация не сразу убедила якутатского вождя ("долго он противуречил"), но под напором красноречия Баранова и под впечатлением огневой мощи его команды он, наконец, сдался. После этого Хаткейку вручили российский герб с тем условием, чтобы он "где жителствовать будет [чтобы] выставял наверху своего жилища и ежели небрежением утратит или променяет, [то] мстить мы вечно будем". Старик принял медного двуглавого орла "с почтением, заключив дружбу своими знаками". После столь успешного завершения переговоров в русском лагере был устроен пир. Вождя "с лутчими ис команды ево" принимал в своей палатке на берегу сам А. А. Баранов; прочих индейцев угощали перед нею под открытым небом. В ходе застолья Хаткейка склонили дать согласие и на перепись населения, и на выдачу аманатов.

Баранов пробыл в Якутате до 15 августа, но так и не дождался Прибылова с Поломошным. Взяв у Хаткейка заложников "из родных ево и протчих почотных людей детей", он передал их в руки Дмитрия Тарханова, который оставался старшим над группой первопоселенцев Якутата – для зимовки тут Баранов выделил "русских 8, кадьяхских 3 и толмачку девку." 37 С собой Александр Андреевич увёз лишь одного аманата: "из детей тайонских пожилого и женатого", получившего после крещения имя "Фёдор". То был, вероятно, С'алву или Шт'атлейу (S'alwu, Ct'atleyu, носивший "русское" имя Шада – Cada) – племянник Яходакета. Баранов явно

надеялся, что православный тойон после более тесного знакомства с обычаями русских и их бытом будет более к ним расположен, нежели его предшественники-"язычники". Сам же Баранов отправился далее на юг и в ходе плавания прошёл через Ледяной пролив (пр. Кросс) к Частым островкам, а затем к берегам Ситки. Здесь, по словам К. Т. Хлебникова, он "взошёл проливом по северную сторону горы Эчкома, назвав оный по имени своего судна: проливом Ольги, и остановился на якоре в небольшом удобном заливе, на берегу коего в память посещения своего, поставил деревянный крест и наименовал залив Крестовской." 38 Как пишет же сам А. А. Баранов, приблизиться к "острову Ситхе на коем гора Эчкоум у агличан означаетсся", ему помешали "противные осенние погоды и свирепые штормы". По пути русские останавливались у селений "чилхатских народов", где выменивали рыбу, поскольку запасы провианта на борту "Ольги" уже истощились. Кроме того, они "торговались с народами, выменивая промысел, но тово уже по познему времени у них было мало". Не обошлось и без опасных приключений. Александр Андреевич позднее вспоминал, что в этом плавании они "претерпели много напасти и опасности от погод при берегах неизвестных и от народов, в варварстве заматеревших, кои заманивали нас разными образами в ловушки, но, благодарение богу, избегли от всех зол." Оставив надежду зимовать на Ситке, Баранов повернул назад 10 сентября и, преодолевая шторма и непогоды, вернулся на Кадык в октябре 1795 г. В Павловской Гавани все уже были в смятении, не имея от него вестей с самого июля. Тут-то он узнал и причину задержки Поломошного. Оказалось, что в Чугацком заливе Прибылов и Поломошный встретились с возвращающейся партией Пуртова и Кондакова. Партовщики щедро поделились с посельщиками своими страхами перед ужасными колюжами. В результате ни Прибылов, ни Поломошный не отважились продолжить свой путь и тогда же, в августе, возвратились обратно на Кадык, покинув горстку людей Баранова на произвол судьбы. 39

Но Баранов не был обескуражен. Весной 1796 г. партия из 450 байдарок дошла до залива Лыта. На сей раз промышленные сумели мирно поладить с тлинкитами, испросив у них разрешения для проход на юг и промысла в их водах. Но и в этом случае индейцы не удержались и на обратном пути захватили в плен двух кадыкцев. 40

В июне 1796 г. в Якутат прибыли суда "Три Святителя" под командованием Г. Г. Измайлова, "Орёл" под командованием англичанина русской службы Джеймса Д. Шильдса ("Яков Егорович Шильц") и промысловая партия – около 700 байдарок. 41 Кроме промышленных, "коих так же было довольно", на борту первого из судов находилось до 30 семей посельщиков во главе с И. Г. Поломошным, а также тойон Фёдор. 42 15 июля на судне "Ольга" 43 в Якутат прибыл и сам А. А. Баранов. Тлинкиты встретили пришельцев настороженно. "Однако мы доказали им своим малолетством, – писал позднее Александр Андреевич, – что они обманулись, полагая свою надежду на вымененные у иностранцев ружья, мы вызвали их испытать свою силу и удачу против нас, и я в доказательство показал им проворство и меткость наших орудий, сколько позволяла малочисленность людей; и потом уже начали жить с ними дружески." 44 Впрочем, уже ближайшие месяцы показали, насколько непрочным было достигнутое согласие.

С пышной свитой к Баранову прибыл наиболее влиятельный вождь куана – старый Хаткейк (Яходакет?). В ходе переговоров ему было предложено отдать в заложники своих родственников и, вероятно, уступить власть Фёдору. Тойон согласился, а Фёдор даже получил от русских особую грамоту, утверждавшую его в звании "главного тоёна Якутата". Тогда же, выдав Баранову аманатов, получили письменные гарантии безопасности и входившие в состав куана эяки (к их числу относился клан тлахаик-текуеди). 45 Партия немедленно выступила на промысел, а прочие промышленные и поселенцы, под деятельным руководством А. А. Баранова, принялись обустриваться на новом месте: "господин Главный Правитель Баранов... приказал разставить приготовленные рогатки и разбить за ними для жилья палатки. Со всем усилием велел рубить лес и производить строение... что всё в скорости и приведено в лучшее состояние. Колоши тогда не смели пошевелиться против русских, а однако ж партовщиков временно захватывали и обижали, но вскорости отдавали и удовлетворяли." 46

Через два месяца было закончено строительство крепости Якутат и селения Новороссийск (Славороссия), которое по дальнему замыслу Г. И. Шелихова и А. А. Баранова должно было стать столицей русских владений в Америке. На первую зимовку здесь было оставлено до 80 промышленных и посельщиков. Из них 30 не пережили этой зимы – их унесла цинга. Кроме того, после отъезда Баранова на Кадык здесь начались раздоры между передовщиком С. Ф. Ларионовым и начальником посельщиков И. Г. Поломошным. В эти распри невольно

вовлекались и местные индейцы, среди которых росло недовольство грубыми выходками некоторых колонистов. Всё это подрывало престиж русских и их и без того шаткую дружбу с якутатцами. Положение несколько улучшилось лишь после того, как Баранов сменил сварливого и неуживчивого Поломошного, назначив в 1799 г. на его место 35-летнего курского купца Николая Ивановича Мухина, "в коем усмотрена способность к деятельному началству и расторопности." 47

В том же 1796 г. Дж. Шильдс на судне "Орёл" прибыл на Ситку. Сильное впечатление произвела на него громада вулкана Эджкомб, ещё курящаяся дымом. Ночами из жерла его вырывались языки пламени. В Ситкинской бухте стоял английский бриг "Артур" капитана Генри Барбера. Один из местных вождей жаловался на него Шильдсу, рассказав, как Барбер "завал его к себе на корабль, прежде угощал, а потом приказал заковать в железа и держал до тех пор, пока тоён не представил ему всех бобров, сколько имел со своею командою." 48 В отместку индейцы захватили в плен английского матроса и Барберу пришлось высылать для его спасения вооружённую шлюпку. Шильдс пробыл на Ситке 20 дней, после чего возвратился на Кадьяк. Во время своего плавания он "приметил великое множество бобров", встречавшихся в окрестностях острова. Русские партии явно ожидала здесь богатая добыча.

В 1797-1798 гг. партовщики уже промышляли в Хуцновском проливе (пр. Чатам), разделявшем соперничающие куаны Ситка и Хуцнуву. Из каждого похода на Кадьяк доставлялось до 2 000 бобров. Однако осенняя непогода губила байдарки на обратном пути к Якутату. Зимовать же в местах промысла мешали "не совсем приятные колоши". Требовалось создание новой постоянной базы в южных районах, необходимость чего подкреплялась и политической целью: "не допустить англичан и американцев к производству торговли с дикими, кои доставляют и огнестрельные орудия, и не допускать их поселиться на местах, обысканных российскими мореплавателями." 49

В итоге А. А. Баранов, по его собственному выражению, решил "во что бы то ни стало" основать русское заселение на Ситке. В апреле 1799 г. с Кадьяка им была отправлена партия алеутских охотников в 550 байдарок, а вслед ей и три судна – "Екатерина", "Орёл" и "Ольга". Начало экспедиции было неудачным: 2 мая у мыса Саклинг разыгралась буря. Чтобы противостоять бушующим волнам партовщики сцепили свои байдарки, однако, несмотря ни на что, партию разметало. Затонуло 30 байдарок и 60 человек, а выброшенные на берег подверглись нападению индейцев-эяков во главе с Якегуа и южных чугачей под предводительством Иркука (Irquq). 50 Согласно сведениям Г. Бэнкрофта, Баранов, двое русских и немногие партовщики, имевшие огнестрельное оружие, сумели отразить колошей в неравном ночном бою. 51 Гектор Шевиньи даёт в своей биографии Баранова красочное описание ночного боя, в ходе которого Алеутки заряжали мушкеты, а их русские мужья "стреляли по воплям и вспышкам выстрелов колошенских ружей". 52 Однако реальность была проще и суровей. Эскимосское предание рассказывает, как Якегуа и Иркук "взяли свои копья и убивали всех охотников на морских выдр, кого выносило на берег". Обессиленные в борьбе с холодными волнами, люди вряд ли были в силах сопротивляться. В итоге убито и, частью, пленено было от 26 до 30 человек. Это избиение не осталось безнаказанным. Позднее русские, также, как пострадавшие чугачи и кадьякцы, приложили все усилия, чтобы захватить и покарать предводителей нападавших. Иркук к тому времени умер "и они не смогли наказать его", зато удалось добиться от эяков выдачи Якегуа. Заполучив его в свои руки, чугачи казнили индейского вождя страшной смертью, но с уважением отметили в легендах его мужество. 53 Следует отметить, однако, что в русских источниках нет сведений об этом эпизоде.

Несмотря на все преграды, 7 июля 1799 г. "Ольга" вошла в Ситкинский залив, а за ней последовали и другие суда экспедиции (на борту "Орла" находился будущий начальник заселения В. Г. Медведников). С палубы судна А. А. Баранову открылся вид на берега острова, которому уже в ближайшем будущем предстояло занять центральное место в истории Русской Америки. "Вид этой страны поистине романтичен, – писал незадолго до того, в феврале 1799 г., американец Уильям Стёрджис, побывавший здесь на судне "Элиза", – Один берег, находившийся от нас в пределах пистолетного выстрела, был столь близок, что в вечерних сумерках казалось, что мы можем дотронуться до него. Его покрывал густой еловый лес, подступающий к самой кромке воды. Сумрачно нахмуренный, берег этот выглядел пригодным лишь для рыскающих в дебрях диких зверей. С другого борта открывался вид на смешение земли и воды – на коротком расстоянии друг от друга здесь теснилось множество

мелких островков. Некоторые из них были не больше корабля, но встречались и много меньшие. Они состояли из чуть возвышавшихся над поверхностью воды утёсов, покрытых тонким слоем почвы, откуда вздымались высокие ели... К этому следует ещё добавить и печальное пение ветра среди сосен." 54

Ситка мало переменялась за прошедшие полгода. Мало переменялись и её аборигены, встречавшие теперь Баранова так же, как в феврале встречали они торговцев с "Элизы":

"После полудня два больших каноэ вышли из-за Восточного мыса и когда они обогнули его, все в них объединились в военной песне, гремевшей воистину прекрасно. При их приближении мы обнаружили, что каждое из оных содержит в себе вождя и около девяти молодых людей. Вожди выглядели равно хорошо и держали себя с величайшим достоинством, сидя на высоких сундуках посередине каноэ. Они имели бородки, длиной около двух дюймов и заметные усы, очень длинные волосы, которые, как мы поняли, были сняты с голов их врагов, убитых в битве. Головы их были припорошены гусиным пухом, а длинные красные и жёлтые перья венчали головной убор. В ушах у них были некие жемчужные раковины, имеющие здесь некоторую ценность... На плечах их была наброшена ткань размером с квадратный фатом, сотканная из шерсти горных баранов. По кромке она была отделана мехом морской выдры и выглядело это превосходно... Лица всех молодых людей в каноэ были размалёваны чёрным и красным, а головы их – посыпаны красной охрой и гусиным пухом. Несомненно, это отвечало их представлению о прекрасном, но делало облик их близким к описанной Мильтоном Смерти – "свирепой, как десять фурий, ужасающей, как ад", – а проще говоря, выглядели они подобными Дьяволу." 55

Положение Ситка-куана в этот период было непростым: наиболее влиятельный и могущественный ситкинский клан киксади вёл войну с не менее сильным кланом дешитан из Хуцнуву-куана (о. Адмиралти). Война, согласно выкладкам Р. Олсона, вспыхнула осенью 1798 г. – зимой 1799 г., после того, как дешитаны ограбили ситкинских торговцев. Оскорблённые этим, киксади выступили против обидчиков, но, подойдя к Ангуну, узнали, что все воины-дешитан отправились в набег против одного из кланов Клавака. Тогда киксади ворвались в крепость, где укрывались беззащитные семьи оскорбителей, и захватили в плен женщин-дешитан. После возвращения своих врагов из набега киксади предприняли повторный поход. 56

"Форт Хуцнуву стоял на островке, соединённом с берегом участком земли, сухим во время отлива. Киксади были здесь чужаками и не знали, как следует нападать. Они отошли от форта и держались от него на расстоянии в своих каноэ. Дешитаны насмехались над ними," – повествует индейское предание. 57 Особенно усердствовал в насмешках воин по имени Так, облачённый в медвежью шкуру (из-за чего он и был прозван Хуцгисати – "отмеченный медведем человек" или "Хозяин Медвежьей Шкуры"). Возбуждённые киксади опрометчиво ринулись в атаку во время отлива. Их каноэ с ходу налетели на мель, бойцы смешались при высадке, а дешитаны, воспользовавшись неразберихой, нанесли им тяжёлое поражение. Многие ситкинские воины погибли, а все их каноэ были уничтожены. Используя удобный случай, хуцновцы в свою очередь отправились на Ситку. Там никто не ожидал врага и потому им удалось не только вернуть своих жён, но и захватить несколько женщин-киксади.

Уцелевшие воины-киксади вернулись на Ситку только с помощью своих зятьёв из нейтральных кланов. Чтобы обезопасить свои семьи от возможных повторных набегов дешитан, они выстроили на о. Св. Лазаря крепость Ацхинуву. Хуцновцы не решались напасть на неё, но постоянно кружили в окрестностях. Поэтому киксади не рисковали удаляться от стен своего форта и вскоре начали страдать от нехватки пищи. Примерно в это время Ситку в составе экипажа "Элизы" посетил Уильям Стёрджис. Он отметил, что торговля с индейцами, вопреки всем ожиданиям, шла плохо. Ситкинцы сообщили американцам, что "они не могут принести больше шкур, потому что находятся в войне с племенем Мутсенок (Mootsenhoc), одним из своих соседей, с которым они обычно имели значительную торговлю, а теперь отрезаны от своих величайших источников." 58 Тогда же, 21 февраля 1799 г., Стёрджису представилась возможность осмотреть ситкинских воинов, раненых в битве с хуцновцами: "один из них имел глубокую рану в верхней части руки ближе к плечу, и другую, как раз под левой подмышкой, нанесённые большими кинжалами, которые имеют фут в длину и около трёх дюймов в ширину" 59 (характер

ранений явно указывает на то, что воин в бою был облачен в доспехи и поразить можно было лишь незащищенные части его тела).

В мае киксади решают перебраться на новое место – в свою вторую крепость Сака'тану. На пути через залив их перехватила боевая флотилия дешитанов. Чтобы выиграть время и дожидаться помощи от своих сородичей из других селений, киксади предложили своим врагам встретиться для битвы на Касдахе'кдаан ("Островной Город", совр. Хэллек Айленд). 60 Согласно правилам ведения войны, те, кому был брошен такой вызов, обязаны были явиться на условленное место – иначе бы их заклеили позором, как трусов.

"Киксади, бросая вызов дешитанам, надеялись завлечь их в ловушку, подобно тому, как сами попались в неё у Хуцнэву, – сообщает индейское предание, – Дешитан высадились на назначенном месте и стали насмешками призывать киксади на бой. Но киксади отвечали: "Подождите! Подождите, пока придёт Ката'к!" Дешитаны продолжали вызывать их, но те не шли и дешитаны говорили: "Кто таков этот Ката'к? Кто он таков, что никак не идёт?" Но вскоре показались каноэ киксади с Катаком во главе. К тому времени дешитаны были уже так разъярены, что "гнев их был подобен голоду". Они ожидали, что приблизившись, киксади остановятся и начнут маневрировать на воде, однако весь флот ситкинцев сразу устремился к берегу. Натиск был столь свирепым, что немногие из хуцновцев избежали гибели. Мало кто был захвачен в плен или бежал в леса. Все их каноэ были разбиты... Бегущих осмеивали: "Идите сюда! Теперь самое время сражаться!"... Киксади были слишком разгневаны, чтобы брать пленных." 62 Весьма отличился в этой битве вождь Скауэйэтл (Sku'wu-yel, Shk'awulyeil, Skawuyetl, "Бесхвостый Ворон" – Скаутлелт русских источников). Его воины захватили в плен могущественного хуцновского шамана Нахуву.

Победа на Хэллек Айленд на время устранила для киксади угрозу со стороны дешитан, но не закончила войну. Вожди Ситки понимали это, а теперь им в таких условиях предстояло решать ещё одну не менее важную проблему – как поступить с высадившимися на острове русскими и Алеутами? Сил для враждебных действий против них у индейцев явно не было. Не демонстрировали враждебных намерений и пришельцы – их положение на Ситке, в сердце страны тлинкитов, было слишком шатким и неопределённым. Опасности подстерегали повсюду. На второй день после своего прибытия на остров, А. А. Баранов получил известие о катастрофе, постигшей промысловую партию. Алеуты, одним из начальников которых был Д. Ф. Ерёмин, упромыслили уже до 1 500 шкур и за два дня до прибытия на Ситку Баранова двинулись в обратный путь на Кадьяк. Но, остановившись на ночлег в одной из бухт Хуцновского пролива (пр. Чатам), они отравились ракушками, обычно употреблявшимися ими в пищу. Умерло 135 человек. "Колоши, принявшие ласково Алеут, удивлялись приключению и старались помочь им своими способами, но увидев великую смертность, испугались, боясь чтоб русские и Алеуты не причли это к действию их шаманства, и после бросились бежать в леса." 63

При таких обстоятельствах и состоялась встреча А. А. Баранова с вождями Ситка-куана. К. Т. Хлебников говорит об этом кратко: "Осмотрев удобное место, г. Баранов обдаивал жителей и испросил согласия их на постройку укрепления, обнадёживал оных своим покровительством и защитой от соседей." 64

Переговоры велись с тремя наиболее влиятельными тогда на Ситке вождями, которыми были Скаутлелт (Shk'awulyeil; русские вскоре стали называть его Михайла), Кухкан (Kooxx'aan) и Скаатагеч (Skaayadaheich). При этом Баранов действовал "с одной стороны ласкою, а с другой страхом". Вожди, вероятно, рассматривали русских, как потенциальную опору в борьбе с дешитанами и рассчитывали, что присутствие их на Ситке окажет сдерживающее воздействие на хуцновцев. Баранов, похоже, был неплохо осведомлён о затруднениях ситкинцев – отсюда в его речах и слова о защите от соседей. В результате переговоров русским был выделен участок земли, располагавшийся в угодьях, традиционно являвшихся собственностью клана киксади. По соседству с русским заселением находились, например, Катлианова губа – владение семьи вождя Катлиана, Наквасинская губа и другие владения киксади, которым в целом принадлежало практически всё западное побережье острова. 65 Более того, именно в Катлиановой губе находилась, согласно преданиям, одна из резиденций вождя Скаутлелта – Плавающий Форт, выстроенный на бревенчатом плоту. 66 Утверждение русских в сердце клановой территории киксади могло означать лишь одно – хозяева Ситки не были достаточно уверены в своих силах и видели в пришельцах ценных союзников.

15 июля русские начали уже валить лес и обустраиваться на новом месте. Будущее поселение получило имя крепости Св. Архистратига Михаила. Перезимовали первопоселенцы в бараборах и небольшой чёрной баньке, мучаясь "в дыму и от течи при худой крыше", а по весне отстроили "двухэтажную с двумя будками на 8 саженьх длины и 4 ширины казарму и для Алеут кажимы." Позднее крепость обнесли рогатками "от будки до будки" с четырёх сторон – "хотя и с кривизнами... смотря по местоположению." Линию рогаток, по замыслу Баранова, следовало ещё и "завалить камнем", оставив два прохода для ворот. "Ворота на южной стороне, у дальней будки, устроить крепкие с замётом и замком, как и северные к речке, у нынешней будки смотрящей," 67 – советовал Александр Андреевич начальнику крепости Медведникову, уже покидая Ситку. Сама казарма имела переходы вокруг второго этажа с входом в "будки" и овальный балкон у дверей – "с крышкою и перильцами для часовых и вида с пролива". Снаружи переходы на полтора-два аршина были забраны досками, а в самом настиле "на полу подле казармы в середине и по краю внешнему" были проделаны бойницы – "чтоб... в случае опасном и оттоле вниз подле и вокруг казармы стрелять было из ружей можно." 68 На второй этаж, в верхнюю казарму, попасть можно было только по внешней лестнице – внутри этажи между собой не сообщались.

После того, как строительство в основном было завершено, в один из дней октября 1799 г., Александр Андреевич и здесь, на Ситке, по примеру Якутата провёл церемонию принятия земель в российское владение. Это должно было впечатлить аборигенов, вселить в них уважение к русским и страх перед их мощью. Одетых в лучшее платье промышленных вооружили исправными и тщательно вычищенными ружья, часть которых имела примкнутые штыки, заставили выучить ружейные и строевые приёмы. У дверей казармы поставили два единорога, а на караульную будку подняли пушку. На стоящих в гавани судах ("Ольга", "Орёл", "Екатерина") подняли флаги, зарядили пушки и фальконеты. На церемонию заранее пригласили "сколко можно из лучших здешних обитателей" и теперь индейцы в своих диковинных шляпах и плащах с пышной бахромой толпились на берегу, дивясь невиданному в их краях зрелищу.

В 8 часов утра пистолетный выстрел подал сигнал к началу представления. Участники процессии поспешили на берег, где выстроились "фронтом в ордер баталию". По команде они зарядили ружья, взяли "на плечо" и перестроились в две шеренги, образовав живой коридор от берега до входа в казарму. Прозвучала команда "на караул!" и в коридор этот вступила процессия во главе с А. А. Барановым. "Тихими шагами ступая", участники её торжественно несли "шест с водруженным гербом и привешенным... российским купеческим судовым флагом", а на большом блюде крест, ещё один герб и "секретный знак", покрытые белым полотнищем. Процессия неторопливо вступила в казарму. Туда же втянулся и "воинский конвой". Внутри постройки у южной стены уже был приготовлен стол, на котором стояла икона с горящими свечами. Туда же положили крест, после чего всем было велено отставить ружья и "обратиться на моление Всемогущему богу к образу и кресту". Поскольку, как сетует Баранов, "ни духовной особы ниже книг каких священных с нами здесь не случилось", то текст молитвы и порядок службы пришлось сочинять самому Александру Андреевичу – "поколикү смысл слабых наших понятий и скудная память позволит".

По окончании молебна было провозглашено наречение крепости Новоархангельскою – в честь "непобедимого архистратига небесных сил архангела Михаила" – и объявлено, что "по правам издревле России принадлежащим, потому што места сии впервые обретенны и открыты российскими мореплавателями, которые ныне с окресными и народами Императорскаго Всероссийскаго величества именем царствующаго ныне Монарха нашего Павла Петровича берется нами во владение под державу Российскую". По знаку Баранова все трижды прокричали: "Виват Павел, самодержец всероссийский и владетель американский!", вслед чему был дан общий залп из пушек и ружей.

Столь же торжественно был зарыт в заранее приготовленную в подвале яму "секретный знак", удостоверяющий принадлежность этих земель Российской империи. Троекратное мощное "Урра!", возгласы "Виват!" и орудийные залпы гремели среди тёмных елей и сосен Ситки, пороховой дым стелился над прибрежными волнами. Но главное зрелище – военные учения – было ещё впереди. Изумлённые тлинкиты вскоре увидели, как русские принялись маршировать по крепостному двору, перестраиваясь то в одну шеренгу, то в три, возя с собой оба единорога и совершая разнообразные ружейные приёмы. Вот первая шеренга, где все имели ружья с примкнутыми штыками, ошетилилась сталью, полыхнула с грохотом пламенем и окуталась клубами порохового

дыма. Тем временем вторая шеренга, разделясь по команде надвое, выступила вперёд, обойдя первую справа и слева, и также дала залп в сторону крепостной эстакады. За нею то же проделала и третья шеренга. Облако дыма ещё не развеялось, как Баранов командовал “Вся колонна направо-налево раздайся!” – и промышленные, расступясь по три шага в стороны, пропустили вперёд единороги, которые также грянули в сторону воображаемого противника. Затем последовало изображение атаки с отвлекающим манёвром. Став в одну шеренгу, бойцы принялись “беспрестанно палить... кто как успеет заряжать, не выступая однако же из фронта”. Тем временем часть промышленных, таща с собой единороги, “скоро и скромно” под завесой порохового дыма начала накапливаться у назначенного места подле караульной вышки, внезапно открыв оттуда ураганный огонь по условному неприятелю. Это и означало приступ, в отличие от первоначальной “фальшивой атаки”.

Баранов взмахнул платком и пальба прекратилась. Выстроившись вокруг вышки, люди выжидали, пока там также будет зарыта металлическая доска с крестом и надписью “Земля российского владения”. Это событие также ознаменовалось громкими здравицами в честь царя и ружейно-орудийным салютом. После этого отряд промаршировал к бане, где перестроился в каре, причём единороги были установлены “по фасам на углы так, как у казармы бутки расположены, чтоб каждый 2 стороны очищать мог”. Кадыкцы-партовщики, тем временем, с ружьями, но в большинстве своём лишь с длинными копьями, были помещены вокруг своего кажима. Каре остановившись подле бани, открыло огонь со всех четырёх сторон, а кадыкцам было велено “выпалить одному за другим вкруг, а копыа сделать наприклад как бы колоть”. Зрелище движущейся крепости, извергающей во все стороны смертоносное пламя и клубы едкого дыма, несомненно должно было потрясти воображение тлинкитов.

После этого в казарме было завершено молебствие и пропето многолетие самому императору и всем членам его семейства. И вновь гремели ружья и пушки, вновь кричали “виват!” и “ура!”, а Баранов провозгласил: “Да благоденствует Россия, наше любезное отечество, с верными патриотами и усердными сотрудниками оно, виват!” В завершение праздника всем промышленным велено было стать цепью и открыть беглый огонь “в левую сторону к Z-ду [на юг] с предрассудком далее распространить российское занятие”. После сего символического действия, угрожающий смысл которого вряд ли был осознан индейцами, выставили часовых и было устроено пиршество: “какое бог прилучил, хотя и без водки”. На стол подали “рыбу и мясо, хотя без хлеба приготовленные пироги, оладьи, кашу затуран и чаю по чашке начальничьего”. За стол пригласили и “зрителей, случившихся здешних ситкоханских обитателей”. Чтобы развеселить “унылые и тяжестью беспокойств, трудов и опасностей обремененные наши духи”, Александр Андреевич распорядился спеть “при музыке и пляске” несколько русских песен, начав с “Сильной бог Россию славит”. Ситка официально стала русским владением. Компания сделала ещё один шаг вглубь страны тлинкитов. 69

Баранов не случайно выбрал для поселения именно Ситку. Остров регулярно посещался европейскими торговцами, извлекавшими из обмена с индейцами огромные прибыли. Весной 1800 г. на Ситке побывали один английский и несколько американских кораблей, а среди товаров, которые они предлагали в обмен на пушнину, было и огнестрельное оружие вплоть до пушек. А. А. Баранов писал, что он “сам видел на ситкинских жилах 4-ре фунтового колибра, а на прочих жилах обсыказывают таковых и болшаго колибра гораздо превосходнее и количеством более”. 70 Всё это, как и беседы с капитанами судов, лишь укрепляло А. А. Баранова во мнении, что обосновавшись на Ситке, он вовремя успел опередить конкурентов. Иностранцы же, по словам К. Т. Хлебникова, “видя наши прочно построенные заведения, отзывались, что им тут делать нечего. Они удивлялись нашей отваге и перенесению трудностей, а паче скудной и недостаточной пище и питью одной воды.” 71

Зима 1799-1800 гг. была тревожным временем и для русских и для тлинкитов. Чтобы наладить добрые взаимоотношения с аборигенами, русские, отчасти, применялись к их же обычаям, устраивая званые пиршества с раздачей подарков, что должно было ассоциироваться у тлинкитов с традиционными потлачами. “Баранов приглашал тоёнов и старшин в свою крепость, делал пляски Алеутами и позволял колошам. При сих увеселениях, несколько раз захватывали колош, а чаще Котлеяна [Катлиан, K' alyaan – племянник и наследник Скаутлелта], пришедших со скрытыми под плащом кинжалами. Он приписывал сие умыслам, но те отзывались обыкновением носить при себе оружие; и это было сильным поводом к подозрениям и взаимной вражде.” 72 В данном случае, похоже, правы были тлинкиты. Русские просто слишком хорошо помнили, как в 1763-1764 гг. Алеуты истребляли

целые зимовья, пронося тайком под одеждой ножи и заставляя промышленных врасплох. Потому им и казался столь зловещим и подозрительным обычай тлинкитов постоянно носить при себе кинжал под плащом.

Тем временем пришёл конец вражде киксади и дешитан. Хуцновский шаман Нахуву, пленник Скаутлелта, был призван для лечения ситкинского вождя Кантаи'ка. Похоже, знахарь оказался бессилён перед болезнью, поскольку он не нашёл ничего лучшего, как объявить причиной хвори колдовство собственной сестры больного вождя. Разъярённые подобными обвинениями родственники умирающего едва не убили злополучного шамана. Хуцновец спасся бегством и вместе со своим помощником вновь укрылся в Плавучей Крепости Скаутлелта. От вождя требовали выдачи Нахуву, но тот решил спасти пленника и, помимо всего прочего, использовать влиятельного среди хуцновцев знахаря в качестве посредника для примирения с дешитанами. Снабдив Нахуву всем, необходимым для путешествия, он организовал ему бегство. Добравшись до Хуцнуву, шаман начал склонять своих сородичей к миру с ситкинцами. 73

С наступлением весны и началом морского промысла возросла опасность внезапного нападения врагов на незащищённые рыболовецкие лагеря. Поэтому киксади выстроили себе крепость Ка'ану на Хэллек Айленд в устье Наквасинской губы. Вновь, как и прежде в подобной ситуации, начинаются трудности с продовольствием. Вероятно, тогда киксади вновь обратились за поддержкой к русским, несмотря на ряд недоразумений, происходивших между ними зимой. Теперь, голодной весной 1800 г., Скаутлелт получает от А. А. Баранова медный российский герб ("тотемную реликвию" в представлении тлинкитов), а 25 марта ему вручают Открытый Лист, в котором содержится подтверждение уступки земли под русское заселение и установления союза между тлинкитами (точнее, киксади) и русскими. Не надеясь только на миротворческую деятельность Нахуву, Скаутлелт, видимо, хотел получить новые гарантии русской помощи в случае открытого столкновения с дешитанами. Ради этого он пошёл даже на уступку родовой территории, вероятно, понимая под этим лишь предоставление русским права вести промысел в этих угодьях – именно таково было понятие о собственности на землю у тлинкитов.

Однако Нахуву сделал своё дело. Дешитаны, ослабленные потерями не менее ситкинцев, решили примириться со своими врагами. Отряд хуцновцев отправился на Ситку, где повстречал двух мальчиков-сирот, осмелившихся отправиться из крепости за моллюсками. "Дешитаны подошли к ним, окружили их и спросили: "Это всё, что вы имеете для еды?" "Да." "Как дела в крепости?" "У нас совсем нечего есть." Каноз дешитан были в стороне и четверых человек послали за едой для мальчиков. Они вернулись со связками сушёного лосося, по 40 штук в каждой. Мальчикам велели передать одну из них Катаку (главный из воинов киксади, самый ненавистный для дешитан человек). Принесли и жир в тюленьем желудке. Его и другую связку следовало отдать другим людям. А третью связку и жир мальчики должны были взять себе. Им велели передать весть: "Это конец нашей вражды к киксади. Мы хотим теперь сложить руки и заключить мир." 74 Враждующие стороны договорились встретиться осенью на Сахи'ни (Река Костей) в Опасном проливе для окончательного заключения мира и проведения должных церемоний. С этой стороны, благодаря стараниям Скаутлелта и Нахуву (а, возможно, и самому факту присутствия русских, как потенциальных союзников ситкинцев), опасность для киксади исчезла. Слишком тесная связь с русскими становится теперь чересчур обременительной. И киксади, и русские почувствовали это весьма скоро. Тлинкиты из других куанов, во множестве посещавшие Ситку после прекращения там военных действий, насмехались над её жителями и "хвалились свободой своей." Крупнейшая размолвка произошла на Пасху.

Приглашая вождей на праздничное угощение, А. А. Баранов послал в индейское селение толмачку-колошенку. Ситкинские тойоны явились в крепость, но приезжие (среди которых, несомненно, были и недавно ещё враждебные дешитаны) не только не откликнулись на приглашение, но ещё и прибили посланницу. Баранов не нарушил праздничного веселья, но на третий день взял с собой отряд из 22 вооружённых людей и отправился в лодке к индейскому селению чтобы наказать оскорбителей и, главное, "показать наше бесстрашие". Исходя из количества его спутников можно предположить, что в состав этого отряда вошли почти все русские из числа жителей Михайловской крепости. В селении их встретила враждебно настроенная толпа человек в триста воинов. А. А. Баранов высадился на берег и направился прямо к жилищу виновных, "о которых сказано нам было, что готовы к сопротивлению; но после двух залпов, нашли только нескольких стариков, а прочие все разбежались." 75 После холостых залпов Баранов собрал устрешённых старейшин, одарил их и они велели виновным просить прощения. Конфликт уладился миром. Лишь воинственные и беспокойные кагвантаны "со

злым и надменным тоном их Рубцом" продолжали открыто выражать враждебность. В случае их приезда в крепость, Баранов советовал Медведникову "иметь крайнюю предосторожность." 76

Напряжённость во взаимоотношениях поселенцев с индейцами сохранялась постоянно отчасти и потому, что большую часть населения Михайловской крепости составляли традиционные враги тлинкитов – кадьякцы и Алеуты. Они, конечно, были подчинены русским и контролировались байдарщиками РАК, но при всём том всё же сохраняли и известную самостоятельность в своих действиях. Поскольку без их помощи вести промысел было практически невозможно, то русское начальство вынуждено было во многом считаться со своими туземными партовщиками. Исключая каюров – подневольных работников компании – их можно рассматривать, скорее, как в некоторой степени союзников РАК. В составе промысловых партий они сохраняли своё родоплеменное деление и следовали за своими вождями, в числе которых А. А. Баранов называет "катмайского тоёна Гаврилу, Ефима Чернова тоёна, сына карлуцкого алигьяга Филиппа, сына заказчика Чинюка, уяцкого Филиппа-алюцюмака, пояполицкого атыла Гаврилу", а также катмайцев Нуналкудака и Кумыка. 77 Их он советовал В. Г. Медведникову "при всяких случаях отличать, а по праздникам и за стол с русскими иногда сажать". К рядовым же партовщикам Баранов советовал "иметь человеколюбивое сострадание и присмотр... не обременять без нужды трудами, работами или услугами... но и в нужных случаях ласковостью тех более уговаривать, а не строгостью с грубой бранью, а кольми паче никто бы ударить не смел." 78 Туземные партовщики, таким образом, отнюдь не находились в рабском подчинении у своих русских предводителей, которые подчас с трудом поддерживали целостность своих флотилий, особенно, если сами аборигены не видели в том прямой для себя выгоды. В первую очередь это относится к менее зависимым от РАК Эскимосам-Чугачам. И.А. Кусков, вынужденный в 1802 г. прервать промысел из-за непогоды и угрозы со стороны тлинкитов, доносил Баранову, что "партовщики скучать начинают и прожитием без всякой прибыли на месте", что "удержать партию далее не будет возможно" и что чугачи начинают разбегаться. Там же он меланхолично отмечает "великий расход табаку", раздаваемого в подарок тоёнам "безо всякой прибыли", без чего, однако, "обойтись никак не можно по несчастливим теперь обстоятельствам." 79 Вполне естественно, что при таком положении дел служащие РАК старались всеми силами как можно крепче привязать к себе "замиренных" аборигенов. Судя по всему в спорах между кадьякцами и ситкинцами русские поддерживали первых, что укрепляло союзнические связи с ними, но зато и усиливало враждебность тлинкитов. Традиционная межплеменная вражда подкреплялась и последними событиями: массовое отравление партовщиков моллюсками Алеуты и кадьякцы, похоже, приписали злему тлинкитскому колдовству и явно не собирались оставлять эту трагедию неотмщённой.

Тем не менее, в целом положение на Ситке при Баранове было вполне удовлетворительным для русских, что видно из письма, помеченного им датой 7 апреля 1800 г. Послание это, судя по всему, направлялось в Якутат и передать его должен был один из тлинкитов, сопровождавший Баранова на Ситку: "Сей податель, бывшей у нас прежде аманатом на Кадьяке акойской Степан, жил с нами долго в заселении, отправился домой и обещал вскоре и вам доставить письмо, кое я за нужное счел отправить, потому паче ежели партия прибудет, чтобы ободрить и уверить ту и с тою едущих могли, што здесь все благополучно и надежда к промыслу великая, а на пути нет никакой опасности, толко несколько Чилхацких опасаться надлежит, хотя мы здесь тех еще по сию пору [в] гости кроме несколка человек не видали, но хвастовства их обыкновеннаго эхости доходят недоброжелательныя... бостонцы американские пришли сюда судами в половине февраля, то же время было их 3 [судна] и одно в Хуцновском и Ледяном проливе слышно ходит. Мы у них и они у нас в заселении гостили, водки пили довольно... С народами ни до какой важной ссоры не доходило, хотя и много было огорчений, и тово и сево, но терпением преодолели все, имея при том каждочасную предосторожность, бодрость и готовность ко всякому неприятелскому действию." 80

22 апреля 1800 г. А. А. Баранов отбыл на Кадьяк, оставив в новой крепости "начальствующим" Василия Григорьевича Медведникова – одного из опытных старовояжных. Медведников был храбр, что доказывает его поведение во время крушения галиота "Три Святителя" в 1796 г. 81, исполнителен и наделён организаторскими способностями. В 1795 г. Баранов особо выделил его из числа "трудников", строивших под руководством Дж. Шильдса судно "Феникс" в Константиновской крепости. Медведников был тогда подмастерьем англичанина, но "ежели б умел грамоте и правила чертежей [знал], не испортил бы и мастером [быть]". 82 Баранов лично убеждал Медведникова остаться в колониях, когда тот задумал вернуться в Россию. Однако, будучи неплохим

исполнителем и руководителем небольших партий и экспедиций, он не проявил себя с тем же успехом на более ответственном посту.

Баранов оставил ему обширные письменные наставления, где, в частности, указывалось и то, как вести себя по отношению к индейцам. Александр Андреевич напоминал, что "сии народы от создания мира пользуясь естественною свободою, никогда не мыслили и не знают угождать чужой воле, и ни малейшего огорчения сносить не могут без мщения." 83 К сожалению, Медведников, как и многие другие поселенцы, слишком часто забывал эти слова Баранова, который умел понять психологию аборигенов, прекрасно ориентировался в положении дел на Ситке, знал, как следует обращаться с индейцами и чего можно ожидать от каждого из их предводителей. Советы Баранова Медведникову просты, конкретны и разумны:

"Ни малейшей вещи от них без торгу, а кольми паче без заплаты брать или присваивать всемерно удерживаться и никому не позволять... рекомендую ещё в дополнение тойонов Хварова и его брата, также новоизбранного всеми Михайла [вероятно, после успешного примирения с дешитанами Скаутлелт и был избран верховным вождём Ситка-куана – атлен-анкау] и нашего прежнего Схатеса [Скаатагеч?] с братом, а также почётных мужиков: шамана с Кекурной бухты с... тестем и ближней бухты богатого и хлебосола племянника Михайлы тойона [Катлиан] с братьями Шадровитым мужиком и отцом парня, кой хотел идти на Кадьяк, приёмом отличать, а когда что случится, кормить... а иногда и маленькими подарками приласкивать... во множестве и с пляскою их в казармы отнюдь не впускать... иметь неприметное им примечание, нет ли в байдарках огнестрельных и других вредоносных орудий и при них под одеждою скрытых копий [кинжалов]." 84

В 1801 г. компания получила и первые выгоды от Ситкинского заселения. С бригам "Екатерина" туда было отправлено 470 байдарок во главе с И. А. Кусковым, который позднее вспоминал, как "колоши во всех местах, будучи им обласканы и обдарены, сами вызывались показать бухты и заливы, где бобры водились: от места до места они провожали партию и рекомендовали своим соседям, которые с равною услужливостью предлагали свои услуги. В один выезд партия была приведена колошами в тесную бухту, в которой гнезилось такое множество бобров, что с первого взгляда полагали быть стадом птиц, чернеющих на поверхности воды. Но нельзя было выразить радости Алеут, когда открылось бесчисленное множество бобров в таком месте, из которого почти ни один не мог ускользнуть. Колоши без всякой зависти восхищались проворством и искусством Алеут в промысле." 85

Однако, помимо всего прочего, результатом первых встреч русских с тлинкитами стало и создание образа "колоша" – воинственного, мстительного и жестокого дикаря, каким предстаёт он в официальных документах РАК, записках служащих компании и в трудах путешественников. Достаточно вспомнить, сколь неприятно поражён был обликом якутатских аманатов правитель Кадьякской конторы И. И. Баннер: "Вид их показывает нечто отвратительное, лицо имеют смуглое, продолговатое, глаза большие, брови высокие, колесом... волосы чёрные и жёсткие, поднявшись дыбом, кои они завязывают странно разными манерами: то, забрав со всех сторон на темя, походит на кочку с травою, иногда изображают рога на обеих сторонах, или, обвив, вниз спускают на обе стороны, как толстые плети, вплетая во весь тот убор разные перья... лицо разнообразно раскрашено и вымарано полосами... К сожалению живописцы не имеют счастья их видеть, то бы лучше нельзя написать на деянии не только чорта, но не постыдно было бы изобразить самого сатану," – в этой оценке Баннер странным образом перекликается с симпатизировавшим тлинкитам У. Стёрджисом, на которого подобное же впечатление произвёл облик ситкинцев. С внутренним содроганием и каким-то детски-простодушным ужасом передаёт Баннер и рассказы якутатцев о жестоких военных обычаях тлинкитов: "Злее самых хищных зверей... снимают с головы кожу с волосами, забрав волосы в одну руку, обчертя ножом, сдёргивают, и потом... по частям отнимают члены, колют и дают небольшие раны, для одного мучения и страдания, или тела рвут крючками, или, разрезав, вытягивают внутренность и мотают кишки, снимают с живых кожи..." Вслед тому делается весьма неутешительный вывод: "В сём народе, убийственном и злом, едва ли можно в несколько лет учинить какую-либо приметную перемену." 86

Несколько более доброжелательно смотрели на тлинкитов российские мореплаватели. Характерна в этом отношении оценка, данная им В. М. Головинным, известным своей прямоотой и резкостью суждений: "сильны,

терпеливы в трудах и крайне смелы, даже до отчаяния, любят независимость столько, что скорее захотят расстаться с жизнью, нежели со свободой, и покорить их не только трудно, но даже невозможно... В сражении они столь отважны, что редко когда в плен отдаются живые и огнестрельным оружием научились действовать проворно и стреляют очень метко... к побеждённым же чрезвычайно жестоки и часто всех их мучают и убивают без всякой жалости." 87

Однако, обе характеристики складываются в один, всё тот же образ гордого, свободолюбивого, но враждебного, мстительного и свирепого дикаря. Да и позднее в характере тлинкитов русским в первую очередь виделись такие "особенные достоинства", как "хищничество, воровство при всяком удобном случае, вероломство, умение отомстить врагу." 88 Хотя окончательно стойкий стереотип тлинкита, как "кровожаждущего варвара", сложился только после трагических событий 1802 г., основы его были заложены именно в результате первых встреч и первых столкновений русских с этим сильным и неподатливым противником.

Глава III ВСПЫШКА ВРАЖДЕБНОСТИ И КАТАСТРОФА 1802 г.

1. Русские промышленные, иностранные морские торговцы и индейцы-тлинкиты в начале XIX в.

Несмотря на то, что тлинкиты имели богатый опыт общения с европейцами, присутствие русских на их землях казалось им чем дальше, тем всё более и более обременительным. Отношения между поселенцами и аборигенами всё более обострялись, что привело, в конечном итоге, к затяжной кровавой войне. Однако, такой результат отнюдь не был всего лишь нелепой случайностью или же последствием происков коварных иностранцев, как не были эти события порождены и единственно природной кровожадностью "свирепых колошей". На тропу войны тлинкитские куаны вывели иные, более глубокие причины.

У русских и англо-американских торговцев была в здешних водах одна цель, один главный источник прибыли – пушнина, мех морских бобров (каланов). Но средства достижения этой цели были различны. Русские сами добывали драгоценные меха, посылая за ними партии подневольных Алеутов и основывая в районах промысла постоянные укрепленные заселения. Скупка шкур у индейцев играла второстепенную роль. Прямо противоположно поступали, в силу специфики своего положения, британские и американские (бостонские) торговцы. Они периодически приходили на своих кораблях к берегам страны тлинкитов, вели активную торговлю, закупали пушнину и уходили, оставив индейцам взамен ткани, оружие, боеприпасы, спиртное. Практически ничего из этих, столь ценимых индейцами, товаров РАК не могла предложить тлинкитам. Действующий среди русских запрет на торговлю огнестрельным оружием толкал тлинкитов к ещё более тесным связям с бostonцами. Для этой торговли, объём которой постоянно возрастал, индейцам требовалось всё больше и больше мехов. Однако Компания всей своей деятельностью мешала тлинкитам торговать с европейцами. Активный хищнический промысел калана, который вели компанейские партии, был причиной оскудения природных богатств края, лишал индейцев их основного товара в сношениях с англо-американцами. Ф. А. Кашеваров вспоминал позднее, "что в те годы [1799-1802гг.] Главная партия никогда не убивала [бобров] сотнями, а всегда тысячами." Он же даёт в своих воспоминаниях яркую картину ведения морского промысла на Ситке в первые годы присутствия там русских (позднее это описание использовал в своей статье К. Т. Хлебников): "Господин коммерции советник Кусков в теж года заехал один раз в одну бухту... со всею главною партией около 700 байдарок и нашёл в ней столько бобров, что почёл сперва за большие табуны птицы, но когда рассмотрели, оказались бобры. Вот тут-то тогда поднялась у Алеутов радость и крик. Редкая байдарка не добыла бобров... и бобрам некуда было выныривать, и где бы не вынурнули, везде находили себе стрелка... и били иногда [их] дрегалками или кололи большими костяными с пузырями носками. И всего тогда партией г-на Кускова упромышлено в лето около трёх тысяч бобров." Для сравнения следует отметить, что ежегодный объём промысла "со всех мест, подчинённых тогда Кадьяку, кроме... Уналашки и северных островков", равнялся 3 750 бобрам. Таким образом масштаб промысла калана в стране тлинкитов сразу же приобрёл самые угрожающие для благосостояния аборигенов размеры. В итоге тлинкиты стали видеть в Компании и в русских вообще "единственную преграду как к сбыту своих промыслов, так и к удобному приобретению тех вещей, кои сделались для них необходимы, почему нельзя ожидать от них [тлинкитов] ни доброго расположения, ни пощады." 2

Враждебность к русским, разумеется, охотно подогревалась их англо-американскими конкурентами. Ежегодно около 15 иностранных судов вывозили из владений РАК 10-15 тысяч бобров, что равнялось 4-летнему русскому промыслу. Усиление русского присутствия грозило им лишением прибылей. Торговая же конкуренция в Америке тех времён нередко оборачивалась открытыми вооружёнными стычками. Достаточно вспомнить, как в лесах Канады разыгралась настоящая война между Северо-Западной Пушной компанией и Компанией Гудзонова залива, когда обе враждующие стороны охотно и широко использовали для сведения счётов с соперниками зависимых от них индейцев. К сходным приёмам прибегали и русские, что можно проследить на примере борьбы компании П. С. Лебедева-Ласточкина и "Северо-Американской компании" Г. И. Шелихова, когда обе стороны активно применяли друг против друга силы союзных индейцев и Эскимосов.

Тлинкиты и англо-американские торговцы быстро нашли общий язык. По словам капитана В. М. Головнина, "дикари объявили американцам своё согласие производить с ними мену бобрами в таком только случае, когда

на их кораблях привезено будет известное количество ружей и к ним принадлежащего военного снаряда, а в противном случае не променяют им ни одного бобра. Таким разумным поступком они обеспечили себя навсегда в подвозе огнестрельного оружия; а американцы, узнав об учреждении и "огромных видах" нашей американской компании по хвастливым её объявлениям во всех газетах, и сами были рады случаю доставлять диким на погубление русских сколько возможно более оружия." 4 Индейцам же было гораздо выгоднее иметь дело с бостонцами, нежели с русскими или даже с англичанами. Помимо оружия они доставляли тлинкитам множество иных товаров, а за шкуру калана давали 8 аршин сукна, добавляя впридачу зеркала, ножи, некоторое количество патоки, сухарей и круп. До их появления на Северо-Западном побережье британцы платили индейцам по 7 аршин сукна за два бобра и по ружью за шесть шкур, не делая никакой придачи. Встречаясь с А. А. Барановым на Ситке в 1800 г., англичане "жаловались ему, что бостонцы отняли у них всю выгоду торговли... но что надеются они, что вскоре учредится в Англии особая для сих мест компания, которая не оставит прочным образом в сих местах водвориться." 5 При этом следует иметь в виду, что русская цена меха калана была 4 аршина ткани за одну шкуру. Русские не могли платить больше, "потому что ценность вдвое превосходила бы положение, а иногда и потому, что не имели достаточного количества товаров." 6 Товары для РАК доставлялись посуху через всю Россию, отчего стоимость их многократно возрастала, а качество, зачастую, снижалось. Ряд товаров (оружие и спиртное) вообще запрещалось сбывать аборигенам – огнестрельного оружия не доверяли даже вполне лояльным Алеутам. Американцы были более свободны в выборе и доставке товаров, более изобретательны. Представление о ассортименте товаров морских торговцев даёт опись груза судна "Дерби" во время его второго плавания в 1809-1811 гг. 7 Здесь значатся 73 тюка шерстяной и хлопчатобумажной ткани, 7 ящиков топоров, 56 топорниц, 200 бочонков пороха, тонна свинцовых брусков, 7 ящиков скобяных изделий, 235 котлов и котелков, 14 бочек и 30 бочонков сахара, 54 бочки и 5 бочонков патоки, 53 бочки и 11 бочонков риса, 20 бочек табаку, 2 ящика киновари, 3 ящика готового платья, 35 полос железа, 1 полоса стали, 2 связки железных прутьев, 164 пары синих одеял, а также касторовое сукно, тесаки, зеркала, ножницы, иголки, мушкетоны, чулки, яблоки, горох и пр. В более южных районах, в области р. Колумбия, торговцы закупали лосиные шкуры, шедшие на изготовление боевых доспехов, и с успехом сбывали их на севере в обмен на пушнину. Приспосабливаясь к запросам индейцев, американцы поставляли им даже "людей чёрных видом" – невольников с Гавайских островов; беглые матросы обучали индейцев фортификации, помогая строить крепости в их селениях.

К 1808 г. американцы довели цену каланов до того, что за одну шкуру платили тлинкитам по ружью с 10 патронами впридачу. Директоров РАК весьма тревожило то, что "бостонские торгаши" постоянно и в изобилии продавали индейцам "пушки, фальконеты, ружья, пистолеты, сабли и другие пагубные вещи и порох, обучая диких даже и употреблению оных"; но ещё больше тревожило их то, что "североамериканские республиканцы, разъезжая по местам, компанию занятым, внушают в диких противное действиям и цели компанейской мнение и располагают их не почитать русских за давнишних, надёжных и лучших своих друзей." 8 Правление Компании и сам А. А. Баранов рассматривали всё Северо-Западное побережье вплоть до Нутки, как законное владение РАК и, опосредованно, Российской империи ("Стройтесь зданья в частях Нова Света // Русь стремится: Нутка её мета!" – гласят слова песни, сложенной А. А. Барановым в 1799 г.). Однако и Правление, и сам Александр Андреевич прекрасно осознавали недостаточность своих сил для подкрепления столь обширных претензий. Потому-то Компания столь настойчиво добивается в эти годы прямой военной поддержки со стороны государства, а "происки иностранцев" становятся постоянным кошмаром руководителей РАК. Именно слова англичан о замышляемой ими "особой для сих мест компании" укрепили Баранова в его решимости основать поселение на Ситке. И подобные страхи были не совсем беспочвенны. Ф. И. Шемелин сообщает, что в 1799 г. в проливе Кросс торговало "судно Джина, капитан Толстой Боур, который из жителей того места одного застрелил, а другого ранил за то, что сии люди, бывши прежде аманатами на Кадьяке, говорили об Русских хорошо, и оными хвалились; сей злой человек хвалился идти в Ситху и убить г. Баранова, за то только, что для чего Россияне занимают сии места?" 9 Судя по всему имеется в виду второе плавание американского судна "Дженни" компании "Дорр и сыновья", которым командовал капитан Боуэрс (Bowers), происходившее в 1800 г. Тогда этот шкипер вполне мог повстречать в куане Хуна якутатцев, бывших заложниками на Кадьяке, и грозить набегом на Ситку. 10

Не стоит, конечно, и преувеличивать степень дружбы тлинкитов с европейскими купцами, при всей их несомненной нужде друг в друге. Нередким явлением были и столкновения между индейцами и морскими торговцами, хотя в основном происходили эти стычки южнее земель тлинкитов, в районе островов Принца Уэльского и Королевы Шарлотты, населённых Хайда. Именно там активность морских торговцев была наибольшей – их излюбленная точка randevu находилась в Кайгани на южной оконечности о. Принца Уэльского. Правда, в 1807 г. отмечалось, что на островах Королевы Шарлотты "помощию европейских беглецов выстроены довольно регулярные крепости и на одной 18 пушек с достаточным числом снарядов", но там же нападениям индейцев подверглись "Леди Вашингтон" (1791), "Александр" (1798), "Бодрый" (1799), "Глобус" (1801), "Атауальпа" (1805); суда "Элеанора" (1794), "Решимость" (1794) и "Бостон" (1803) были захвачены индейцами, а "Скиталец" (1800) исчез при таинственных обстоятельствах. 11 Среди тлинкитов наибольшую враждебность морские торговцы встречали со стороны чилкатцев и, отчасти, ситкинцев. Так чилкатцы имели столкновение с судами "Дракон" (1798) и "Выдра" (1811), а ситкинцы враждебно встретили Генри Барбера на "Артуре" (1796). Любопытно сравнить это с отмеченной А. А. Барановым враждебностью чилкатцев и по отношению к русским. Когда весной 1805 г. несколькими нападениям подвергся корабль "Атауальпа" американца Портера, Н. П. Резанов отметил: "бостонцы сами сказывали мне, что со времени сей торговли они шести судов не досчитываются." 12 В 1806 г. тлинкиты угрожали американскому судну "Ванкувер". В июне 1806 г. капитан Браун жаловался Н. П. Резанову, что "торговля становится год от году затруднительнее... Индейцы здешние... на все товары цены повысили... все сии народы день ото дня всё неприступнее и в то же время отважнее. Он заходил в Кайганы, ему не позволили налиться водою... а когда хотел отвязать канат, коим отшвартован был, то ему не позволили. Он угрожал стрелять из пушек – они высыпали толпами с криком, что всех не перестреляет... Он сказал, что все Бостонские суда крайне оскорбляются и каждое из них в заплату за вероломные и мерзкие поступки их, при оставлении берегов не щадит их и жжёт селения, а они тем более ожесточаются." 13 Подобные стычки были явлением обыденным, но в любом случае неприятностей от оседло живущих русских тлинкиты испытывали гораздо больше, нежели их причиняли им англичане или американцы, время от времени появляющиеся из морской дали. Однако, история возникновения версии о решающей роли белых подстрекателей нуждается в специальном разборе.

.

2. Англичане и американцы в событиях 1802 г.: реальность и вымысел

Говоря об уничтожении индейцами-тлинкитами русского поселения на о. Ситка в июне 1802 г., ряд авторов упоминает о той роковой роли, которую сыграли в этих событиях некие английские или американские матросы. Степень их участия в нападении варьируется от простой поддержки замысла тлинкитов и подстрекательства к нему до прямого участия в атаке и даже руководства ею. Иногда (особенно в художественных произведениях) они предстают настоящими диверсантами, которых засылают на Ситку иностранные торговцы – конкуренты РАК. Оставив в стороне вопросы, связанные с причинами и обстоятельствами нападения, рассмотрим единственную проблему: какова же была истинная роль и степень участия "иностранцев" в трагических событиях июня 1802 года?

Вначале – краткая сводка сообщений источников по данной теме.

И. А. Кусков (1802 г.) упоминает, что в июне 1802 г. на Ситке находились некие "англичане", оставшиеся там "с одного американского судна, бывшего под крепостью по весне до 7 человек." 14 Его показания, наряду с показаниями А. Плотникова и Е. Лебедевой 15, позволяют уточнить местонахождение 5 из этих "англичан". Трое в составе артели А. Батурина отправились к "дальному Сиучьему камню", где заготавливал мясо Василий Кочесов; один ушёл с партией И. Урбанова, а ещё один в момент нападения оказался в осаждённой казарме. Гибель от рук тлинкитов всех пятерых представляется несомненной. О каком-либо участии "англичан" в штурме не упоминают ни Кусков, ни Плотников, ни Лебедева. Однако, помимо этого И. А. Кусков сообщает о подстрекательских речах американского торговца, зимовавшего в 1801-1802 гг. "на хуцновском жиле", где совет индейских вождей обсуждал план войны против русских. 16

Капитан Генри Барбер (1804 г.) заявляет, что 31 июня (!) 1802 г. он принял на борт трёх американцев, которые назвались дезертирами с бостонского судна "Дженни". 6 июля он принял на своё судно ещё трёх американцев, причём тогда же он взял заложниками тлинкитских вождей, организовавших нападение на Михайловскую крепость. Эти моряки сообщили Барберу, что индейцы заставили их участвовать "в том кровавом происшествии". 17

Американец Уильям Стёрджис сообщает о 7 дезертирах с "Дженни", служившим в РАК, которым индейцы предложили участвовать в нападении на русскую крепость. Когда же они отказались, тлинкиты взяли их под стражу и не выпускали до тех пор, пока крепость не была уничтожена. 18

Директора РАК сообщали А. А. Баранову в своём письме от 29 апреля 1805 г., что они "узнали по некоторым известиям, что прямая причина разорения крепости и гибели людей была недоброжелательное подстрекание к диким того английского судна, которое было в то время там, и на котором пленные доставлены к Вам..." 19 Имелся в виду, конечно же, Генри Барбер.

Те же директора РАК в 1808 г. уверяли русского генерального консула в Филадельфии А. Я. Дашкова в том, что "Бостонского морехода Кроера бежавший там с корабля по разным неудовольствиям экипаж при нападении в 1801 году (!) на Ситху помогал диким в варварстве," 20 а в особой записке "О подрыве, делаемой компанией бostonцами" (21 апреля (3 мая) 1808 г.) они же утверждали: "Тамошний главный правитель Баранов, по некоторым от самих диких объяснениям о сём случае, уверяет, что причиной сего несчастья и пособием в оном были бostonских судов шкипера Крокер и Конингам с их экипажами", которые снабдили индейцев оружием и захватили собранную в крепости пушнину. 21

Ю. Ф. Лисянский, побывавший на Ситке в 1804-1805 гг., получил "обстоятельное известие" о гибели крепости со слов некоего промышленного, "который тогда был взят в плен, а после нашёл случай спастись." По этим сведениям среди примерно 600 индейских воинов "находились три матроса из Американских Соединённых Штатов. Оставив свои суда, они сперва поступили на службу в Компанию, а потом перешли к нашим неприятелям. Эти вероломные бросали зажжённые смоляные пыжи на кровлю верхнего строения, зная, что там

хранились порох и сера." 22 Порох в крепости действительно хранился на втором этаже казармы, который и был подожжён индейцами почти в самом начале их нападения.

К. Т. Хлебников повторяет сообщение И. А. Кукова и утверждает, что "озлобление сих диких народов есть произведение просвещённой зависти", 23 но при этом не говорит о прямом участии "иностранцев" в военных действиях. Помимо того, он сообщает, что "до прихода Баранова в Ситху" с одного американского корабля было высажено на берег "по неудовольствиям от капитана" 11 человек. Из них трое поступили на службу РАК, а "прочие остались у колош". 24

Приказчик РАК на судне "Надежда" Ф. И. Шемелин в своих записках о кругосветном плавании упоминает, что в 1799 г. "два судна вместе были в Якутатском заливе и в Ситхе; капитаны оных Кронер и Брикс; с одного из них бежало матросов 11 человек и с оного ж в 1802 г. 6 человек"; под 1802 г. упоминается "судно Юникорн, капитан Барбер; он доставил наших людей, которых освободил из неволи от американцев; за то взял выкуп товаров на 10 000 рублей и потом с г. Барановым торговался"; там же говорится, что в 1801 г. "судно Глобус, капитан Кюннен-Жеин, зимовало под хуцновским жилком." 25

Известные индейские предания не упоминают каких-либо белых союзников в войне против русских.

Американские источники частично подтверждают и существенно дополняют русские данные. 26 Кроккер, капитан судна "Хэнкок" компании "Дорр и сыновья" (Бостон), прибыл на Ситку в мае 1799 г. В результате вспыхнувшего на борту судна мятежа 13 матросов по их собственному требованию были высажены на берег, но спустя несколько дней четверо из них раскаялись и им было позволено вернуться на корабль. Когда судно стало уходить из Ситкинской бухты, ещё двое мятежников, похитив у индейцев каноэ, попытались вернуться на его борт. Им отказали, но они упорно следовали за судном на протяжении нескольких миль. За беглецами погнались индейцы и, в конце концов, капитан принял их обратно. После завершения торгового сезона "Хэнкок" отбыл в Кантон, а затем, 9 июля 1800 г., вернулся в Бостон. Вторично Кроккер посещает Северо-Западное побережье в 1802 г., как капитан судна "Дженни" той же компании "Дорр и сыновья".

Уильям Каннингем был помощником капитана на судне "Глобус", принадлежавшем Перкинсу, Лэмбу и Компании, которое имело груз товаров на сумму в 29 253 \$. В октябре 1801 г. индейцы-Хайда убивают у Скидегата капитана Бернарда Мэджи и Каннингем занимает на "Глобусе" его место. Он зимует в Хуцнуву – и в эту зиму там собирается великий совет тлинкитских вождей, решивший начать войну с русскими. В июне 1802 г. "Глобус" находится в Ситкинском заливе вместе с кораблями Барбера и Эббетса и именно на его борту заседает "Военный совет" из числа старших офицеров этих судов. По окончании сезона торговли "Глобус" прибывает 3 ноября 1802 г. в Кантон, а оттуда возвращается в Бостон.

Судно "Тревога" (Alert) под командованием Джона Эббетса, бывшего ранее на нём помощником капитана, совершало в то время своё третье плавание (первые в 1798 и в 1800 гг.). Оно принадлежало семейству Лэмбов и вышло из Бостона 8 июля 1801 г. с грузом товаров на 28 001 62 \$. По окончании сезона торговли прибыло через Гавайи в Кантон 8 декабря 1802 г., откуда после продажи пушнины вновь вернулось на Северо-Западное побережье.

Генри Барбер традиционно пользуется самой дурной репутацией. Но даже Н. П. Резанов, называвший его не иначе, как "разбойником" и обвинявший в пиратских намерениях по отношению к русскому поселению на Кадьяке, 27 относительно лета 1802 г. ставит ему в вину лишь то, что он "влез нагло" в Павловскую Гавань и потребовал выкупа за доставленных им с Ситки пленников. Ричард Пирс полагает, что "утверждения о враждебности Барбера по отношению к РАК кажутся неосновательными или преувеличенными". 28 А. В. Гринёв, серьёзно исследовавший этот вопрос, также придерживается мнения, что "нет никаких доказательств и фактов, указывающих на причастность Барбера к разорению русской крепости." 29 Однако путаница, сбивчивое изложение фактов и ряд намеренных умолчаний в собственных показаниях британского капитана наводит на подозрение, что совесть его отнюдь не была кристально чистой.

Рассмотрим теперь степень достоверности приведённых выше сведений. Показания Кускова, Плотникова и Лебедевой несомненно заслуживают доверия относительно указанного в них местонахождения 5 "англичан" в момент нападения. Однако вряд ли даже очевидцы гибели крепости могли бы различить 2-3 белых в толпе индейских воинов. Стёрджис получил свои сведения из вторых, а то и третьих рук и до него версия дезертиров дошла в облагороженном и приукрашенном виде: они уже не участвуют в нападении (пусть даже и невольно, как то было заявлено Барберу), но всего лишь содержатся индейцами под стражей, чтобы не могли предупредить русских. Директора РАК, судя по всему, не всегда ясно представляли себе детали происходивших в Америке событий (это и 1801 год, как дата гибели Михайловской крепости, и, в другом месте, Якутская бухта вместо Якутатской). Однако, они весьма умело использовали эти события в своих интересах, ловко применяясь к изгибам тогдашней внешней политики России. Ю. Ф. Лисянский в своей книге лишь добросовестно передал то, что слышал от служащих РАК на Ситке. То же относится и к Ф. И. Шемелину. К. Т. Хлебников пользовался теми же источниками, однако, будучи более знаком с предметом, делал несколько иные выводы. По сути дела в распоряжении историков имеются только одни, освещающие этот вопрос сведения, полученные из первых рук, но и этот свидетель является слишком заинтересованным лицом, чтобы полагаться на его объективность. Это капитан Генри Барбер.

Первое, что бросается в глаза при сравнении журнала Барбера с показаниями другого очевидца и непосредственного участника событий, Абросима Плотникова, так это разнбой в датах. Оставив в стороне упоминаемое им фантастическое "31 июня", можно установить, что разнбой этот прекращается с приходом на Ситку кораблей Эббетса и Каннингема. Барбер перестаёт лгать, поскольку теперь появляется опасность быть уличённым своими же коллегами, которые позднее вынуждают его признаться и в том, о чём он пытался умолчать при публикации своего журнала (повешение тлинкитского вождя). Однако ложь в бортовом журнале ещё не доказывает причастности Барбера к уничтожению Михайловской крепости. Будучи личностью действительно довольно тёмной и одиозной, Барбер владел в тот период судном, имевшим два названия и два порта приписки: в британские порты Сидней (Австралия) и Лондон он прибывал на "Единорог" (Unicorn, порт приписки Лондон), а на Гавайях и в Китае он действовал на приписанном к Макао "Бодром" (Cheerful). 30 На Ситке же он появился на судне с названием, которое использовалось им для визитов в "цивилизованные" порты колоний и в метрополию – "Единорог". Если бы Барбер занимался здесь своими махинациями, то скорее всего избрал бы вывеску "Бодрого". Вероятнее предположить, что на Северо-Западном побережье Барбер занимался вполне обычным и распространённым там бизнесом – торговлей оружием. Для этого ему не приходилось скрываться под видом купца из Макао. Однако в данном случае бизнес этот имел неожиданные для Барбера последствия – истребляя Михайловскую крепость, тлинкиты, похоже, воспользовались и полученным от него товаром. Из-за этого британец, действовавший здесь вполне официально, оказался в весьма двусмысленном положении. Ему грозила репутация подстрекателя к убийству. Впоследствии ему пришлось оправдываться и за меньший грех – казнь индейского заложника (о чём он тоже вначале старался умолчать). Гораздо дороже пришлось бы ему заплатить даже за столь косвенное пособничество в убийстве "белых людей" (пусть даже и русских), как продажа оружия туземцам накануне резни. В пользу этого предположения говорит и то, что на борту "Единорога" действительно имелось "лишнее" оружие: доставив пленников на Кадык и получив выкуп, Барбер тут же продал русским "несколько орудий, до пятидесяти отличных ружей и большое количество снарядов." 31 Вероятно, это было то, что осталось у англичанина после торговли с индейцами (недаром он, возмущаясь прижимистостью Баранова, заявлял, что потерпел убыток от прекращения своих торговых операций). Именно по этой причине Барбер и "путал следы", тасуя события и даты, чтобы добиться наиболее выгодного для себя расклада.

Чтобы окончательно разобраться в труднообъяснимой "враждебности" Барбера к РАК, рассмотрим обвинения его в зловещих замыслах против компании, каковые он якобы вынашивал в 1802 г. и в 1806 г. Утверждения о их существовании основываются на сообщении Н. П. Резанова. В ноябре 1805 г. он писал директорам РАК, что по возвращении с Кадыка на Гавайские острова Барбер узнал "о объявленной тогда Англии войне и рвал с досады волосы, что, видя слабость компании, не произвёл он того грабежа, к которому, признавался он, что неоднократно и без того покушался... к счастью однакож компании поссорился он с Людерсом товарищем судна его, и известие о мире между тем подоспело." 32 В феврале 1806 г. Н. П. Резанов вновь сообщает о том, как

после гибели Якутатской крепости "разбойник Барбер опять был на Кадьяке, но, нашед там суда "Елисавету" и "Александра", вышел, объявля, что хотелось ему видаться с Барановым и что идёт в Ново-Архангельск, однакож сюда не пожаловал." 33 Однако, следует отметить, что ещё в Павловской Гавани, когда Барбер доставил туда спасённых им пленников, им было заявлено Баранову, "что, хотя он и принадлежит к нации, воюющей с Россиею, но сострадая к человечеству выкупил бедных людей", 34 – то есть, он считал, что Англия всё ещё (со времён заключения Павлом I союза с Бонапартом) воюет с Россией, а значит не мог узнать об этом на Гавайях. Там ему могли скорее сообщить о примирении великих держав. Кроме того, известные сведения о реальных действиях Барбера в тот период не подтверждают его воинственных намерений. В декабре 1802 г. его видели на о. Оаху, где он вёл переговоры с верховным гавайским королём Камеамеа I; 29 мая 1803 г. он уже публикует в Сиднее (Австралия) отрывок из своего бортового журнала, после чего отбывает в Лондон, чтобы к октябрю 1804 г. вновь вернуться в Сидней. Если он и вынашивал злодейские планы осенью 1805 г. (единственным свидетельством в пользу того служит его несостоявшаяся встреча с А. А. Барановым), то они необъяснимо испарились к 1807 г., когда он продал РАК свой бриг "Мирт" со всем грузом и вооружением. Осведомлённость Н. П. Резанова относительно этих планов выглядит довольно странно – вряд ли Барбер столь широко афишировал свои столь неприглядные замыслы. Кроме того, среди старших офицеров "Единорога" не значится никакого Людерса, который, согласно Резанову, был даже компаньоном Барбера ("товарищем судна его"). 35 Объяснить же смысл и назначение страшных рассказов о "чёрном пирате Барбере" можно, если учесть некоторые черты характера самого Н. П. Резанова, а также цели, какими он руководствовался при написании своих отчётов Главному Правлению РАК. В этих обширных посланиях он, помимо всего прочего, излагал и "причины, по которым должно весь край сей и как можно скорее гарнизоном обеспечить", 36 – то есть, он, как и прочие видные деятели компании, стремился добиться усиления государственного присутствия в её владениях, а в первую очередь – присылки туда войск. Оправдать такой шаг могла только серьёзная военная угроза русским владениям. Опасность же со стороны "диких" не производила должного впечатления на петербургских чиновников. Совсем иное дело – противник европейский, представляющий собой первую морскую державу мира. Стоит при этом вспомнить и характеристику Резанова, данную ему желчным, но наблюдательным капитаном В. М. Головинным: "Сей г. Резанов... был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имевший голову более способную созидать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предначертания." 37 О том, что ради достижения желаемых целей Н. П. Резанов был способен весьма вольно обращаться с известными ему фактами свидетельствует он сам, похваляясь в письме к Н. П. Румянцеву тем, как ловко он обошёл губернатора испанской Калифорнии.

Губернатор жаловался ему на своеволие американских торговцев, один из которых, О'Кейн, вёл на его территории промысел каланов. Зная, что О'Кейн действовал по прямому контракту с РАК, Резанов, тем не менее, воспользовался случаем, чтобы лишний раз помянуть недобрым словом морских торговцев вообще, а всё того же Барбера в частности. По его версии, изложенной доверчивому испанцу, О'Кейн силой захватил партию кадьякцев в 40 человек, увёз их неизвестно куда, а на следующий год "такого же разбора молодец капитан Барбер привёз нам из них 20 человек на Кадьяк говоря, что выкупил он их из плена на Шарлотских островах и не отдавал их иначе, как за 10 000 рублей... Но куда других девал Океин мы и теперь неизвестны. Возвращённые показали, что были они в разных местах на разных судах, но у кого имянно и где приставали того по невежеству их не могли мы добиться у них." 38 Таким образом, хитроумный дипломат смешал воедино события 1802 г. и плавание О'Кейна, отрёкся от факта сотрудничества с американцем и сочинил целую пиратскую историю и всё это ради одной цели – продемонстрировать зловедность конкурентов. Кроме того, у правления РАК были и иные причины преувеличивать исходящую от Барбера угрозу, о чём будет сказано далее.

Что касается иностранных моряков, находившихся тогда на Ситке, то они, несомненно, принадлежали к команде "Хэнкока". После ухода Кроккера, на берегу осталось 7 его матросов. Пятеро поступили на службу РАК и погибли во время общей резни. Двое же, вероятно, предпочли остаться среди индейцев. Именно они взошли на борт судна Барбера: его путанный рассказ о 6 американцах явно не заслуживает доверия. Похоже, они действительно участвовали в разгроме Михайловской крепости, однако нет оснований приписывать им некую ведущую роль. Для поджога деревянной казармы не требовались особые европейские военные знания, к тому же, согласно индейским преданиям, поджог этот осуществили две старухи-тлинкитки. 39 Вряд ли два белых дезертира могли

существенно увеличить боевую мощь почти полуторатысячного отряда хорошо вооружённых воинов, врасплох обрушившихся на горстку защитников казармы. Попав же на борт "Единорога", они объяснили Барберу, что плавали на судне Кроккера. Зная, что в этом сезоне Кроккер командует "Дженни", Барбер и записал в дневнике, что матросы дезертировали с этого судна – вряд ли его в тот момент занимал вопрос о названии судна Кроккера в сезоне 1799 г. Стёрджис, сообщая о беглецах с "Дженни", лишь передавал циркулировавшие среди морских торговцев слухи. Он знал, что на Ситке оставалось 7 дезертиров, но не знал о гибели пяти из них. Кроме того и Барбер в опубликованных заметках сообщил всем о 6 пришедших к нему американцах.

Реальным же подстрекателем индейцев следует считать не англичанина Барбера, а американца Каннингема, на что впервые внимание было обращено А. В. Гринёвым. Он, в отличие от Барбера, Эббетса и матросов с "Хэнкока", оказался на Ситке явно не случайно. Перезимовав в Хуцнуву, он, несомненно, был посвящён в замыслы тлинкитов, а то и участвовал в их разработке. В Ситкинской бухте он, неожиданно для себя, встречает ещё двух торговцев, но быстро занимает среди них господствующее положение – именно "Глобус" становится своеобразным "штабом" трёх капитанов. Прибыв сюда уже после захвата Барбером вождей-заложников, Каннингем не может изменить хода событий, но ловко подстраивается под них (кстати, не случайно вожди столь доверчиво поднялись на борт "Единорога" – вероятно, после знакомства с Каннингом они считали морских торговцев своими союзниками, что распространялось даже на Барбера, с которым у них уже имелся печальный опыт общения). 40 Получил, несомненно, Каннингем и свою долю из захваченных тлинкитами запасов компанейской пушнины. Нереально, чтобы всю добычу мог захватить только Барбер – один из троих, да и сами директора компании со слов Баранова сообщают о присвоении мехов всеми тремя капитанами. 41 Барбер и Эббетс оба в 1802 г. посещали Кадык, где оружия и товаров было "от них куплено на сумму более 70 000 рублей." 42 Каннингем на Кадык не пошёл. Он вообще не имел дел с русскими и это вряд ли случайно – слухи о его истинной роли, хотя смутные и неясные, всё же доходили до руководителей РАК, как говорят о том свидетельства Кускова, Шемелина и Баранова. Однако в тот момент директорам РАК было выгоднее заострить внимание на иной фигуре – на Генри Барбере. И дело тут не только в досаде на его выходку в Павловской Гавани и потерянные 10 000 рублей.

То, что виновниками Ситкинской катастрофы будут объявлены иностранцы было predetermined изначально. Но причины того, что главным виновником был тогда признан англичанин Барбер кроются, вероятно, в той неопределённости, в какой пребывала в те годы российская внешняя политика. Разорванные при Павле I отношения с Англией были восстановлены, но до союза с ней дело ещё не дошло. В Петербурге шла борьба между сторонниками и противниками такого сближения. Директора РАК, для которых англичане были опасными конкурентами, имели поддержку в лице столь влиятельного сановника, как министр коммерции (а затем и министр иностранных дел и канцлер) Н. П. Румянцев, который являлся сторонником союза с наполеоновской Францией. 43 "Дело Барбера", поданное как открыто враждебный акт Великобритании, было поистине даром небес для столичных франкофилов. Новый ход ему был дан весной 1805 г. (похоже, что и узнали о нём в Петербурге немногим ранее, учитывая тогдашние средства связи). В это время, после разрыва дипломатических отношений с Францией (сентябрь 1804 г.), решался вопрос о вступлении России в Третью Коалицию. Вот тогда, похоже, и сложилась версия о решающей роли англичан в Ситкинской резне. Директора РАК (М. М. Булдаков, Е. И. Деларов, И. Г. Шелихов) сообщили об этом А. А. Баранову в особом письме от 29 апреля 1805 г. В нём они заявляли, что Баранов не сумел выявить "прямых причин" гибели Михайловской крепости, в то время, как сами директора (в Петербурге!) "по некоторым известиям" узнали, что "прямая причина разорения крепости и гибели людей была недоброжелательное подстрекание к диким того английского судна... на котором пленные доставлены к Вам с выкупом от Вас за 10 000 руб., что тем вероятнее, что английская нация в то время состояла в некотором разрыве с Россией." 44 От Баранова недвусмысленно требовалось подтверждение этой версии: "поколик дело сие суть довольно важности, то точное и полное о помянутом сожаления достойном происшествии сведение... благоволиите доставить в сие правление в особливом Вашем донесении." 45 Директоров не смущали и неувязки с фактами: состояние войны между Россией и Англией прекратилось весной 1801 г. после смерти Павла I (хотя, конечно, на Аляске этого могли и не знать, как действительно и не знал этого Барбер в июне 1802 г.).

К 1808 г. политическая ситуация меняется. Согласно условиям Тильзитского мира, Россия присоединяется к континентальной блокаде Англии. Однако невольный союз с Францией непрочен, условия блокады соблюдаются лишь формально, растёт уверенность в неизбежности новой войны с Наполеоном, в которой Англия неизбежно должна оказаться союзником. Да и Правлению РАК гораздо более опасным конкурентом кажутся теперь не британцы, а американские торговцы – куда более многочисленные, активные и не стеснённые в своих предприятиях условиями военного времени (большая часть британских моряков с торговых судов подлежала на время войны вербовке в Королевский Флот). Именно американцы господствуют теперь в морской пушной торговле на Северо-Западном побережье. Если в период 1785-1795 гг. на 35 действовавших здесь британских судов приходилось 15 американских, то в следующее десятилетие ситуация резко изменяется и число американских кораблей возрастает до 68 против всего 9 английских. А после 1801 г., как отмечает Ф. Хоуэй, "Юнион Джек" полностью исчезает из торговли". В период 1805-1814 гг. на Северо-Западном побережье действовали всего 3 английских корабля, один из которых фактически находился в собственности американского предпринимателя Джона Джейкоба Астора. 46 В результате Правление РАК проводит ряд демаршей, в ходе которых неожиданно всплывают имена подлинных "героев" Ситкинской резни. 21 апреля (3 мая) 1808 г. составляется специальная записка "О подрыве, делаемом компании бостонцами". В ней, опираясь на сообщения А. А. Баранова, получавшего сведения от индейцев, виновниками резни называются американцы Кроккер (ведь с его судна дезертировали матросы, которым так удобно приписать руководство "дикарями") и Каннингем – подстрекатель и соучастник. 47 17 (29) мая 1808 г. министр иностранных дел Н. П. Румянцев передаёт генеральному консулу США в Петербурге Л. Гаррису официальную ноту, в которой уведомляет, "что суда США, вместо того, чтобы торговать с русскими владениями в Америке, приходят туда для тайной торговли с туземцами, снабжая их в обмен на шкурки выдры огнестрельным оружием и порохом... которые в их руках стали наносить большой вред подданным Е. И. В-а. При помощи этого оружия был разрушен один русский форт и убито много людей... чтобы избежать пагубных последствий подпольной торговли с туземцами, Е. И. В-во хотел бы, чтобы меновая торговля осуществлялась исключительно на Кадьяке и производилась через агентов компании." 48 И, наконец, 20 августа (1 сентября) 1808 г. Главное Правление РАК направляет письмо генеральному консулу России в Филадельфии А. Я. Дашкову, где, помимо общего возмущения "бостонскими торгашами", сообщается, что "Бостонского морехода Кроера [Кроккера] бежавший там с корабля его по разным неудовольствиям экипаж при нападении в 1801 году на Ситху помогал диким в варварстве." 49 "Чёрный корсар Барбер" был прочно забыт 50 и забвение это продолжалось до тех пор, пока за события 1802 г. не взялись историки, не причастные к политической конъюнктуре описываемого ими времени (в первую очередь П. А. Тихменев), извлёкшие из-под спуда давние домыслы, которые за истёкшее время приобрели солидную наружность исторических свидетельств.

3. Русско-тлинкитские противоречия и причины враждебности

Прибыв в страну тлинкитов с Кадыяка и Алеутских островов, русские партовщики не изменили сложившихся у них там за десятилетия привычек, выработавшегося стиля отношений с аборигенами. О промышленных РАК даже К. Т. Хлебников отзывается, как о людях, лишённых "правил чести и доброй нравственности". Под началом их состояли не только кадыякцы, но и чугачи – традиционные враги тлинкитов. Партовщики нередко грабили индейские захоронения, расхищали запасы вяленой рыбы в тлинкитских хранилищах, иногда дело доходило даже до убийств. Так на Ситке Алеутами было убито до 10 тлинкитов, вероятно, из влиятельного клана киксади. 51 Возможно это было совершено в отместку за гибель от отравления ракушками более сотни партовщиков – в их смерти видели последствия зловредного колдовства колошей. В куане Кэйк-Кую партовщики "ограбили имение, полагаемое с умершими... а после того или тогда же, убив куувского тойона с женою и детьми." 52 Жена убитого приходилась сестрой "тыкинскому тойону" – вождю Хайда-Кайгани или Тлинкитов куана Хенъя (декина, как их называли якутатские толмачи И. А. Кускова). Эти "тыкинцы" вели ранее непрерывную войну с Хуцнуву-куаном, но общая вражда к русским заставила их забыть об этом – "и теперь сопряжены они родством: тыкиннского тойона сын имеет жену, дочь хуцновского тойона". Враждебность хуцновцев подогревалась ещё и тем, что племянник их вождя просидел некоторое время в окопах в русской крепости, будучи взят под стражу за грабёж партовщиков-Алеутов. Теперь он жаждал мщения за пережитое унижение.

Непосредственно на Ситке недовольство тлинкитов было вызвано, помимо прочего, и рядом конкретных причин, воспоминания о которых сохранились в местных преданиях. Марк Джейкобс-мл., со слов своего деда Джорджа Льюиса-ст., прямого потомка вождя Катлиана, сообщает, что "неприятности начались тогда, когда тлинкитские женщины были взяты в жёны [русскими и Алеутами] без уплаты обычного выкупа. Тлинкиты, будучи сами владельцами рабов, не позволяли обращаться с собой, как с Алеутами, которых русские имели в подчинении. Алеуты фактически были рабами [разумеется, с точки зрения тлинкитов - Авт.], которых русские использовали для снабжения своего поселения дровами. В возмещение за захват женщин, Алеуты помогали и тлинкитам рубить и колоть дрова. Русские говорили по этому поводу, что тлинкиты были воры и слишком ленивы, чтобы самим искать и рубить себе дрова. Напряжение возрастало и из-за того, что индейцы, имевшие мушкеты, не могли купить себе порох. В нескольких случаях русский караул укрепления подвергался нападениям из-за их мушкетов и пороха. Это, несомненно, могло стать причиной смерти индейцев. А индейский закон требовал за то смерти личности равного возраста и социального статуса." 53

Любопытно отметить, что к тлинкитской традиции достаточно близки и данные некоторых русских источников. Так лейтенант Г. И. Давыдов писал, что "обхождение Русских в Ситке не могло подать Колюжам доброго о них мнения, ибо промышленные начали отнимать у них девок и делать им другие оскорбления. Соседственные Колюжи укоряли Ситкинских в том, что они попускают малому числу Русских властвовать над собою, и что наконец сделаются их рабами. Они советовали истребить промышленных и обещали дать нужную для того помощь." 54

Непосредственным же поводом к началу активных враждебных действий послужило, согласно тлинкитской традиции, следующее происшествие. От случайного пищевого отравления умер человек из русской крепости. Неясно, был ли он по происхождению русским или Алеутом. Тлинкит Хеендеи (Heendei) из клана киксади попытался исцелить больного, чтобы заслужить славу знахаря. В ходе колдовских обрядов он раскрасил ему лицо охрой, но, совершая этот ритуал, не заметил, что человек тот уже мёртв. "Кто раскрасил лицо маленького старого человека?" – спросили русские должностные лица, проводя дознание. В крепости, судя по всему, вновь пошли слухи о колдовстве и наведении порчи колошенскими шаманами. В итоге, заподозренный в злом умысле Хеендеи вместо благодарности за попытку спасти умирающего, был взят под стражу. Издеваясь над ним, охранники якобы пытались накормить его мясом, отрезанным от бедра покойника, но знахарь был предупреждён о том своими духами и соблюдал в заточении строгий пост. Позднее знатный киксади Стунуку (Stoonookw), отпрыск чилкатских кагвантанов, поехал в Чилкат, где подвергся насмешкам и оскорблениям из-за

того, что безропотно стерпел арест русскими своего сородича Хеендеи. Взбешённый Стунуку вернулся на Ситку и стал готовить месть. 55

Несколько иначе излагается этот же сюжет в легенде, записанной Ф. Боасом. Согласно его версии, тлинкиты захватили одного из Алеутов, раскрасили ему лицо и отослали обратно в русскую крепость, совершив это ради насмешки над её начальником ("сыном Нанака", т. е. Баранова, якобы оставленного им во главе поселения). 56 Судя по всему, эпизод с раскрашиванием лица Алеута действительно имел место, но выяснить его подлинный смысл ныне вряд ли представляется возможным. Однако, в любом случае, повод к войне возник и открытое вооружённое столкновение стало неизбежным.

Подводя итоги, можно выделить три основные причины, вызвавшие "индейскую войну", вспыхнувшую в Русской Америке летом 1802 г.:

1. Хищнический промысел калана, ущемлявший экономические интересы индейцев, что побуждало тлинкитов защищать свои промысловые угодья.
2. Многочисленные "обиды и притеснения", чинимые тлинкитам служащими и работниками РАК, а также трагические недоразумения, неизбежно возникающие при контакте двух разных культур.
3. Подстрекательство англо-американских морских торговцев – конкурентов РАК.

Впервые это комплекс причин был выделен и систематизирован А. В. Гринёвым, который добавлял к ним ещё и стремление самих тлинкитских воинов продемонстрировать свою доблесть и захватить богатую добычу. 57 Главными из этих причин, несомненно, являются первые две. Англичане и американцы, постоянно соперничающие между собой, у которых также были далеко не блестящие отношения с индейцами, никогда не смогли бы сплотить различные куаны и кланы, раздираемые враждой и соперничеством, поднять их на борьбу против РАК. Они, скорее, сыграли здесь роль своеобразного катализатора, ускорившего развязку и обострившего ход русско-тлинкитских взаимоотношений. Преувеличивать значение этого фактора в ущерб двум другим до недавних пор было прочной традицией в русской и советской историографии, что повелось ещё со времён Российско-Американской компании. Правление её стремилось переложить всю вину за кровавые происшествия тех лет на своих опасных конкурентов. По сути же своей тогда на Северо-Западном побережье произошло столкновение двух разных систем хозяйствования, хищнического промысла РАК с торговыми и охотничьими интересами индейцев. Тлинкиты быстро увидели, "что на берегах их начинает селиться народ числом малолюдный, но сильный оружием своим; что народ сей принуждает их променивать им свои промыслы за безделицы, отгоняет их от тех мест, где водится много бобров, а часто и силою отнимает у них собственную их добычу." 58 Оценив свои силы и возможности, тлинкиты, по словам В. М. Головнина, решили, что вооружившись, они "могут противиться тому чужому народу и даже со временем вовсе истребить оный в своих землях."

Решение это было принято на великом совете вождей, который состоялся зимой 1802 г. в Хуцнуву-куане (о. Адмиралти).

4. Датировка событий 1802 г.

Важной и до сих пор нерешённой проблемой является вопрос о датировке событий 1802 г. Точная дата падения Михайловской крепости неизвестна, однако, благодаря имеющимся сведениям можно попытаться вычислить её путём сопоставления известных фактов и дат.

Абросим Плотников вспоминал, что нападение произошло "июня около 24 числа а которого совершенно не упомню в праздничный толко день." 59 Екатерина Лебедева вообще заявила, что ей не ведомо "какого месяца и числа" произошло разорение крепости. 60 Другой непосредственный участник событий, капитан Генри Барбер, утверждал, что русская крепость была захвачена индейцами в субботу 26 июня, а сам он узнал об этом 28 июня; американские капитаны прибыли на Ситку, по его словам, 9 июля; покинул Ситку Барбер 22 июля, а на Кадык прибыл спустя 12 дней, то есть 4 августа (все даты, в отличие от русских источников, даются Барбером по грегорианскому календарю). 61

При таком разном в показаниях очевидцев неудивительно и разногласия среди исследователей. К. Т. Хлебников утверждал, что крепость погибла в "воскресный день 18 или 19 июня", подчёркивая при этом, что "колоши избрали праздничный день для нападения". 62 Американский биограф Баранова Гектор Шевиньи отнёс дату падения крепости на воскресенье 20 июня. 63 Датировка других исследователей основывается либо на показаниях Барбера, либо на сведениях К. Т. Хлебникова. А. В. Гринёв, предпринявший первую серьёзную попытку исследования этого вопроса, склонен считать датой гибели крепости 16 или 17 июня. 64

18 июня 1802 г. (по юлианскому календарю) была среда, а не воскресенье, и никакой праздник, согласно церковному календарю, на этот день не приходится. 65 Кроме того, К. Т. Хлебников утверждает, что Барбер доставил выреченных им пленников на Кадык уже 24 июня, 66 что при его датировке просто физически невозможно, поскольку судно Барбера появилось на Ситке спустя неделю после резни, да ещё и простояло здесь несколько дней, собирая пленников. Всё это никак не могло уложиться в срок с 18 до 24 июня, даже если и допустить фантастическое предположение, будто с Ситки до Кадыка Барбер добирался не более суток.

Плотников сообщает, что после гибели крепости он 8 дней скрывался в лесу, прежде чем его подобрала англичане. 67 Семь дней скитались в лесах остатки артели Батурина, разгромленной на другой день после разорения крепости. 68 Эта же артель, 10 июня отправившаяся к В. Кочесову за сивучьим мясом, пробыла в отъезде 7 дней и лишь по истечении этого срока, на обратном пути, промышленные узнали о "вчерашнем несчастье", 69 а 19 июня Е. Кочергин уже видел на месте крепости дымящиеся развалины. Его артель потеряла тогда одну байдарку, а Лебедева в своих показаниях упоминает, что "следующую от партии Кускова под Ситку к Медведникову с письмами байдарку" колоши перехватили "дня через три" после разорения крепости. 70

Таким образом, если отнять три дня от 19 июня, или же прибавить 7 дней к 10 июня, отняв затем один день ("вчерашнее несчастье"), то в обоих случаях получается дата 16 июня. Если же теперь к этому числу прибавить 8 дней, проведённых Плотниковым в лесу, или же прибавить 7 дней к 17 июня (столько времени провёл в лесах Батурин), то в результате получится пресловутое 24 июня – день, в который Барбер якобы прибыл на Кадык, день, который так запал в память А. Плотникову. Теперь-то неудивительно, что он так запомнил это число – то был день спасения его от неминуемой смерти. Хлебников же, видимо, просто спутал даты прибытия Барбера на Ситку и на Кадык, что также вполне объяснимо, учитывая условия, в которых Кирил Тимофеевич писал своё "Жизнеописание А. А. Баранова". 71 Кроме того, 16 июня старого стиля – действительно праздничный, хотя и не воскресный, день. На это число приходится праздник весьма почитаемого в России св. Тихона Амафунтского.

Относительно датировки Г. Барбера следует отметить, что при ознакомлении с его бумагами (см. Приложение III) создаётся впечатление, что свой бортовой журнал он заполнял задним числом, не совсем твёрдо помня даты событий, или же намеренно искажал часть из них. В первую очередь это касается дат 26 и 28 июня (13 и 15 июня по старому стилю). Прочие приводимые им числа гораздо лучше соотносятся с данными русских источников: прибытие американских капитанов 9 июля (26 июня), отбытие с Ситки 22 (9) июля, прибытие на Кадык спустя 12

дней 4 августа (22 июля). Вероятно, Барберу труднее было лгать при наличии двух свидетелей, которые могли бы оспорить его утверждения, потому совпадение его датировок с русскими начинается только после появления американцев в Ситкинской бухте (см. Приложение III).

Таким образом, крепость Св. Архистратига Михаила (Михайловская, Ново-Архангельская или просто Ситхинская) была захвачена тлинкитами, скорее всего, 16 июня 1802 г., в понедельник, в день Св. Тихона Амафунтского. Исходя из этого можно попытаться восстановить и всю хронологию событий весны-лета 1802 г. (см. Приложение II).

5. Вооружённое выступление тлинкитов и военные действия весны-лета 1802 г.

На великий совет вождей, который состоялся зимой 1802 г. в Хуцнуву-куане (о. Адмиралти), съехались представители целого ряда куанов: акойские тойоны Осип ('АwсА') из текуеди и Честныга (Djisiŋiya) из тлукнахади, 72 ситкинский Скаутлелт со своим племянником Катлианом, тойоны из Кэйка, Кую, Стикина, Таку и даже "народы особого разговора" – тыкиннцы (Хайда-Кайгани с о. Принца Уэльского?) и чучкан (.cu.sxan, т. е. цимшиан, имевшие тесные связи с рядом тлинкитских кланов 73). Отсутствовали лишь представители "какнауцкого и чилхатского жил". "Тыкиннские" тойоны Канягит и Кустастенс главенствовали на собрании. На их острове стараниями европейских дезертиров была уже выстроена крепостца, они были превосходно вооружены и по окончании совещания раздали его участникам "множество пороха, свинца и прочих снарядов, и сколько-то больших пушек." 74

Стоит особо отметить, что в это время в Хуцнуву зимовало американское судно "Глобус" под командованием Уильяма Каннингема. В октябре 1801 г. оно подверглось нападению индейцев-Хайда в маленькой бухте близ Скидегата (о-ва Королевы Шарлотты), когда погибли два матроса и капитан Бернард Мэджи. Каннингем, как старший помощник, принял на себя командование судном и привёл его на зимовку в Хуцнов. 75 И. А. Кусков сообщал, со слов своих индейских информаторов, что именно начальник "зимовавшего на хуцновском жиле американского судна" заявлял тлинкитам, что американцы "больше ходить судами к ним не будут, не имея на промен довольного количества бобров, и, сказав прямо, ежели они не истребят Ново-Архангельской нашей под Ситкой крепости и партии, да и сами они колюжские обитатели через то лишаются своих выгод." 76 Отсюда логически вытекает, что Каннингем либо участвовал в совете вождей, либо имел к нему достаточно тесное отношение, а слова его имели вес для собравшихся тойонов. Также необходимо отметить и то, что в июне 1802 г. "Глобус" будет находиться среди тех трёх иностранных судов, которые войдут в Ситкинский залив вскоре после гибели русской крепости и, более того, он будет занимать среди них главенствующее положение: именно на его борту будет заседать "военный совет" трёх капитанов, обсуждающий сложившуюся ситуацию. Из всех трёх кораблей только "Глобус" никогда впредь не посещал селений РАК ни на Ситке, ни на Кадьяке. Учитывая все эти обстоятельства, можно сделать вывод, что именно на Уильяме Каннингеме лежит та доля ответственности за гибель Михайловской крепости, которую обычно возлагают на англичанина Генри Барбера.

Совет вождей постановил с наступлением весны собрать воинов в Ангуне и, выждав ухода с Ситки промысловой партии, напасть на крепость. Партию же намечалось подстеречь в Погибшем проливе "или в каком удобном месте облавить со всех сторон, разбить и потопить, а когда познают каким случаем об истреблении крепости... заманить в Ледяной пролив." 77 Партией должны были заняться воины Кэйка-Кую, ненавидевшие партовщиков за убийство своего вождя и его семьи. Акойцы Осип и Джиснийя получили задание разгромить Якутат, для чего их особо одарили "порохом и снарядами". Любопытно, что в ситкинской легенде инициаторами нападения выступают именно ситкинцы, а не "тыкиннцы", как в русских источниках. Вероятно, не все ситкинцы и даже не все киксади одобряли замысел нападения на Михайловскую крепость. 78 К числу их, видимо, относился и сам Скаутлелт. Его не устраивала перспектива вести боевые действия на территории своего куана, допускать туда чужих, недавно ещё враждебных воинов (тех же хуцновских дешитан), а в случае неудачи – навлечь на себя гнев и мщение Баранова. Спустя несколько лет, в 1818 г., его племянник Катлиан говорил капитану В. М. Головнину, будто дядя принудил его к походу на русских. 79 Однако если сравнить поведение обоих вождей за период 1799-1804 гг., то станет ясно, что скорее племянник толкал дядю к войне, а не наоборот. Кроме того, чтобы преодолеть колебания Скаутлелта, совет вождей недвусмысленно постановил: "ежели и ситхинские колюжские обитатели не будут в том нападении участвовать, и тех истребить." 80 Правда, поскольку в легендах именно ситка-киксади выступают инициаторами нападения, то можно предположить, что угроза эта относилась не к ним, а к тем из ситкинцев, кто будет противодействовать общим военным усилиям. Так или иначе, но Скаутлелт присоединился к решению совета.

Однако, уже спустя несколько недель после хуцновского совещания толмачки Михайловской крепости индеанки Дарья и Анюшка стали приносить русским тревожные слухи. В. Г. Медведников, которого А. А. Баранов оставил

начальствовать на Ситке, был "человек испытанной верности, смелый и храбрый", но, судя по всему, слишком самонадеянный и недалёковидный. На сообщения переводчиц он не обращал внимания, считая их, похоже, просто бабьими сплетнями. Не обращал он внимания и на Алеутов, упорно повторявших те же слухи и ссылающихся при этом на "тойона Михайлу". 81 Вполне равнодушно, "почитая за ничто", отнёсся Медведников и к предостережениям самого Михайлы-Скаутлелта. Их он выслушал столь же пренебрежительно, как и ходившие среди туземцев суеверные слухи о грядущих бедах, которые предвещали две белые лисы, пойманные в тот год на Аляске и в Кенаях. 82 Видя беспечность и слепоту русского начальника, старый вождь отступился и окончательно примкнул к воинственным приверженцам своего племянника. Впрочем, не стоит и преувеличивать альтруизма Скаутлелта. Исходя из традиционной индейской практики открывать военные действия лишь спустя несколько месяцев после формального объявления войны, действия тойона можно истолковать и как всего лишь официальное уведомление противника о разрыве с ним дружеских отношений. Тлинкиты, через своего вождя, открыто заявили о своих намерениях, дав противнику возможность изготавиться к войне, однако их обычная неспешность усыпила бдительность русских. Участь Михайловской крепости была решена...

Было начало мая 1802 г. Промысловая партия из 900 туземных охотников и более десятка русских промышленных во главе с известным сподвижником Баранова Иваном Александровичем Кусковым вышла из Якутатского залива. К 19 мая она достигла "дальнего акойского жила" в устье реки Алцех (Алсек). Индейское селение выглядело необычайно многолюдным и оживлённым. Опытный глаз Кускова быстро обнаружил здесь не только самих акойцев, но и чужаков из других куанов. Немало было здесь славящихся своей воинственностью кагвантанов. Русские всегда с подозрением относились к подобного рода сборищам и Кускова не могло не встревожить зрелище всех этих "съехавшихся из Ледяного пролива какнауцкого, каукатанского и с Якобиева острова разных жил и каких-то какантанов, по разным местам обитающих... как и самих акойских немалочисленно." 83 Индейцы явно дожидались прихода партии. Промысленных встретили холодно, с откровенной враждебностью. Впрочем, Кусков и не собирался задерживаться на Алсеке – лишь ненастная погода помешала ему покинуть селение уже на следующий день, поскольку необходимо было просушить добытые меха и снаряжение. Из-за этого И. А. Кускову пришлось даже пойти на нарушение недвусмысленной инструкции А. А. Баранова, данной ему перед выходом на промысел. Согласно полученному распоряжению, партии следовало проходить мимо индейских селений либо рано утром, либо в вечерних сумерках, чтобы лишний раз не раздражать тлинкитов. 84

Собравшиеся в Акое тлинкитские вожди воспользовались задержкой партии, явились в палатку к Ивану Александровичу и стали "с грубыми и дерзкими выражениями" высказывать ему своё недовольство поступками промышленных. Они утверждали, что тлинкиты ежегодно терпят всяческие обиды, что партовщики грабят захоронения, совершают насилия и убийства, истребляют морского зверя, отчего индейцы "ощущают великие недостатки в одежде и прочих нужных для них вещах, что они получают на вымен от европейцев." 85 Кусков пытался оправдаться, успокаивал разгневанных вождей подарками и табаком, искусно скрывая свои досаду и огорчение, чтобы не "потерять лицо" перед колошами. Но тойоны упорно не желали идти на примирение.

Вслед за словами скоро последовали и дела. Индейцы начали похищать и даже отнимать силой у партовщиков их имущество и промысловые орудия, за что им пока "ничего, кроме выговоров не последовало". Вечером 22 мая они "почти безвинно" избили ружейными прикладами одного чугача, а у другого промышленного отбили флягу с 10 фунтами пороха. Кусков велел своим людям съехать с наиболее опасного места на опушке леса, но индейцы опередили его, угнав часть байдарок. Вместе с байдарками в руки индейцев попал мальчик-чугач, которого они безжалостно убили. Укрывшись в лесу, они обстреляли подоспевших русских. В ответ промышленные захватили в заложники двух тлинкитских старшин. 86

Быстро стемнело. Хлынул проливной дождь. Но, несмотря на такую "сильную погоду", к Кускову явился "какнауцкого жила один из почётных обитателей", который просил отпустить пленников, обещая наутро вернуть байдарки и наказать зачинщиков ссоры. Не желая ещё более обострять отношений с индейцами, И. А. Кусков распорядился освободить заложников.

Но утром 23 мая он напрасно ожидал возвращения угнанных байдарок. Вместо того к лагерю подступила толпа враждебно настроенных индейцев, вооружённых "обыкновенными ружьями, мушкетантами и копьями на длинных ратовях". Навстречу им выслали толмачей Нечаева и Курбатова, которые должны были потребовать соблюдения условий вчерашнего соглашения. Но предводители тлинкитов их речи "с презрением слушали и отвечали с большою дерзостью". Они вновь повторили толмачам всё то, что уже слышал от них в своей палатке Кусков. Видя, к чему идёт дело, промышленные поспешили изготавиться к бою. Имеющие огнестрельное оружие стали в середину, а на флангах разместили чугачей с копьями. Затем тлинкитам передали, что промышленные желают "продолжать и утверждать мирные и дружественные положения, а в противном случае защищаться... готовы." На это индейцы по-прежнему отвечали лишь "дерзостью и презрение". Среди их предводителей русские заметили немало знакомых лиц: то были тойоны, жившие ранее в аманатах на Кадьяке, а один из них, акоец Павел, был даже крещён. В целом же среди нападавших "главное брал преимущество урождённый хуцновского жила и обитающий по разным жилам... по имени Честныя," 87 – известный тойон Джиснийя, глава акойских тлукнахди, будущий строитель Дома Лягушки в селении Куцех. Это был человек весьма ловкий, способный обернуть в свою пользу любую ситуацию, а знание русского языка позволяло ему служить толмачом при переговорах индейцев с промышленными. 88

Толмачи едва успели добежать до рядов своих товарищей, как вослед им уже полетели пули. Тлинкиты храбро атаковали партию, открыв сильнейший ружейный огонь, а с одного крыла даже бросились врукопашную, действуя своими длинными копьями. Однако тут их ждал достойный отпор. Отбитые с уроном, индейцы бежали – отчасти притворно, надеясь завлечь своих врагов в засаду у холма, "где и главная их артиллерия была сокрыта". В какой-то мере им это удалось: увлёкшиеся преследованием партовщики действительно попали под ураганный огонь "из множества ружей и мушкетантов", в беспорядке бежав обратно в лагерь. При этом они потеряли убитыми одного кадьяка, а ранеными – четырёх человек. Один из раненых, кагуляцкий тойон Гаврила, умер от ран уже в Якутате. Тлинкиты же потеряли в схватке 10 храбрейших воинов, среди которых был по крайней мере один вождь – "тойон каукатанского жила"; немало среди них было и раненых. Погибшие, по индейскому обычаю, тут же были сожжены и осаждённые стали невольными свидетелями торжественной тризны. 89

Партия И. А. Кускова оказалась в весьма затруднительном положении. С одной стороны к стоянке подступал густой лес, а с другой – крутые холмы. Индейцы могли расстреливать промышленных в упор, сами оставаясь невидимыми и недосягаемыми для ответных залпов. К тому же во всей партии оставалось не более 250 патронов, а у неприятеля боеприпасы имелись в изобилии. Поэтому Кусков решил на оставшихся байдарках переехать на другую сторону залива ("на Риф к морской стороне") и укрепиться там на более пригодном к обороне месте.

Пока одни готовились к отъезду и грузили байдарки, другие, "стоя в линии", с оружием в руках прикрывали их на случай внезапного повторного нападения тлинкитов. Вдруг страх перед свирепыми колошами, издавна владевший чугачами и кадьяками, перерос в открытую панику, охватившую большую часть партии. Вначале кадьякцы катмайской артели, а затем и прочие туземные партовщики стали покидать свои места в линии, бросать стрелки и, оставляя компанейское имущество на произвол судьбы, садиться в байдарки и поспешно отплывать прочь, несмотря на все просьбы и угрозы русских. Видя такое замешательство, индейцы изготавились к новой атаке. Пришлось и русским, бросив палатку и иное компанейское добро, как можно скорее последовать за своими нестойкими союзниками. Вокруг уже свистели тлинкитские пули и уже "прострелены были на многих платья, шляпы и байдарки." Одна байдарка в спешке опрокинулась, но товарищи помогли сидевшим в ней Голоушину и Торобкову добраться до берега. Залив партия пересекла без потерь.

Достигнув противоположного берега, промышленные наскоро укрепились за поваленными деревьями и земляной насыпью. Тлинкиты преследовали их по пятам и, пользуясь отливом, с ходу атаковали новый лагерь партовщиков, высадившись на "обсыхающий в Рифу песок". Но тут-то и проявились все преимущества новой позиции Кускова: обстреливая партовщиков, индейцы вынуждены были поднимать ружья почти вертикально и пули их свистели поверх голов осаждённых, практически не причиняя им вреда. Перестрелка оказалась неудачной для тлинкитов и они вскоре отступили.

Ненастная погода задержала партию на новом месте до самого конца месяца. Но уже 25 мая тлинкиты, видя полную неудачу своих воинственных планов, прислали к И. А. Кускову для переговоров тойона Павла Родионова. Осторожный вождь опасался выйти на берег из своего каноэ, но упорно заверял русских в своих мирных намерениях. Тлинкиты пошли на уступки, вернули часть захваченных в брошенном лагере вещей, дали аманатов: "каукатанского жила тойонского сына, и он же племянник какнаутскому тойону из рода кокантанов, и другого какнаутского жила почётного обитателя сына." 90 Взамен Иван Александрович тоже оставил индейцам двух заложников-кадьякцев. Одним из них был вначале назначен шашкацкий тойон Еремей, крестник промышленного Кочергина, но по болезни его вернули, заменив добровольцем с о. Афогнак.

Замирившись с индейцами, Кусков вернулся на время в Якутат. Оставив там больных и раненых, через три недели он вновь вышел на промысел. 15 июня из-за непогоды партия остановилась "на мысе Ледяного пролива". Здесь находился временный промысловый лагерь нескольких индейских семей из "какнаутского и каукатанского жил". В беседах с Кусковым индейцы расспрашивали его о судьбе каукатанского тойона, погибшего в бою с его партовщиками. Однако Иван Александрович "отозвался незнанием", так и не поняв, известно или нет его собеседникам о событиях в устье Алсека. Но его всё же немало встревожили "хитрые их разговоры", а также сообщение, будто в Ледяной пролив они удалились из-за некоего странного видения, открывшегося их старому шаману. Осторожно расспрашивая старика, И. А. Кусков узнал, что в Ледяном проливе в бухте Сия собралось много "народа из разных жил, в числе коих и хуцновских до 10 байдарок больших с народом и ситхинских две", и что все эти люди желают, якобы, торговать с русскими. Хорошо знакомый с обычаями индейцев, бывалый и опытный Иван Кусков рассудил, что "хуцновские редко отлучаются от своего жила" и вряд ли они в таком большом количестве отправятся к северным проливам только ради сомнительного торга с промысловой партией. Сопоставив свои наблюдения с недомолвками старого тлинкита, Кусков пришёл к выводу, что в бухте Сия собрался, скорее всего, большой военный отряд. Но против кого? Поскольку после столкновения на Алсеке было возможно всё, что угодно, то Кусков решает немедленно предостеречь Медведникова и его людей в Михайловской крепости.

С этими тревожными вестями на Ситку было послано шесть байдарок во главе с шашкацким тойоном Еремеем Кочергиным. Расставшись с основной партией 17 июня, посланцы Кускова вошли в Якобиевский пролив. Тут им повстречался "один благодетельный какой-то колюжский обитатель", который намёками посоветовал артели не приближаться к крепости засветло. "Взяв сие на замечание", партовщики к рассвету 19 июня подошли к Гаванскому мысу, откуда открывался вид на крепость. Несмотря на сумерки и предрассветный туман, они с ужасом увидели, "что строение превращено в пепел и остаток курящегося дыма" стелется ещё над остывающим пожарищем. Дымящееся пепелище было усеяно обезображенными трупами. Кочергин один в байдарке отправился на разведку и осмотрел берега бухты в поисках уцелевших. Он увидел "на месте крепости нашей бывшей множество народа", а с одной из разъезжавших по заливу лодок "кричали по колюжски, что русские живы, вызывались показаться." Окрестности весь день оглашались ружейной и пушечной пальбой. Дождавшись ночи, Кочергин поспешил убраться прочь из этого опасного места, но одна из его шести байдарок – на ней был крещёный чугач Галактионов нукомюцкого жила с женой и малолетним сыном – бесследно исчезла, а с места, где она укрывалась, по промышленным вдруг грянул ружейный залп. Чуть позже к Гаванскому мысу забрела заблудившаяся байдарка катмайской артели, отбившаяся от партии Кускова. Катмайцам повезло больше Кочергина: они подобрали толмача-кадьяка из алитацкой артели Ситхинской партии, спасшегося буквально чудом и рассказывавшего поразительные вещи...

В те дни никто в крепости Св. Архистратига Михаила не ожидал беды. С промысловой партией Ивана Урбанова (около 190 Алеутов) ушли Алексей Карпов, креол Афанасий Кочесов и один "англичанин" из числа нескольких американских матросов, поступивших на компанейскую службу. На Ситке осталось 26 русских, 4 или 6 "англичан" – служащих РАК, 20-30 кадьякцев и до 50 женщин и детей (см. Приложение I). 10 июня Лев Куниновский, Василий Зырянов, Алексей Евглевский и Алексей Батурин отправились к "дальному Сиучьему камню", где бил сивучей "стрелец" – креол Василий Кочесов, известный стрелок и охотник (он и его брат Афанасий были уроженцами Лисьевских островов, наполовину Алеутами). С ними же отплыли несколько кадьякских каюров, в том числе и толмач алитацкой артели, а также "трое англичан из оставшихся у нас с одного американского судна, бывшего под крепостью по весне." Прочие обитатели поселения продолжали беспечно заниматься своими

повседневными делами. Так было и в тот погожий летний день 16 июня 1802 г. – последний день существования Михайловской крепости.

С утра Дмитрий Изохтин и Прокопий Кузмичов отправились в байдарках удить рыбу; чуть позже отъехал стрелять нерп Тараданов, а многие женщины и дети разбрелись по лесным полянам собирать ягоды. "После обеда часу во втором" пошёл к речке "для осмотра телят" Абросим Плотников, который был "к смотрению тово определён", а Егор Рыбалов почти одновременно с ним отправился к рыбному запору. На караульной вышке часовым стоял Захар Лебедев. Его жена – Пиннуин из Чинияцкого селения на о. Кадьяк, названная в крещении Екатериной, – стояла близ лестницы, ведущей на второй этаж казармы, где находились покои "начальствующего" – В. Г. Медведникова. Сам же Василий Григорьевич только что спустился вниз и вошёл в распахнутые двери нижней казармы, оставив наверху артельного старосту Прохора Наквасина и с ним нескольких промышленных. За поварней возился с чем-то пушкарь Григорий Тумакаев, во дворе занимались своими делами Клохтин и Степан Мартынов. Большая часть мужчин находилась внутри казармы. Неторопливо прошла к скотной избе "служащая при скоте девка" с малолетним сыном на руках...

До полутора тысяч индейских воинов уже изготовились к битве. 91 Одни отряды подбирались к крепости лесом, другие же грузились в длинные боевые каноэ с высокими резными носами. Вожди ситкинских киксади Скаутлелт и Катлиан облачались в доспехи.

Возвращаясь с речки, Абросим Плотников вдруг с ужасом увидел "великое множество людей колюжских обитателей и кои уже обступили вокруг казарму, как внизу, так и наверху по перилам с ружьями и копьями и, стоящего на пригорке против хозяйских покоев тайона Михаила, повелевая теми." 92 Скаутлелт призывно закричал и по его команде из-за мыса вылетели боевые каноэ, наполненные воинами. Впоследствии Плотников утверждал, что всего там было 62 байдары, хотя вряд ли он имел тогда возможность их пересчитать. Гремела ружейная пальба, отовсюду несло свиное уханье – боевой клич воинов-киксади. Плотников метнулся к скотной избе, где хранил своё ружьё. Там он столкнулся с перепуганной девкой-скотницей, велел ей забирать ребёнка и бежать в лес, а сам заперся здесь, зарядив ружьё и приготовившись дорого продать свою жизнь. Четверо индейцев бросились к его убежищу, с трёх ударов вышибли дверь, не обратив внимания на торопливый выстрел Плотникова, а ворвавшись внутрь – схватили промышленного "за камзол и ружьё, почему и принуждён я, – вспоминал позднее он сам, – броситься в окошко, оставив камзол и ружьё у тех колош в руках убежал за крепость в лес и скрылся в дуплеватую лесину." 93 Двое индейцев погнались было за ним, но скоро потеряли из виду и, решив не тратить время на бесполезную погоню за одиноким беглецом в густом лесу, предпочли вернуться к крепости, где было больше вероятности отличиться и захватить богатую добычу.

...Нападение было внезапным и стремительным. Катерина Лебедева услышала вдруг тревожные крики, увидела, как бегут к казарме "все, кои были на улице русские и девки", а из-за поварни вдруг вывернулся Тумакаев, кричавший: "Пойдём в казарму, колоши идут с ружьями, видно неспроста!" Едва успели запереть двери, как индейцы хлынули из-за рогаток через северные ворота. "Они вдруг и во множестве, но тихо и без шума выступили из непроницаемой густоты леса, вооружённые копьями, ружьями и кинжалами. Лица их, по природе зверского вида, были испещрены красною и другими красками; всклокоченные волосы избиты перьями и осыпаны орлиным пухом; у некоторых были надеты грубые маски, изображающие фигуры хищных зверей с оскаленными зубами и других вымышленных чудовищных животных," 94 – так описывает К. Т. Хлебников нападение колошей. Мартынов и Клохтин, не успевшие укрыться в казарме, тотчас были убиты. Загремели первые выстрелы, пули ударили в закрытые наглухо ставни. Воины в расписных лосиных плащах, дощатых деревянных латах, резных шлемах и устрашающих масках заполонили всё вокруг. Они издавали "страшный рёв и шум в подражании тех зверей, коих личины на себе имели, с одной целию, чтобы вселить более страха и ужаса." 95 Тлинкиты обступили кругом казарму и "вдруг отбив у окон ставни начали беспрестанно из ружей в окна стрелять... и сенные двери в скором времени вышибли и у казармы на двери прорубя небольшую дыру в кою также из ружей стреляли." 96 Упал застреленный Иван Маланьин по прозвищу Кунгур (он был родом кунгурский крестьянин), ранены были Емельян Овдин, пушкарь Тумакаев и сам Медведников. В верхней казарме отчаянно отстреливались отрезанные от своих товарищей Прохор Наквасин, Никифор Чумляков, Михайло Пинуныров и Афанасий Шемелин. Убит, вероятно, к тому времени был и Захар Лебедев. Но, хотя русские "ис казармы сколько

могли... и отстреливались, но против толико множества вооружённого народа отстреляться не могли, вскоре у казармы и дверь вышибли в самое то время Тумакаев ис пушки во двери выстрелил, хотя тогда уже и был ранен." 97 Несколько индейцев рухнуло замертво, прочие отшатнулись, но закрепить этот небольшой успех осаждённым было нечем: пушечные заряды хранились на втором этаже, а внешняя лестница, по которой только и можно было попасть туда, была уже занята столпившимися на ней колошами. Чтобы добыть боеприпасы, Андрей Шанин принялся прорубать отверстие в потолке. Однако, едва он сумел сделать это, как в "дыру вдруг кинулся величайший огонь, а отколь тот огонь взялся, — говорит в растерянности Лебедева, — мне неизвестно, а думаю с начала нападения зажгли верхние покои, ибо слышно было во время первой стрельбы из ружей наверху какой-то шум." 98 Однако защитники нижней казармы — их оставалось 8 русских, "англичанин" и, возможно, несколько Алеутов, — упорно продолжали сопротивляться, несмотря на свои раны и нехватку боеприпасов. Тумакаев вновь изготавливал к действию свою пушку. Но пламя сделало своё дело. "Когда же усилился и в нижней казарме огонь, — вспоминала Лебедева, — тогда сколько нас девок было кинулись под казарму в подвал чтобы тут сохранится... русские ис казармы ис пушки выстрелили, тогда у подвалу на улицу и дверь вышибло ис коево принуждены были вытти на улицу, где нас колоши захватя разделя по себе утащили в свои байдары." 99 Из каноэ, куда бросили пленниц, Лебедевой хорошо была видна последняя сцена трагедии: "Когда чрезвычайно усилился огонь тогда русские бросались сверху на землю... коих колоши подхватывали на копья и кололи... видно толко было, что всех на улице кололи, строение жгли, имущество компанейское и промысел бобровый, как и нас... делили по себе." 100

Среди нападавших, по свидетельству очевидцев, особенной яростью отличался Катлиан. Он был "второе лицо при нападении и, будучи молод и смел, дышал личной ненавистью к Баранову и русским и везде первым бросался для примера другим." 101 На нём была боевая Шапка Ворона — шлем в виде вороньей головы, с огромным клювом и медными глазами, обшитый медвежьей шкурой. Вооружён вождь был кинжалом и кузнечным молотом — страшным оружием в его могучих руках. Согласно тлинкитским преданиям, Катлиан (K'aluaan) был третьим среди воинов, возглавивших атаку на крепость. Первыми легенда именует Стунуку, мстившего за оскорбление своего клана, и Дук'ваана. 102 Среди женщин, сопровождавших воинов в бой, находились две старухи — Сейку и Х'ваал'к (Seikw, X'waal'k), которые, согласно тлинкитской традиции, и подожгли осаждённую казарму. 103 Пламя охватило здание и находившиеся в нём люди были обречены.

В это же время Абросим Плотников, лёжа среди толстых корней огромного дерева, в жутком оцепенении смотрел, как горят казарма, новопостроенное судно, скотная изба, баня, поварня, алеутский кажим, стоявшая на отшибе вторая караульная будка и "прочее мелочное промышленных строение", а колоши с громкими криками таскают из горящих строений меха и компанейское добро, сбрасывают добычу наземь с балкона казармы и, подобрав сброшенное, относят в свои байдары. На глазах Плотникова один за другим гибли его товарищи, а он ничем не мог им помочь. Он видел, как "бросился Наквасин с верхних перил на землю и побежал было в лес, но... чем-нибудь из платья задел за лесину упал на землю, тут прибежали 4-ре человека колош, подняли ево на копьях унесли ближе к казарме отрезали ему голову... Кабанов выскочил было ис казармы на улицу коево также те колоши ударив копьями закололи... продолжалось же сие ужасное от варваров кровопролитие и огнедушущее пламя до вечера тово дня." 104

Начинало темнеть, когда Плотников осмелился покинуть своё укрытие и выйти на "жалосное пепелище". Среди дымящихся головешек валялись обезглавленные трупы (из всех убитых только Кабанову индейцы почему-то не отрезали головы), а пронзённые длинными копьями коровы почти ползали по земле, издавая жалобное мычание. Едва Плотников успел с немалыми усилиями вытащить у одной из них глубоко засевшие в боках древки, как его накрыли двое индейцев и, спасая свою жизнь, скотник со всех ног вновь бежал от них в ночной лес.

...Когда Алексей Батури́н и его спутники, забрав заготовленное В. Кочесовым мясо, готовились уже возвращаться назад, некий "приехавший в сильную погоду в бату ситхинский обитатель" сообщил им, что на крепость готовится нападение. Однако предостережению не придали значения и, проведя на Сиучьем Камне неделю, промышленные отправились в обратный путь. Уже достигнув Гаванского мыса (17 июня), они заметили какого-то человека, махавшего им с берега руками. Это оказался один из кадьякцев, "Килюдинского жила обитатель",

отставший по болезни от партии Урбанова и чудом избежавший гибели при захвате крепости тлинкитами. Едва он успел в двух словах сообщить им о "вчерашнем нещастии", как сзади, из-за гряды мелких островков вылетела стая боевых тлинкитских батов. Поднялась суматоха. Кочесов пересел в байдару под парусом и, выбрасывая по пути груз для облегчения лодки, пересёк Гаванскую бухту. Индейцы преследовали беглецов, осыпая их пулями. Наконец байдара ткнулась носом в берег у подножия крутого утёса и все, сидевшие в ней, бросились бежать, настигаемые тлинкитами, которые "безпрестанно по ним стреляли из ружей". Приложив отчаянные усилия, Батури и с ним пятеро Алеутов сумели взобраться по почти отвесному склону на вершину утёса и там рассыпались по лесу. Прочие, во главе с Кочесовым, прижатые к скале, яростно отстреливались. Схватка была неравной и вскоре в живых осталось лишь двое – израненные Василий Кочесов и Алексей Евглевский. Оба они были взяты в плен, но скоро позавидовали своим погибшим товарищам: торжествующие победители предали их пыткам.

Тлинкиты питали особую ненависть к Василию Кочесову, знаменитому охотнику, известному среди индейцев и русских, как непревзойдённо меткий стрелок. Тлинкиты называли его Гидак (Gidak), что происходит, вероятно, от тлинкитского имени Алеутов, чья кровь текла в жилах Кочесова – giyak-kwaap. Заполучив, наконец, ненавистного стрельца в свои руки, они постарались сделать его смерть, как и смерть его товарища, как можно более мучительной. По словам К. Т. Хлебникова, "варвары не вдруг, но повременно отрезывали у них нос, уши и другие члены их тела, набивали ими рот, и злобно насмехались над терзаниями страдальцев. Кочесов... не мог долго переносить боли и был счастлив прекращением жизни, но несчастный Еглевский более суток томился в ужаснейших мучениях." 105

Успевшие бежать были более удачливы. Алитацкий толмач скрывался в лесу ещё четыре дня, питаясь травой и кореньями. Он видел, как в залив вошло двухмачтовое судно, буксируемое двумя байдарками. Решив, что это пришла компанейская "Екатерина", он спустился к берегу и искал лодку, чтобы добраться до судна, но неудачно. Впустую ушло два дня. До слуха кадьякца доносилась пушечная пальба. Его подобрала катмайцы из Якутатской партии Кускова и 28 июня он уже беседовал с самим Иваном Александровичем. Алексей Батури же вместе с одним из Алеутов семь дней скитался по дебрям. Они тоже видели подошедшее судно, но были более удачливы – их подобрала присланная с корабля шлюпка. А килюдинский Алеут, пытавшийся предостеречь артель Батурина, в тот же день повстречал в лесу Абросима Плотникова и эта встреча также принесла ему удачу (о других уцелевших см. Приложение I).

Все беглецы, скитавшиеся по лесам Ситки, слышали ружейную стрельбу, а через неделю после гибели крепости берега острова вновь огласились и орудийными залпами. Слышал их и Абросим Плотников. Он скрывался в чаще всю неделю, однако каждой ночью посещал пепелище, где "оплакивал место и собратию свою". Вместе с ним в дебрях скрывались килюдинский Алеут и "девка Чинияцкого жила с маленьким своим грудным сыном". Леса Ситки в те дни были небезопасны. Уже наутро следующего после резни дня Плотникова пробудил ото сна "ружейный голк". По истреблении крепости тлинкиты "разъехались по разным местам, где только надеялись найти русских или кадьякцев и, перебив некоторых, немалое число взяли в плен, особенно женщин, которые тогда собирали ягоды на поле". 106 Тем не менее Плотников сумел дожить до того дня (24 июня), когда однажды в полдень до слуха его донёсся гром двух пушечных выстрелов. Первая его мысль, как и у всех прочих, была о компанейском судне "Екатерина". Но присмотревшись, Плотников понял, что в залив вошёл английский корабль. Взобравшись на утёс-кекур он стал звать на помощь. Индейцы, караулившие под берегом, погнались за ним. Трижды Плотников избегал преследования этих шести упорных воинов, выбежал, наконец, на отмель, продолжая взывать о спасении. Тлинкиты настигли его и тут, но вовремя подошёл "с тово судна елбот", в котором среди вооружённых матросов находился и сам шкипер – капитан брига "Единогор" (Unicorn) Генри Барбер, ветеран Северо-Западного побережья, оставшийся в памяти служащих РАК, как склонный к авантюрам "жадный корыстолюбец".

Индейцы отступились и промысленный был спасён. Он сбивчиво рассказал англичанам о своих "нешастных приключениях", просил спасти и своих спутников, укрывавшихся в лесу. Британцы отправились к берегу и вначале привезли на борт судна килюдинца с Алеуткой и ребёнком, а потом, с другой стороны бухты, доставили сюда Алексея Батурина. Обрадованный Плотников просил шкипера продолжить поиски уцелевших. Англичанин

согласился. Со своими матросами он посетил пепелище крепости, где обнаружил только обезображенные безголовые трупы и пять оплавленных медных пушек. Позднее капитан вспоминал, что он “нашёл здесь место полностью уничтоженное огнём, и обугленные тела примерно 20 человек, которые лежали, рассеянные среди руин, брошенные в добычу воронам и хищным зверям из лесов – самое ужасное зрелище, какое только может вынести человек”. 107

Через три дня к судну приблизилось два каноэ в которых среди воинов находились, по словам Плотникова, “кровожаждущий варвар ситхинский тайон Михайло с племянником”. У Катлиана, как отметил Барбер, бедро было пробито мушкетной пулей, “что, как казалось, причиняет ему весьма малые неприятности”. Скаутлелт и Катлиан напрямую спросили шкипера, нет ли на его судне русских, предложив ему выдать их. Вожди были готовы не торгуясь уплатить за них любую цену. Но капитан скрыл от тлинкитов спасённых им беглецов и “посредством ласковости” заманил обоих вождей на судно. Вместе с тойонами сюда явилась и “девка-колошка, коя прежде была при заселении во услугах у Кузмичева”. Плотников и Батурин просили англичанина задержать враждебных предводителей и добиться от них освобождения других пленников. Британец из своих видов согласился и “приказал задержать заковав тайона и племянника в ножны и ручны железа притом с таковым приказанием ежели не велит тайон представить сколько есть всех захваченных... людей... то не будет отпущен почему тот тайон и приказал оставшим в байдарах команде своей чтоб привести [пленных] и после того начали привозить наших служащих девок и бабры, но не вдруг, а по одной толко, напоследок начальник [Барбер] сказал тайону ежели всех сколько есть захваченных не привезёшь или тебя повешу (в страх коему уже и петля была приготовлена) либо увезу непременно на Кадьяк”. 108

В тот же день, 27 июня, в Ситкинскую бухту вошло ещё два судна – оба под флагом Соединённых Штатов. Судном “Тревога” (Alert) командовал Джон Эббетс (Абец в произношении Плотникова), знакомый русским по прежним своим посещениям Михайловской крепости. Другим судном был “Глобус” Уильяма Каннингема. Неизвестно, каковы были первоначальные планы Каннингема, но он вступил в соглашение с другими капитанами и принял деятельное участие в разработке плана совместных действий.

Индейские каноэ стаями сновали вокруг иностранных кораблей. Тлинкиты, прекрасно отличавшие русских от англичан, а британцев от американцев, не ожидали со стороны пришельцев никаких неприятностей и пытались затеять торг. Однако грянули пушечные залпы и картечь разметала ситкинские челны. Пироги были разбиты в щепы, а индейцев вылавливали из воды и брали в заложники. Угрожая им смертью, моряки требовали освобождения пленников и выдачи награбленных мехов. Индейцы отчаянно сопротивлялись, даже когда их поднимали на борт “Тревоги” и “Глобуса”. В схватке были ранены двое матросов Эббетса. Вождь, нанёсший эти раны, наотрез отказался спасти свою жизнь ценой выдачи пленников. 29 июня (11 июля по новому стилю) на борту “Глобуса” был собран военный совет, в состав которого вошли капитаны и старшие офицеры всех трёх судов. “Понимая, что публичный пример может не только оказать сдерживающее влияние на жестокую практику индейцев в будущем, но и может наиболее эффективно содействовать... освобождению пленных русских”, совет единодушно постановил казнить упрямого вождя. 109 Он был повешен на борту “Глобуса” вечером того же дня. “Его поставили на чурбак на баке с петлёй на шее. Выстрелила пушка и он повис на нок-рее, окутанный пороховым дымом”. 110 Эббетс позднее рассказывал В. М. Головнину, что тлинкиты уже привели было русских пленников на берег для обмена, но вождь закричал им, чтобы они “тотчас умертвили русских, что и было мгновенно исполнено, а его повесили!” 111 Уильям Стёрджис, рассказывая об этом случае, сообщает, что перед казнью индеец произнёс обличительную речь, упрекая своих судей в коварстве и неблагодарности, но, несмотря на всё его красноречие, “речь эта не возымела должного эффекта” (см. Приложение III).

Однако, несмотря на подобные инциденты, уцелевшие поселенцы мало-помалу всё же доставлялись на борт кораблей морских торговцев.

Екатерина Лебедева провела в рабстве у колошей около 15 дней. Надежд на избавление было немного. Дня через три после резни тлинкиты захватили байдарку из артели Еремея Кочергина, узнали о походе партии И. А. Кускова и выехали ей навстречу. Вернувшись через два дня, воины рассказывали, будто бы партия истреблена “кунаховскими народами” (очевидно, имелись в виду обитатели куана Хуна или, скорее, Аоя – их называли

гуна.ху., “среди чужаков,” подразумевая окружение из атапаскских племён), что сам Кусков убит, что хуцновцы уничтожили партию Урбанова, а потому пленницам остаётся только одно – верно служить победителям, не надеясь на освобождение. Однако Лебедева заметила “по тогдашнему их виду,” что возвратились из похода они “без удовольствия”. Затем в заливе показалось какое-то судно и колоши, полагая, что оно русское, принялись пленниц своих “с жила на жило перевозить и прятать по разным местам”. Наконец настал день, когда саму Лебедеву, сюклинскую чугачку Ульяну и ещё одну Алеутку посадили в байдару, уложили туда же 50 добытых при разорении крепости бобров и повезли к одному из стоявших в гавани судов – “на выкуп онова захваченного англичанами колоша”. По пути один из индейцев, сидевший напротив Лебедевой, “сказывал... тихонько, чтоб другие не слышали: напрасно вы верите, колоши врут и обманывают вас, что Кусков и вся его партия убиты, а только мы слышали, когда ездили к нему навстречу, Кусков и десять Алеут убито, а прочие все живы также и об Урбанове что убит не верте им, а наших колош кадьяцкая партия убила пять человек”. 112 Лебедева также тихо спросила у неожиданного доброжелателя, что он знает о Ситхинской партии: ушла ли она вперёд или вернулась назад. Но этого индеец не знал. Пленниц доставили на борт одного из американских судов. Поскольку захватившие их индейцы сорвали с них почти всю одежду, то капитан выдал полуодетым Алеуткам “по рубахе и суконному капоту”. Через два дня их перевезли на “Единорог” Генри Барбера.

От освобождённых Алеуток Абросим Плотников узнал, что где-то у колош находится в плену ещё один русский – Тараданов. Об этом он немедленно сообщил Барберу. В итоге вождей-аманатов не освобождали до тех пор, пока не был возвращён и этот последний русский пленник. Чтобы ускорить его выдачу Барбер даже перевёл 6 (18) июля своё брига на новое место, ближе к выходу из бухты, делая вид, будто собирается покинуть Ситку. Вместе с Тарадановым на судно было доставлено ещё 4 Алеутки и “множество бобров”. После этого русские стали требовать от Барбера, чтобы он всё же не отпускал Скаутлелла и Катлиана, но увёз бы их пленниками на Кадьяк. Однако британец предпочёл сдержать данное им слово. Тойоны, покинув судно, скрылись в дебрях Ситки, а Барбер, собрав на “Единороге” всех спасённых, 10 (22) июля взял курс на Кадьяк. Он был раздражён срывом выгодной торговли, ссорой со злопамятными тлинкитами, но намеревался с лихвой возместить все свои убытки за счёт РАК. Он вёз с собой 3 русских, 5 кадьякцев, 18 женщин-Алеуток и 6 детей. 113 Присвоив немало мехов из разорённой крепости, он рассчитывал получить ещё и награду за спасение пленников. Размеры этой награды Барбер намеревался установить сам...

Когда 22 июля (4 августа) “Единорог” бросил якорь в Павловской Гавани, шкипер, не выпуская спасённых поселенцев на берег, изготовил судно к бою и потребовал у А. А. Баранова 50 тыс. рублей в возмещение понесённого им ущерба. Он заявлял, что, хотя его страна и находится в неприязненных отношениях с Россией (новости из Европы медленно доходили до здешних мест), он, движимый одним лишь состраданием, прервал свои торговые операции и выкупил пленников. Но всё его красноречие не произвело должного впечатления на Александра Андреевича: англичанину было выплачено лишь 10 тыс. рублей “бобрами по низким ценам”. По другим сведениям Барбер требовал выкупа в 20 тыс. пиастров, но получил лишь мехов на 6 тыс. 114 Однако, тогда же у него было приобретено Компанией различных необходимых товаров на общую сумму в 27 тыс. рублей, а также несколько орудий и “до 50 отличных ружей с большим количеством снарядов”. 115 В целом у Барбера и Эббетса (который, вероятно, прибыл на Кадьяк позже Барбера и отдельно от него) было куплено товаров на 70 тыс. рублей. 116

Резнёй на Ситке не исчерпались несчастья 1802 года. Промысловая Ситхинская партия Ивана Урбанова (90 байдарок) была выслежена индейцами в проливе Фредерик и атакована в ночь с 19 на 20 июня. Затаившись в засадах, воины куана Кэйк-Кую ничем не выдавали своего присутствия и, как писал К. Т. Хлебников, “начальники партии не примечали ни неприятностей, ни повода к неудовольствиям... Но сия тишина и молчание были предвестниками жестокой грозы. Колоши, приготовленные, уже преследовали партию и, наблюдая движения оной, выжидали удобнейшего места и большей беспечности от утомлённых трудными переездами Алеут. Едва сии последние предались сладкому сну, как колоши во многолюдстве, но без шума, вышед из густого лесу, и во мраке ночи подойдя на близкое расстояние, быстро осмотрели стан, и потом с криком бросились на сонных; не дали им времени подумать о защите, и почти на повал истребили их пулями и кинжалами. Весьма немногие избегли поражения бегством и скрылись в лесу; а все прочие остались жертвами на месте отдыха.

Начальник партии, Урбанов, был схвачен и взят под стражу; но с помощью Алеута, также схваченного, успел вырваться, убежать и скрыться в лесу. Совершив убийство, колоши выбрали из байдарок все бобровые шкуры, собрали всё имущество Алеут и переносили оные на баты, которые приехали туда на призывный крик из окрестностей, потом изрезали и переломали все байдарки. Они не имели сопротивления и ни один из них не лишился жизни; но, обогатясь добычей, разъехались с радостными криками по жильям. Урбанов, соединяясь в лесу с 7 Алеутами, на другую ночь с осторожностью подошли на место поражения и, оплавав горькую свою участь, отыскиали две байдарки, менее других повреждённые, исправили оные наскоро, и пустились к Ситхе в продолжение ночей, а днём скрывались в дремучих лесах. На месте селения... они нашли дымящиеся остатки строения и, не останавливаясь продолжали свой путь с возможной осторожностью до Якутата, куда и достигли 3 августа [21 июля по старому стилю]. Через три дня после их приезда, явились туда же 15 Алеут, спасшихся бегством из той же партии". 117 В резне погибло 165 кадьякцев и это было не менее тяжёлым ударом по русской колонизации, чем уничтожение Михайловской крепости.

Под угрозой оказался и сам Якутат, где находили себе убежище уцелевшие партовщики. Исполняя решение зимнего совета вождей, сюда "во многолюдстве" прибыли акойцы – под предлогом закупки "сакового жира". Уже была намечена ночь для нападения, однако, накануне в Якутат вернулась партия И. А. Кускова и замысел тлинкитов сорвался. Сам Кусков, возвращаясь на базу, имел сильные подозрения: "сохранилась ли и сия крепость?" Поэтому он приблизился к берегу ночью, соблюдая все меры предосторожности. Лишь убедившись воочию, что поселение невредимо, он решился высадиться на сушу. Видя увеличение сил противника, тлинкиты разъехались по своим селениям. Но и это не могло успокоить напуганных поселенцев.

Страшные известия, привезённые Кусковым, вызвали в Якутате настоящую панику. Поселенцам мерещилось кровавое нашествие свирепых колошей из Ледяного пролива и даже вполне лояльный тойон Фёдор "казался сомнительным". Посельщики требовали, чтобы их немедленно вывезли отсюда и, "выходя из повиновения, готовили для следования лодку", намереваясь самовольно бежать из Якутата, бросив там большую часть компанейского имущества и даже "тяжёлую артиллерию". И. А. Кусков многократно заверял начальника поселенцев Н. И. Мухина в том, "что нет возможности снять заселение", готов был дать ему в подкрепление гарнизона двух русских и 20 кадьякцев – "половина из сих последних такие, кои в случае, не дай боже, ежели случится от народов и покушение и управлять ружьём умеют". 118 Но Николай Мухин не соглашался, твердя, что всех их ждёт тут неминуемая гибель и он не может рисковать жизнями вверенных ему людей. В конце концов Кусков сам решил остаться в Якутате со всей своей партией, а посельщиков уговорил подождать, пока не вернутся посланные на Ситку для спасения уцелевших 36 Алеутов на 12 байдарках во главе с якуталицким тойоном Николаем. Кроме того, он пригрозил, "сказав, что ежели они и далее будут самовольство [проявлять, то] приняты будут другие меры". 119

Лето 1802 г. стоило жизни более чем 200 русским, кадьякам, чугачам и Алеутам (см. Приложение I). Это был тяжелейший удар для Русской Америки, где в те годы вообще насчитывалось лишь около 350-450 человек русских. 120 Кроме того, РАК на несколько лет не только потеряла контроль над богатейшими промысловыми угодьями, но попросту лишилась доступа к ним, как лишилась она и важного опорного пункта. Продвижение русской колонизации в Америке резко затормозилось, сильно подорван был в глазах аборигенов русский престиж. 121

Сам А. А. Баранов с сокрушением отмечал в феврале 1803 г.: "Многие храбрейшие, деятельные и отважнейшие из собратий наших погибли от варваров на Америке в... Архангельской крепости и около лежащих местах, с немалым числом тут же пострадавших союзных и приверженных компании островных и прочих обитателей... пропало наличного бобрового роду с 2 700 мест [т. е. 2 700 шкур калана] и сверх того ещё заплатили за доставление вырученных из плена оставшихся от губительства наших собратий и прочих обоего пола людей 10 000 рублей англичанам". 122 Помимо этого, Александр Андреевич видел и более далеко идущие последствия случившегося, что и страшило его больше всего: "потеря под Ситкою заведения суть самая важнейшая часть... поелику в нынешние времена оттол только и приобретаемы были самые интересные выгоды в промыслах... Но более всего то, что... от сего несчастного с нами под Ситкою приключения... может быть и вовсе отечество лишится тех полезных мест, кои великими прибытками и выгодами не токмо компании, но и государству нашему

обнадеживают”. 123 Баранов опасался, что образовавшийся в стране тлинкитов после изгнания русских вакуум быстро и прочно заполнят американские торговцы, которые, “узнав о нашей неудаче и несчастье”, поспешат занять место РАК – “вселятся там по подобию нашему, но с сильнейшими напряжениями”. Страх перед этим и заставлял Баранова спешить с принятием ответных мер.

В отношении же того, чем были события лета 1802 г. для самих тлинкитов, можно почти безоговорочно согласиться с мнением А. В. Гринёва, отмечавшего, что тогда “почти все... куаны объединились для изгнания общего врага. Восстание 1802 г. сплотило индейцев на территории примерно 12 000 кв. км с населением не менее 10 000 человек. Это было, пожалуй, крупнейшее выступление аборигенов за всю историю Русской Америки.” 124 Несомненно, война с русскими не была делом только одного клана киксади, как то представляется ряду исследователей. 125 Против такого предположения свидетельствуют и размах столкновений, охвативших огромную территорию от Якутата до Кэйка, и пёстрый состав участников антирусской коалиции. Трудно выделить среди них какие-либо отдельные кланы (можно с уверенностью назвать киксади, кагвантан, акойских тлукнахади и текуеди), но зато можно перечислить те куаны, представители которых принимали участие в военных действиях – именно через их территории пролегал в 1804 г. путь военной экспедиции А. А. Баранова. Среди них – Якутат, Акой (Драй-бей), Хуна, Таку, Хуцнуву, Ситка, Кэйк-Кую, возможно Хенья и Стикин, а также союзные силы кайгани и даже цимшиан. Два последних племени имели с тлинкитами достаточно тесные родственные связи, а цимшиан даже рассматривали тлинкитов, как своих “младших сестёр.” Весьма вероятно участие в нападении на Михайловскую крепость воинов Чилката. Чилкатцы, как то видно из переписки А. А. Баранова, изначально занимали враждебную позицию в отношении русских; именно их насмешки побудили Стунуку к активным действиям и не случайно позднее именно в Чилкате оказался ряд пленных кадьякских партовщиков.

Вряд ли стоит характеризовать эти события, как “восстание”. Подобный термин предполагает собой факт подчинения тлинкитов русской власти, против которой они и восстали. Однако этого не было никогда даже на Ситке, где русское присутствие было наиболее ощутимо. Более уместным в данной ситуации было бы применение понятия “индейская война”, обычно употребляемого когда речь идёт о конфликтах между аборигенами и колонизаторами на территории США и Канады. В данном конфликте, как и в большинстве из них, не присутствуют господствующая и подчинённая стороны, последняя из которых могла бы организовать восстание. Обе враждующие стороны равны по своему статусу, признаваемому ими обеими. Тлинкиты выступили против русских не как против поработителей, стремящихся подчинить их своей власти, а скорее как против враждебного племени, вторгнувшегося в их охотничьи угодья. Сплотив на короткий срок несколько Куанов, Тлинкиты сумели нанести пришельцам жестокий удар. Оправиться от последствий этой катастрофы Компания смогла лишь к 1804 г.

Бриг "Екатерина" с вестями от И. А. Кускова прибыл из Якутата на Кадьях 5 сентября 1802 г. Полученные известия, по словам К. Т. Хлебникова, "не облегчили отчаянного положения Баранова, терзавшегося прежде неизвестностью о партиях, отправленных из Ситхи и Кадьяха; но при всём том он благодарил Бога и почитал особенным счастьем, что заселение в Якутате осталось в целости и помощник его Кусков с партией, не потерпев урона, возвратился, хотя безуспешно, но благополучно. О потере заселения в Ситхе Баранов чрезвычайно сокрушался... Постигая всю важность потери и трудность завладения вновь теми местами, он твёрдо решился опять приступить к сему при первой возможности, дабы поддержать народную славу в глазах торгующих иностранцев, сохранить доверенность к себе Правительства и Компании и распространя промыслы и торговлю, доставить оную выгоды и оказать новые услуги отечеству." 1

Сознавая, что произошедшая катастрофа может пагубно отразиться на репутации и престиже компании, а также подорвать дух её служащих, их уверенность в своих силах, А. А. Баранов обратился к ним со специальным воззванием. В обращении к промышленным от 15 февраля 1803 г. он призывал их "не явить себя слабыми и неблагодарными... чтобы при нынешних расстроенных компании здешней положениях отказаться поставить оную с новыми, большей частью неопытными людьми, чрез что может совершенно лишиться всех выгод, и поправить будет трудно, но соединить ревность и усердие ваше на славу и пользу государства, занять вновь под Ситкою в наступающем лете потерянные промысловые места." 2 Александр Андреевич и на деле был полон решимости начать ответные действия против тлинкитов уже летом 1803 г.

Но до того времени сохранялась вполне реальная опасность для Якутата – единственной теперь русской базы в стране тлинкитов. Сознавая всю серьёзность положения, А. А. Баранов возлагал все надежды на И. А. Кускова, которому в своём письме от 21 апреля 1803 г. дал подробные инструкции, как вести себя в случае военной угрозы. Эти инструкции весьма любопытны, поскольку очень хорошо раскрывают как особенности ведения войны в колониях, так уровень военных познаний и тактические способности самого Баранова. Он писал, что если в Якутате станет известно, что "далние народы от коих было на вас в минувшем лете нападение не отстают от прежней зломысленности", то Кускову следует разведать "где они собрались во многочисленности... или занимают приметные и тесные для проезда партии дифилейные места"; после этого ему предписывалось "зделать атаку со всеми рускими и партовщиками". Во время похода советовалось всех встречных туземцев "перехватывать брать под стражу и расспрашивать", а в бою – выстроиться шеренгами и "пальбу из ружей производить плутонгами и взводами попеременно". Особое внимание обращалось на захват боевых каное противника – они, по мнению Александра Андреевича, "и нам для будущих разъездов будут нужны". Для этой цели рекомендовалось произвести фальшивую атаку для отвлечения сил и внимания врага, а самим "в тот час скорым шагом ударить на то [место], где их отабарены байдары". Указывал Баранов и ещё на одну трудность, неизбежную в подобного рода войне, – необходимость бдительного контроля над собственным ополчением. Кусков должен был следить, чтобы партовщики в ходе сражения не рассыпались для грабежа и не "производили гнусное тиранство над пленными, ранеными или убитыми", чтобы тем самым они не "разстроили корпус соединенных сил." 3

С течением времени силы и возможности Баранова несколько возросли. Главное Правление РАК подчинило ему Уналашку и прочие свои американские владения, до сих пор управлявшиеся самостоятельными конторами. Вместе с этим Баранов получил звание Главного Правителя колоний. Он сумел преодолеть и недовольство промышленных, вызванное новой системой заключения контрактов, которая лишала их многих выгод и усиливала их зависимость от компании. Из Охотска и с Уналашки к нему прибыло пополнение: более 120 человек. Активно запасалось оружие. На одном из американских судов среди прочих товаров было куплено и две пушки. Тогда же, по сведениям П. А. Тихменева, американцы доставили на Кадьях вырученных ими из индейского плена нескольких Алеутов и одного русского. 4 Ю. Ф. Лисянский также отмечал, что подробности ситкинских событий известны ему со слов некоего русского промышленного, попавшего тогда в плен, но "потом нашедшего способ бежать." 5 Вероятно, в обоих случаях речь идёт об одном и том же человеке – креоле Афанасии Кочесове из партии Урбанова. 6 Неясно, правда, кто из американских капитанов доставил беглеца на Кадьях (возможно, это был Джон Эббетс).

В июне 1803 г. А. А. Баранов лично прибыл в Якутат на судне "Ольга". Он намеревался оттуда двинуться на Ситку, однако осуществление этого замысла было отложено по настоянию И. А. Кускова. Иван Александрович предусмотрительно заметил, что "по позднему времени байдарки могут от бурь погибнуть и неудачная Экспедиция только ободрит Колош." 7 Тогда, по указанию Баранова, было начато строительство двух новых небольших парусных судов для предстоящего похода – "Ростислава" и "Ермака". Для усиления гарнизона в Якутате на зимовку было оставлено около 100 русских промышленных и столько же туземных партовщиков и каюров. Однако, возвращаясь на Кадыак, Александр Андреевич всё же опасался за судьбу последнего оплота РАК в стране тлинкитов и вновь советовал Кускову в случае враждебности акойцев, беспокорных соседей Якутата, выслать против них отряд из 70 русских промышленных при 6 лёгких орудиях. 8

23 марта 1804 г. штурман Бубнов доставил А. А. Баранову известие о пожаловании его в чин коллежского советника. "Я награждён, а Ситка потеряна, – воскликнул тогда Александр Андреевич, – Нет! Я не могу жить! Иду – или умереть, или включить её в число земель Августейшего моего благодетеля!" 9 Однако нанести давно подготавливаемый ответный удар компания смогла лишь воспользовавшись поддержкой, оказанной ей первой русской кругосветной экспедицией И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (1803-1806 гг.).

13 июля 1804 г. 14-пушечный шлюп "Нева" под командованием капитан-лейтенанта Ю. Ф. Лисянского вошёл в Гавань Св. Павла на Кадыаке. 10 Усталые моряки радовались окончанию долгого и трудного плавания, но их надежды на отдых не оправдались. На Кадыаке Лисянского ожидало письмо Баранова, в котором Главный Правитель просил помощи в организованном им походе против индейцев. Капитан не мог отказать ему в этом.

2 апреля 1804 г. с Кадыака выступила партия в 300 байдарок 11 во главе с Т. С. Демьяненковым. Через два дня за ней последовал и сам Баранов на шебеке "Ольга" в сопровождении судов "Екатерина" и "Александр Невский". 25 мая он прибыл в Якутат, где его ожидал И. А. Кусков с новопостроенными "Ермаком" и "Ростиславом". По пути партия, вероятно увеличилась за счёт присоединившихся чугачей. Отправив первые два судна прямо на Ситку, а "Ростислав" выделив для прикрытия промысла, Баранов покинул Якутат на "Ермаке" 25 августа и на следующий день присоединился к партии в Ледяном проливе (пр. Кросс). 12

В общей сложности силы Главного Правителя насчитывали в своём составе 120 русских промышленных и около 900 "жителей кадыакских, аляскинских, кенайских и чугатских," под предводительством 38 тойонов (400 байдарок). Сюда вошли практически все северные враги тлинкитов. Их предводители были поставлены под строгий контроль со стороны РАК: Лисянский отмечал, что тойоны "во всём сносятся с русскими промышленниками." 13 Общее руководство туземным ополчением осуществляли И. А. Кусков и Т. С. Демьяненко. Поход должен был продемонстрировать тлинкитам всю мощь Российско-Американской компании. На вооружении большинства партовщиков, правда, оставались их "длинные копья, стрелы и другие орудия, приготовляемые для промысла морских зверей", но в Якутате туземным союзникам было выдано "множество ружей" – вопреки обычной практике компании выдавать на партию в несколько сот человек лишь 40-50 единиц огнестрельного оружия. Компанейские суда, выстроенные Кусковым "без всяких мастеров", как отмечает Н. П. Резанов, 14 имели на вооружении по две 6-фунтовые пушки и по два 4-фунтовых картауна. Однако на них не было "ни пороха, ни такелажа столько, чтобы они могли исполнить своё предприятие с желаемым успехом." 15 Железные детали для новопостроенных "Ермака" и "Ростислава" были взяты с обветшавшей "Св. Ольги". Снасти с неё же были употреблены на такелаж новых судов, причём для большей прочности к пеньке тросов и канатов пришлось добавлять "древесные коренья и китовый ус." Позднее, осматривая их, Ю. Ф. Лисянский удивлялся, "как можно было отправить эти два перевозочных бота (так как судами назвать их нельзя) в столь худом состоянии против народа, который... употребил все зависящие от него меры для своей защиты и снабдил себя достаточным количеством огнестрельного оружия." 16 По пути от Кадыака до Ситки численность партии несколько сократилась из-за "простудных болезней": часть больных умерла, а часть была отослана обратно. На Ситку прибыло 800 человек на 350 байдарках.

К Ситке А. А. Баранов двигался кружным путём. Вначале он хотел обезопасить свой тыл перед решающей схваткой, а заодно устроить союзные "бунтовщикам" тлинкитские куаны. И это ему полностью удалось. Первыми капитулировали ближайшие к Якутату северные куаны Аку (Акой, Драй-Бей) и Хуна. Не дожидаясь

прихода русских они выслали к Баранову парламентёров. Особенно радел о мире дальновидный Джиснийя (Честныга). Помимо политических соображений, у него были для того и личные побуждения: сын вождя находился в русском плену. 17 Переговоры оказались удачны, а Джиснийя даже остался при экспедиции в качестве толмача – в равной степени, видимо, и в знак своего усердия, и в качестве залога мира. Первый успех в деле замирения колошей Баранов отметил небывалым зрелищем: старая, пришедшая в негодность и лишённая такелажа "Св. Ольга" была торжественно сожжена под пушечные и ружейные залпы на глазах поражённых индейцев. Судно это было "весьма ветхое, маленькое, одномачтовое и однопалубное", 18 однако сожжение его должно было весьма впечатлить тлинкитов и повысить в их глазах престиж Нанак – подобные широкие жесты были характерны для индейских потлачей.

После церемоний и празднеств по случаю примирения, "Ростислав", "Ермак" и флотилия байдарок вошли в Ледяной пролив, недаром носивший у русских промышленных это название: "Вдруг чрезвычайно густой туман скрыл от них берега при входе в пролив лежащие и стеною стоящие льды, – повествует К. Т. Хлебников, – даже нельзя было усмотреть с одного судна другое... усилилось течение с приливом моря и, быстротою оно Ермак увлечён во льды и носим вместе с ними между опаснейшими утёсами и скалами... ветер затих, паруса не служили, буксиры бессильны противодействовать стремлению прилива, а глубина не позволяла стать на якорь... В сём отчаянном положении начался отлив и их с таким же стремлением и по тем же опасностям повлекло обратно в проход... Между громадами стоячих льдов от течения происходили водовороты, в которых судно вертелось вместе с носящимися льдинами и... тут надлежало употребить всевозможные усилия, чтобы отталкиваться шестами и не быть раздавленными." 19 Ледяные горы нависали над судами и касались рей. Полдня ушло на борьбу со стихией и, наконец, потрёпанная флотилия выбралась из льдов, потеряв шлюпку с "Ермака" и румпель с "Ростислава", а в партии погибла в водоворотах трёхлучная байдарка. Вторую попытку пройти по страшному проливу Баранов предпринял лишь спустя три дня и в этом случае она увенчалась успехом.

Флотилия вошла в сердце страны тлинкитов и практически беспрепятственно двинулась по Проливам на юг. К. Т. Хлебников позднее писал, что "на пути до Бобровой бухты прошли Колошенские селения: Какнаут, Коуконтан, Акку, Таку, Цултана, Стахин, Кек и Кую. Партия Алеутов свободно промышляла бобров и набила всех сортов до 1 500. Жители в селении, завидя Русских, везде разбегались от страха, но сии селения проходили мимо, исключая двух последних, жителями коих была истреблена партия Урбанова, и потому в наказание за то сожжены все их строения." 20 Сам А. А. Баранов позднее писал об этом походе: "в последних Июля 21 [числах] пустились в Ледяные проливы, где бедствовали и блиски были к гибели, но промыслом Всевышняго спасены, с Августа начали разъезды по дальнейшим проливам даже до устья Бобровой продолжали, частью производили промысловую деятельность, а большою искали неприятелей, изгубивших в 1802-м году партию, но те укрывались; однако ж дали почувствовать [им] чрез истребление их укреплений и жителств огнём и раскасовкою заготовленных кормов." 22 Но главной целью похода оставалась Ситка.

"Нева" вошла в Ситкинский залив 19 августа 1804 г. Остров произвёл удручающее впечатление на российских моряков. "Со вступления нашего в залив, – пишет Ю. Ф. Лисянский, –... не было видно нигде не только ни одного человека, но даже ни малейшего знака, чтобы в этих местах было какое-либо жилище. Взорам нашим повсюду являлись леса, которыми покрыты все берега. Сколько мне не случалось встречать необитаемых мест, но они никоим образом не могут сравниться с этим своей дикостью и пустотой." 23 Обогнув мыс Эджкомб, "Нева" стала на якорь в Крестовской Гавани (совр. Кросс-Харбор). Лёгкий челнок с четырьмя индейцами приблизился было к ней, но две большие лодки, вышедшие из-за островов, спугнули его.

Это были компанейские байдары. Штурман В. П. Петров, командир "Александра Невского", поднялся на борт "Невы" и сообщил, что уже десять дней он со своим судном и бригам "Екатерина" стоит у берегов Ситки. От него же стало известно и то, что тлинкиты "собрались в одно место и решились всеми силами препятствовать русским возобновить свои поселения." 24 К вечеру ещё одно каноэ приблизилось к "Неве" и вооружённые огнестрельным оружием воины в боевой раскраске просили продать им ружей, предлагая за каждое по две шкуры калана. Лисянский, видимо, счёл такое внимание к своему судну подозрительным и, во избежание каких-либо неожиданностей, распорядился зарядить ночь половину своих 14 пушек ядрами, а половину картечью. Он явно опасался, что индейцы в каноэ были лазутчиками и ночью может произойти внезапное нападение на судно

– одно из тех, какими славилась обитатели Северо-Западного побережья. Однако эта ночь, как и все последующие, прошла спокойно.

Кроме "Невы" и компанейских судов в заливе находился ещё и американский бриг "О' Кейн" – "первоклассное судно тех дней" водоизмещением 280 тонн, собственность нью-йоркских купцов А. Виншипа, Б. Хоумера, Дж. Виншипа-мл. и пр. Оно покинуло Бостон в январе 1803 г. и это было его первое плавание. На борту брига, помимо капитана Джозефа О'Кейна, находился и один из судовладельцев – Джонатан Виншип-мл. 25 Американский капитан навестил Ю. Ф. Лисянского и заявил ему, что прибыл сюда полагая, будто индейцы производят здесь с русскими большой торг. Объяснение это не вполне удовлетворило Юрия Фёдоровича, продолжавшего настороженно относиться к присутствию в бухте судна морских торговцев. Тлинкиты же, обнаружив у своих берегов "О'Кейна", попытались и с ним завязать торговые отношения ради пополнения своих арсеналов. 26 августа к американскому бригу приблизился каное, в котором находились "молодой человек и два взрослых мальчика." Пока индейцы вели переговоры, на "Неву" с "Александра Невского" прибыл кадьякец, бежавший недавно из ситкинского плена. Он сообщил, что юноша в каное напоминает ему сына вождя Катлиана – предводителя враждебных тлинкитов. Лисянский тотчас велел изготовить вооружённый ял и, едва индейцы отошли от "О'Кейна", послал своих матросов в погоню за ними. Однако настичь этих юных храбрецов так и не удалось: "Трое упомянутых молодых людей гребли с таким проворством, что наш ял никак не мог их догнать: они не только не оробели от погони, но ещё с великой неустрашимостью ответствовали на ружейную стрельбу, производимую по ним с нашего яла." 26

Стычки с тлинкитами продолжались и в последующие дни. 31 августа большое боевое каное с 12 воинами, "из которых каждый был раскрашен и имел голову, убрannую пухом", прошло мимо "Невы" и обстреляло спускавшийся в тот момент на воду катер, пробив в нескольких местах его борта насквозь. Опасаясь, что нападению могут подвергнуться и две байдары русских рыболовов, Лисянский обстрелял каное из пушек, но без успеха. Русские байдары, правда, остались невредимы, зато тлинкиты атаковали баркас с "О'Кейна", на котором возвращался с берега на бриг его капитан. На выручку американцам Лисянский послал с "Невы" свой баркас, но и на этот раз настичь индейцев не удалось – "они успели перетащить лодку через отмель в другую небольшую губу, чего наш баркас был не в состоянии сделать." 27 8 сентября "О'Кейна" покинул негостеприимную Ситкинскую бухту.

Ожидая подхода Баранова с главными силами РАК, Ю. Ф. Лисянский сделал смотр уже находившимся на Ситке компанейским судам, оставшись при этом неудовлетворённым их качествами. Ради повышения их боевой мощи он передал на них с "Невы" по две пушки с боеприпасами. Ожидание тянулось томительно, угнетающе действовали вынужденная бездеятельность и "несносный климат" – вечно пасмурное небо, изо дня в день моросящий дождь. Ю. Ф. Лисянский, по собственному его признанию, даже начал сомневаться в том, жив ли Баранов.

Наконец, 19 сентября в пять часов пополудни было замечено приближающееся компанейское судно "Ермак", на котором и прибыл на Ситку главный правитель колоний. Александр Андреевич посетил "Неву" уже на следующий же день, сообщил о результатах своего похода и продемонстрировал трофеи – медные пластины-тинне и боевые доспехи, поразившие Лисянского своей толщиной. 23 сентября прибыл и передовой отряд промысловой партии – 60 байдарок, где среди туземцев находилось и 20 русских промышленных во главе с И. А. Кусковым. Они приветствовали "Неву" ружейным залпом, а с её борта им ответили пуском двух ракет.

Партовщики продолжали прибывать и в последующие дни. Уже 24 сентября берег Крестовской Гавани на протяжении 150 сажен был занят высаживающимися кадьяками. Для прикрытия их высадки на случай возможного внезапного налёта тлинкитов был выслан баркас, вооружённый 4 фальконетами. Вместе с байдарками в Ситкинский залив вошло и последнее компанейское судно – "Ростислав". Выросшее на пустынном берегу в мгновение ока бурлящее становище поразило Лисянского: "Требуется великий дар красноречия, чтобы надлежащим образом описать картину, представившуюся мне при выходе из шлюпки. Некоторые семейства успели уже построить шалаши, иные же ещё начали делать их, и байдарки ежеминутно приставали к берегу во множестве. Казалось, все окружающие нас места были в сильном движении. Иные люди развешивали свои вещи

для сушки, другие варили пищу, третьи разводили огонь, а остальные, утомясь от трудов, старались подкрепить силы свои сном." 28 Примитивные шалаши партовщиков ставились быстро и столь же быстро разбирались: "сперва кладётся байдарка на ребро, перед которой, отступя на 4- 5 футов, вколачиваются два шеста с поперечной жердью, с которой на байдарку кладутся вёсла, прикрепляемые с обоих концов. Последние обыкновенно прикрываются тюленьими кожами, а пол устилается травой и потом рогожами. Перед каждым таким жилищем разводится огонь." 29

Индейцы не могли упустить столь удобного случая, чтобы в общей неразберихе по прибытии партии не совершить нападения и тем с самого начала устроить противника и взять инициативу в свои руки. Нападение это лишнее раз продемонстрировало Лисянскому сколь легко на подъём это пёстрое ополчение, а также насколько сильно оно подвержено влиянию первого впечатления. Тлинкиты атаковали группу байдарок и, отбив одну из них, застрелили двоих "аляксинцев" – Эскимосов с полуострова Аляски. Убитым, на глазах державшихся в отдалении партовщиков, отрезали головы – "и тем навели прочим страх". Едва весть об этом достигла становища, как "вооружённые промышленники тотчас бросились на помощь, – пишет Ю. Ф. Лисянский, – а я со своей стороны послал десятивёсельный катер и ялик под командой лейтенанта Арбузова, так что в полчаса устье гавани покрылось гребными судами." 30 Однако индейцы исчезли сразу после того, как нанесли удар – погоня дошла до самого места бывшей Михайловской крепости и вернулась ни с чем.

По мере того, как партия собиралась в Крестовской гавани, её руководители высылали лазутчиков в расположение индейцев. "Наши американцы были столь смелы, что ночью по одиночке подъезжали к неприятельским жилищам", – сообщает Лисянский. Чтобы ободрить союзников и ещё крепче привязать их к русским, им открыли доступ на "Неву", а вождей даже принимали и угощали в капитанской каюте. 27 сентября, после очередного такого визита и накануне выступления в поход, чугачи устроили военную пляску: "Они были наряжены в самые лучшие уборы... головы были убраны перьями и пухом. Они пели песни, приближаясь к нам, и каждый держал весло, кроме самого тайона, который, имея на себе красный суконный плащ и круглую шляпу, выступал важно, несколько в стороне от своего войска... Пение своё сопровождали они телодвижениями, которые под конец превращались в иступлённые... музыка состояла из их голосов и старого жестяного изломанного котла." 31

После совещания, на котором Баранов и Лисянский "уговорились о мерах действия", 28 сентября флотилия покинула Крестовскую гавань и к вечеру того же дня приблизилась к покинутому жителями индейскому селению у подножия крутого утёса-кекура. Место это называлось среди тлинкитов Noow Tlein, Большая Крепость. Здесь было исконное поселение ситкинцев, здесь стоял родовой дом предводителя киксади Скаутлелта. Всю ночь с берега доносился гул голосов и "по частому уханью" русские заключили, что индейцы занимаются шаманством.

29 сентября партовщики высадились на берег. На случай возможной засады с борта судов дали оружейный залп по прибрежным зарослям. Едва развеялся пороховой дым, как на высоком мысу появилась фигура тлинкитского вождя. Тойон громко объявил о желании ситкинцев заключить мир. Но на предложение продолжить переговоры на борту судна он не согласился, памятуя, быть может, о коварстве Барбера. Промышленные высадились на берег и расположились в тлинкитских бараборах. На вершине кекура заложили новую крепость, будущую столицу Русской Америки – Ново-Архангельск.

Спустя некоторое время вдали показалась большая лодка. Это, как позднее выяснилось, возвращался из союзного Хуцнова новый верховный вождь киксади Катлиан. Он взял на себя организацию сопротивления и теперь вёз своим воинам немалый запас пороха для предстоящей битвы. Ещё не подозревая этого, Ю. Ф. Лисянский распорядился послать вдогонку колошенскому бату баркас с "Невы". Заметив погоню, Катлиан сошёл на берег и лесом добрался до своей крепости, а каноэ повело за собой русский баркас. Матросы под командованием лейтенанта П. П. Арбузова стреляли вслед ему из ружей и фальконета, но индейцы продолжали дружно грести, успевая при этом ещё и отстреливаться от наседавших преследователей. Но вот залп из фальконета угодил в мешки с порохом и тлинкитская байдара взлетела на воздух (согласно индейскому преданию, искру, воспламенившую порох, высекли сами гребцы) 32. Матросы выловили из воды шестерых индейцев. Все они были тяжко изранены. "Удивительно, каким образом могли они столь долго обороняться и в

то же самое время заниматься греблей, – записывает в бортовом журнале Лисянский, – У некоторых пленных было по пяти ран в ляжках от ружейных пуль." 33 Двое из пленников вскоре умерли, а прочих вывезли на Кадьяк. Баранов распорядился "разослать их по дальним артелям и употреблять в работы на равне с работниками из Алеут, и в случае озорничества штрафовать; однакож обувать и одевать." 34 Фактически эти воины превратились в каюров компании. Взрыв каное поразил воображение ситкинских киксади – уже в XX в. этнографами была записана поминальная песня, в которой родители оплакивали погибшего при этом сына. 35

Индейцы лишились крупной партии боеприпасов и вечером того же дня к Баранову снова вышел парламентёр. На слова тлинкита о мире Александр Андреевич отвечал через толмача: "Поскольку ситкинцы разорили нашу крепость и перебили многих невинных людей без всякой причины, то мы пришли наказать их. Если же они раскаиваются в своём преступлении и желают искренне мира, то прислали бы немедленно в крепость своих тайонов, которым объявлены будут условия... Мы, при всём справедливом нашем гневе, готовы снизить на их просьбу, и дело кончить без пролития крови." 36 Переговоры продолжались и на другой день, но ни к чему не привели. Невзирая на требования Баранова, вожди не явились – вчерашний парламентёр привёз с собой лишь одного аманата. "Приближаясь к крепости, они что-то пели весьма протяжно, а как только лодка подошла к берегу, то аманат бросился в воду плашмя спиною... Баранов подарил ему тарбоганью парку, ситкинцы же прислали нам в подарок бобра." 37 Дальше обмена мелкими подарками дело не пошло. В полдень к русскому лагерю приблизилось 30 вооружённых тлинкитов, но и на этот раз переговоры не дали результатов – индейцы не соглашались ни возвращать пленников, ни выдать требуемых Барановым двух надёжных аманатов. Дело быстро шло к кровавой развязке.

К полудню 1 октября все силы русских были подтянуты к индейской крепости. 38 Она представляла собой типичный образец тогдашнего фортификационного искусства тлинкитов: неправильный четырёхугольник, "большая сторона которого простиралась к морю на 35 сажен (65 м). Она состояла из толстых брёвен наподобие палисада, внизу были положены мачтовые деревья внутри в два, а снаружи в три ряда, между которыми стояли толстые брёвна длиной около 10 футов (3 м), наклонённые во внешнюю сторону. Вверху они связывались другими также толстыми брёвнами, а внизу поддерживались подпорками. К морю выходили одни ворота и две амбразуры, а к лесу – двое ворот. Среди этой обширной ограды [находилось]... четырнадцать барабор весьма тесно построенных." 39 А. А. Баранов также отмечал, что крепость Катлиана была выстроена из "претолстого в два и более обхвата суковатого леса; а шалаши их были в некоторой углублённой ложине; почему и по отдалённому расстоянию, ядра и картечи наши не причиняли никакого вреда неприятелю." 40 Кроме того, в индейских бараборах были "вырыты во всякой [из них] ямы, так што колоши свободно укрываться могли от ядер и пуль, а тем куражась нимало не думали о примирении." 41 Индейский форт именовался Shiksi Noow, Крепость Молодого Деревца, так как был выстроен из стволов молодых деревьев. 42 Сюда перебралось, вероятно, население всего Ситка-куана, без различия его клановой принадлежности. Русским противостояли не одни лишь киксади, как то утверждает Дж. Дин. 43 О том, что здесь находились объединённые силы ситкинцев говорит тот факт, что индейское селение у кекура полностью опустело к приходу "Невы". Как отмечал Р. Олсон, с началом военных действий в крепостях нередко укрывались не только представители воюющего клана, но и прочие жители селения – во избежание разного рода "превратностей войны". 44 В данном случае подобное поведение было тем более обоснованным, что русские видели в ситкинцах единое племя, не вникая в сложности их кланового деления. Для Эскимосов и Алеутов врагом также был любой тлинкит, а не избирательно одни лишь киксади. Обитатели Крепости Молодого Деревца прекрасно это понимали. О том же говорит и их численность – согласно подсчётам Ю. Ф. Лисянского в крепости укрывалось около 800 воинов, не считая членов их семей, что примерно соответствует численности населения Ситки по выкладкам Н. П. Резанова. 45

Над частоколом форта реял белый флаг. Подняли белый флаг и на "Неве". В индейских преданиях говорится, что тлинкиты не понимали значения белого флага, как знака перемирия. Поднимая его, индейцы вовсе не выражали готовности к сдаче или к переговорам, а просто повторяли жест своих противников: "Если бы русские подняли красный флаг или корзину, то индейцы не нашли бы ничего лучшего, как поднять в ответ такой же флаг или предмет." 46 Но на самом деле к началу XIX в. тлинкиты уже достаточно были знакомы с символикой белого флага. Лаперуз, Портлок, Берсфорд, Колнетт и Маласпина, говоря о знаках мира, используемых тлинкитами, называют белые перья, птичьи хвосты и шкуры, выставляемые на шестах. В 1794 г. Дж. Ванкувер описывал, как к

англичанам приблизилось каноэ, в котором стоял вождь, выщипывая белые перья из орлиного огузка и подбрасывая их в воздух. В другом случае он упоминает, как индейцы положили на скалы длинную связку белой шерсти в виде дополнительного знака мира. 47 Заложники мира (qiwakan) носили в волосах по два белых пера. Согласно описанию Дж. Эммонса, прибывающая на мирные переговоры делегация украшала своё каноэ белыми флагами или белыми перьями. 48 Всё это находит подтверждение и у Ю. Ф. Лисянского, который сообщает, что поднял белый флаг в ответ на аналогичный жест тлинкитов.

Под прикрытием белых флагов вновь начались переговоры, безуспешно продолжавшиеся более часа. Никто не хотел уступать. Видя упорство тлинкитов, Лисянский решил "попугать неприятеля небольшой стрельбой". Загремели пушки. Под их прикрытием на берег был послан баркас с вооружёнными матросами, а следом – ял с 4-фунтовым медным картауном. Старшим над отрядом был назначен лейтенант П. П. Арбузов. Ему поручили уничтожить индейские лодки и стоявший поблизости от берега амбар. Сам Ю. Ф. Лисянский, в своём тёмно-зелёном мундире с двумя рядами золотых пуговиц, с шитыми золотом якорями на нарукавных клапанцах и высоком стоячем воротнике, наблюдал за операцией со шканцов "Невы". На левом плече его поблёскивал золотой погон капитан-лейтенанта, а от моросящего временами мелкого дождя его защищала чёрная двугульная шляпа с кокардой из чёрно-оранжевой ленты и золотой петлицей.

С тревогой наблюдали за развернувшейся на берегу деятельностью и тлинкиты. Они видели, как вышли из шлюпок матросы в тёмно-зелёных мундирах со стоячими воротниками, в панталонах того же цвета, коротких сапогах и круглых шляпах. Опытные воины сразу выделили среди них предводителей – лейтенанта с погонами зелёного сукна, обшитыми узким золотым позументом; боцмана и квартирмейстеров, которых отличал от матросов золотой галун на воротнике и обшлагах да загнутое с одной стороны поле их круглых полупоярковых шляп с приколотым чёрным бантом гарусной ленты с оранжевой каймой и пуговицей. Особую тревогу вызывали у индейцев пушки, подле которых распоряжался канонир с чёрными обшлагами и чёрным воротником мундира. 49 А вслед за моряками на берег сошёл и А. А. Баранов во главе своих людей. К пяти часам пополудни тут скопилось до полутора сотен вооружённых ружьями матросов и партовщиков, имевших в своём распоряжении 4 небольшие пушки. Тлинкиты беспрестанно обстреливали русских, пытаясь помешать высадке десанта.

Вечерело. Начинать штурм индейской крепости было решено с наступлением сумерек. В ожидании назначенного часа тлинкитов старались держать в напряжении, ведя по ним огонь из перевезённых на берег трёхфунтовых пушек. По одним воротам били орудия лейтенанта П. П. Арбузова, против других действовал лейтенант П. В. Повалишин. Обстрел вёлся с трёх часов пополудни до самого вечера, но индейцы не выражали намерения сдаться. Стены Крепости Молодого Деревца были настолько толсты, что ядра лёгких полевых орудий горохом отскакивали от них. Бессильна была и более мощная артиллерия "Невы" – из-за прибрежной отмели к берегу нельзя было подойти ближе, чем на полверсты, "а на оную дистанцию... ядра наших пушек не пробивали стен их замка." 50

Стемнело и осаждающие с криком "Ура!" пошли на приступ. Индейцы встретили их частой стрельбой. Тем не менее штурмующие всё ближе продвигались к стенам форта и подтаскивали к ним свои пушки. Индейцы беспрерывно палили из ружей и фальконетов, но не могли сдержать напора атакующих. Пули летели густо, но, как показывает характер ранений моряков, не прицельно. Меткости много вредили и горячка боя, и сгущавшиеся сумерки. Но, хотя индейский частокол беспрерывно опоясывался вспышками выстрелов, штурмующие уже собирались поджигать частокол и выламывать ворота; однако ходе битвы произошёл перелом. Был серьёзно ранен лейтенант Повалишин, индейская пуля прошла навывлет правую руку Баранова. Кадыякцы и Алеуты, а за ними и русские промышленные не выдержали жаркого огня и обратились в бегство. Первыми бежали кадыякцы во главе с известным тойоном Нанкоком (Никитой). Тлинкиты же, видя свой успех, усилили стрельбу и произвели вылазку. Один матрос тотчас был убит, многие переранены. Индейцы преследовали бегущих и закололи копьями ещё одного матроса. Видя такой поворот событий, Лисянский, прикрывая отступление, открыл огонь из судовых орудий. Только это и вынудило тлинкитов оставить преследование и вернуться под защиту стен крепости. Приступ был сорван.

Надолго в памяти индейцев остался подвиг, совершённый в этом бою самим Катлианом. Как описывается в преданиях, облачившись в боевую Шапку Ворона и вооружившись кузнечным молотом, поскольку для задуманного им дела он был более пригоден, чем ружьё или кинжал, вождь киксади вошёл в реку по самую голову, так что над водой виднелся лишь шлем в виде вороньей головы с огромным клювом, и, шагая по дну неглубокой Колошенки, двинулся к её устью. Там он внезапно обрушился на врага сзади. Он действовал в одиночку и снискал великую славу. Среди трофеев доставшихся индейцам, были сюртук и золотая цепочка. По мнению киксади, до настоящего времени хранящих эти реликвии, они принадлежали самому Баранову. 51 По другой версии легенды Катлиан в разгар штурма вывел отряд отборных воинов через задние ворота крепости к Индиен-Ривер; там они сплывались вниз к её устью, уцепившись за древесные стволы, дрейфующие по течению, и нанесли Баранову удар с тыла. Скорее всего, Катлиан действительно действовал не в одиночку и возможно именно этот манёвр индейского вождя и породил панику среди ополченцев РАК. В сумерках они могли принять появившихся за их спинами воинов за крупные силы неприятеля. 52

На борту "Невы" умер от ран ещё один матрос. Почти все участники штурма были изранены. В сражении погибло 3 матроса, 3 русских промышленных и 4 кадьякцев; среди раненых насчитывалось 9 русских промышленных, 6 кадьякцев и 12 человек из экипажа "Невы" (см. Приложение IV). 53 С простреленной рукой вышел из боя и сам А. А. Баранов, который позднее писал что рука у него "была бездействия 5-ть месяцев и таперь не без труда работаю бумажные дела." 54 Н. П. Резанов сообщает, что уже в его присутствии, спустя больше года после ранения, из простреленной руки Баранова "две кости вынули". 55 Раздосадованный П. П. Арбузов ругал трусость кадьякцев и заявлял, что "если бы все поступали с такою же храбростью, какую показали матросы, то крепость не могла бы долго держаться." 56 Баранов осыпал упрёками побежавшего первым Нанкока, на что тойон, оправдываясь, повторял на ломаном русском языке: "Виноват, Александр Андреевич, вперёд не пойду", подразумевая, что впредь, дескать, это не повторится. "Знаю, – с усмешкой отвечал главный правитель, – что ты вперёд не пойдёшь, но по крайней мере не бегай назад и своим примером не увлекай подчинённых." 57

На следующее утро тлинкиты, воодушевлённые вчерашним успехом, сами принялись обстреливать русские суда из своих пушек, не нанеся им, впрочем, никакого вреда. Лисянский, которому раненый Баранов передал командование экспедицией, ответил на эту дерзость залпами артиллерии "Невы". Бомбардировка произвела на индейцев достаточно сильное впечатление и они вновь заявили о своём желании заключить мир и даже прислали одного аманата. Тогда же договорились и о присылке остальных заложников.

На рассвете над индейской крепостью опять взвился белый флаг и тлинкиты начали неспешно присылать на "Неву" аманатов. Одновременно множество людей высыпало из крепости на берег. Они принялись подбирать валявшиеся там русские ядра. Возможно, в крепости имелись орудия более крупного калибра, чем обнаруженные там позднее фальконеты; быть может индейцы намеревались сбрасывать ядра на головы штурмующим. Однако, в любом случае, Лисянский не позволил индейцам пополнить свои арсеналы: несколько пушечных выстрелов загнали их обратно в форт. К вечеру в руках русских было уже 9 заложников и среди них – "самые близкие родственники тайонов". Аманатов продолжали привозить и в последующие дни. Всего их было выдано "16 человек из числа тойонских детей и прочших почотных между ими людей". 58 Вместе с ними возвращались и некоторые пленники, находившиеся в руках колошей с 1802 г. Всего было освобождено три Алеутки и один Алеут. Одна из этих пленниц сообщила, что Катлиан послал гонца в Хуцнуву-куан, прося о помощи. Тотчас в крепость направили толмача, который потребовал от тлинкитов немедленно покинуть форт, "если не желают себе совершенной гибели." Индейцам следовало переселиться на указанное им Барановым место в 30 верстах от крепости. 59 Катлиан затянул переговоры на весь день и просил "позволения переночевать в крепости, дав честное слово, что вместе с рассветом все жители оставят её." Вождь, похоже, тянул время, всё ещё надеясь на хуцновскую подмогу: наутро индейцы так и не оставили крепости. Катлиан заявил, что будто бы ждёт прилива, чтобы выехать на лодках. Ю. Ф. Лисянский, выведенный из терпения этими проволочками, требовал вновь обстрелять форт и предлагал Баранову выстроить плоты, чтобы во время прилива подвезти на них пушки под самые стены.

Наконец было достигнуто соглашение, что индейцы, если они согласны покинуть крепость, прокричат ночью трижды "у-у-у!" И действительно, в восьмом часу вечера на "Неве" слышали гул голосов и в ответ на это

матросы трижды прокричали "Ура!" "После этого ситкинцы, пропев песню, дали нам знать, что они только теперь считают себя в совершенной безопасности." 60

7 октября в Крепости Молодого Деревца не было видно никакого движения. Видя это и "заметив, что повсюду насело великое множество ворон", Лисянский послал на берег толмача. По возвращении тот сообщил, что крепость пуста и в ней остались только две старухи и мальчик. Тлинкиты ушли лесом, бросив на берегу более 20 батов. Они не решились воспользоваться ими, боясь русских пушек. Важную роль в принятии такого решения сыграла, по индейским преданиям, одна из переводчиц – "самодеятельная посредница" Даалт Нейх (Daalth Neix). Придя в Крепость Молодого Деревца, она заявила, что белый флаг над русским судном означает, что тлинкиты будут вычищены из крепости, как тающий снег. Это напугало индейцев и они решили покинуть своё убежище посуху и тайком. 61 Они направлялись к Пойнт-Крейвен, где встретили бы дружественных хуцновских дешитан. Через лес и горы бежали они к Хуцновскому проливу, теряя по пути людей, умиравших от холода и голода. Гибель людей во время этого перехода, также как и при предшествующих ему боях и бомбардировках, навсегда подорвала могущество знати клана киксади, численность которой так никогда и не восстановилась полностью. 62 Прибыв в бухту Хэнус-Бей, беглецы разожгли костры и дымовыми сигналами запросили помощи у союзников. Хуцновцы пришли к ним на лодках через пролив и помогли обустроиться на новом месте. 63

Потери индейцев трудно поддаются точному определению. К. Т. Хлебников сообщает, что подле оставленной тлинкитами крепости было найдено до 30 мёртвых тел. 64 Это отчасти согласуется и с устной индейской традицией. По словам тлинкитского сказителя Херба Хоупа только Дом Мыса (Point House), из которого он сам был родом, потерял в боях 1804 г. около 20 воинов. Он же сообщает, что погибших в битве ситкинцы временно захоронили "в мелких могилах восточнее форта" вместе с детьми, убитыми во время обстрела крепости. Они намеревались вернуться и кремировать тела. Однако, как утверждает Херб Хоуп, русские выкопали трупы убитых и киксади не смогли сжечь их по своему обычаю. 65

8 октября Лисянский и Баранов вошли, наконец, за стены индейского форта. Тут они обнаружили около сотни русских ядер, три чугунных фальконета, несколько брошенных старых ружей, а также "несколько порожних сундуков и до 50 медвежьих кож." В добычу победителям досталось и около 30 индейских каноэ. Около крепости было найдено до 30 мёртвых тел; 66 между барабор валялись зарезанные собаки; три старухи сидели подле 4-5 заколотых детей – это были мальчики, один семи-девяти лет, а трое примерно лет четырёх. Тлинкиты опасались, что лай собак выдаст путь их тайного бегства, но причина убийства детей так и осталась неясной. Обычно при упоминании этого факта говорится, что их убили для того, чтобы они своим плачем, как собаки лаем, не навели на след беглецов погоню. Так объясняют это сейчас и сами индейцы. По мнению сказителя Алекса Эндрюса, дети были убиты, чтобы их голоса не выдали русским расположения тлинкитов. 67 Но Марк Джейкобс придерживается иного взгляда: "Перед уходом они решили, что самые старые и самые маленькие не перенесут путешествия, так что проще всего будет убить их и избавиться от обузы." 68 Это даже вызвало, по его словам, долгую вражду между киксади и кагвантанами – отцы детей и родственники их по мужской линии не могли простить этих убийств. Херб Хоуп сообщает о гибели определённого числа детей и младенцев, но относит это к последствиям обстрела форта русской артиллерией. 69 В данном вопросе не следует безоговорочно принимать на веру сведения противоречащих друг другу легенд. В крепости, вероятнее всего, находились отнюдь не одни киксади, но и члены других кланов, в том числе и кагвантанов, чьё враждебное отношение к русским отмечалось ещё в 1801 г. Они не могли не вмешаться в дело, касающееся жизни их детей. Кроме того, подобная версия не объясняет некоторых фактов. Убиты были одни мальчики; убито их было всего четверо; 70 все они находились уже в том возрасте, когда можно было не опасаться их внезапного громкого плача. Вряд ли то были самые младшие из всех детей в столь обширном (более тысячи человек) селении. А. В. Гринёв предполагает, что то были дети рабов 71, но и это не объясняет причин их гибели. Быть может здесь имело место жертвоприношение с целью обеспечить помощь потусторонних сил при отступлении; не исключено, что это были маленькие креолы и кадьякцы, захваченные при разгроме Михайловской крепости и с тех пор жившие на положении рабов – именно на них в первую очередь могли сорвать зло разъярённые потерями тлинкиты (будь они сыновьями индеанок, живших с русскими, они считались бы тлинкитами, членами рода их матерей, а не безродными чужаками). 72

Старухи, видимо, действительно были оставлены в крепости по причине их немощи. Им, "согласно с их желанием", была дана лодка, на которой они и отправились "искать своих единоплеменников." 73

Крепость была отдана на разграбление Алеутам, а затем сожжена. Более мощная артиллерия "Невы" и нехватка боеприпасов у индейцев сделали своё дело. Катлиан отступил, но не капитулировал. 21 октября была обстреляна индейцами байдара, ездившая за рыбой. Один из гребцов погиб. Вообще же в ближайшие дни, как отмечал К. Т. Хлебников, "нашли убитыми 8 человек Алеутов в окрестных бухтах, а потому уверились, что неприятели скрываясь, засели по лесам и выжидают случая нападать врасплох на разъезжающих за ловом рыбы Алеутов; – в избежание сего, приняты были нужные меры осторожности." 74 Понимая, что война ещё не закончена, А. А. Баранов отпустил на Кадык только "Ростислав", оставив при себе на Ситке все прочие суда и партию. "Нева" тоже ушла 10 ноября зимовать на Кадык и вернулась на Ситку только 20 июня 1805 г. Тлинкитские вожди за всю зиму ни разу не появились в лагере Нанок, "но временно присылали небольшие баты для разведывания о Русских." 75 Русские же работали непокладая рук, укрепляя и обустривая новое место своего заселения. Ю. Ф. Лисянский по возвращении на Ситку отметил здесь "удивительные плоды неустанного трудолюбия Баранова... он успел построить восемь зданий, которые по своему виду и величине могут считаться красивыми даже и в Европе... он развёл 15 огородов вблизи селения." 76

К весне 1805 г. ситкинцы уже выстроили себе новую крепость в проливе Чатам напротив главного селения Хуцнуву-куана. Она была названа Chaatlk'aa Noow, Крепость Маленького Палтуса. 77 Она была обнесена валом и частоколом, а единственный подход к ней посуху прикрывала засека из огромных древесных стволов. Русский толмач, вернувшийся из разведывательной поездки, сообщал, что тойоны русским не доверяют, а "новопостроенная ситкинская крепость походит на старую, но гораздо хуже укреплена. Она стоит в мелкой губе и перед ней по направлению к морю находится большой камень." 78 Катлиан явно учёл опыт осенних боёв и постарался по возможности обезопасить себя от грозных пушек "Невы". Выслушав это донесение, А. А. Баранов снарядил к вождю новое посольство, снабжённое богатыми подарками. Посольству сопутствовал успех и через пять дней толмач вернулся в Ново-Архангельск в сопровождении Сайгинаха – брата Катлиана. Сам верховный тойон Ситки пока не решался навещать своих врагов. 79

Сайгинах прибыл 17 июля 1805 г. Ю. Ф. Лисянскому впервые довелось наблюдать все церемонии, связанные с прибытием вождя и началом переговоров, а потому описывает он это событие с неменьшими подробностями, чем в своё время то делал Егор Пуртов, но более насмешливо, как "цивилизованный" европеец, наблюдающий странные обряды "дикарей":

"Около четырёх часов пополудни показались две ситкинские лодки вместе с тремя нашими байдарками. Все они шли рядом и сидевшие в оных, приблизясь к крепости, запели. В сие время партовщики наши начали собираться, а чугачи, назначенные для торжества, одеваться в лучшее своё платье и, так сказать, пудрить волосы свои орлиным пухом... Многие из них расхаживали в одном только весьма поношенном камзоле, а другие, имея на себе исподнее платье и будучи в остальном совершенно обнажёнными, хвастались и восхищались своим нарядом не менее европейского щёголя в новом и модном кафтане. Ситкинцы, подъехав к берегу, остановились и, подняв преужасный вой, начали плясать в своих челноках; сам же тайон ломался более прочих и махал орлиными хвостами. Едва кончили они сей балет, как вдруг наши чугачи начали свой с песнями и бубнами. Забава сия продолжалась около четверти часа, в которое время дорогие наши гости приехали к пристани и были на лодках вынесены кадыкцами... Ситкинцы ещё на несколько минут остались в своих лодках и любовались на коверканье чугач, которые при пении представляли смешные изображения. По окончании сего тайон был положен на ковёр и отнесён в назначенное для него место; прочие же гости также были вынесены на руках, но токмо без ковров... 18-го числа пред полуднем приехал ко мне ситкинский тайон на яле г. Баранова и со всей своей свитой. Не успели они отвалить от берега, как начали петь и плясать, а один, стоя на носу, непрестанно вырывал пух из орлиной шкурки, которую держал в руках и сдувал оный на воду. Приблизясь к нашему кораблю, они остановились, запели песню, коверкались всячески и потом взошли наверх. На шканцах пляска опять началась и продолжалась около получаса. По окончании сей церемонии позвал я в каюту свою тайона, его зятя с женою и кадыкского старшину, а прочих приказал угощать наверху. Напоив гостей своих чаем и водкой, я начал разговаривать с ними о прошедшем, представил им, сколь несправедливо поступили ситкинцы с нами в старой

крепости... Тайон... признавал земляков своих виновными, уверяя, что он сам не имел в том никакого участия, что он всеми мерами старался отводить и прочих от столь злого намерения, но, не успев в том, уехал в Чильхат, чтобы не быть свидетелем их варварства." 80

После переговоров Сайгинаху показали его родственников-аманатов, чьим видом он остался весьма доволен, а также дали выстрелить из 12-фунтовой пушки, что он проделал с большим удовольствием и без малейшего испуга. На прощание вождю подарили медный российский герб, украшенный лентами и орлиными перьями, оловянную медаль и алый байковый капот, подбитый горностаями. Спутники его получили по медали и по синему капоту. Тойон отбыл, весьма довольный оказанным ему приёмом.

Успех поездки брата ободрил Катлиана и он, наконец, решился пойти на примирение с Барановым. К этому шагу толкали его и вести из других куанов, которые не спешили поддержать Ситку в её борьбе. На них слишком сильное впечатление произвели прошлогодний поход Баранова и действия "Невы" у стен Крепости Молодого Деревца. Даже знаменитый Кау, предводитель южных кайгани, прислал в Ново-Архангельск своего сына для переговоров о мире и дружбе с русскими. Баранов решился даже возобновить в Проливах промысел калана и отправил туда партию И. А. Кускова.

Катлиан прибыл в Ново-Архангельск после полудня 28 июля 1805 г. в сопровождении 11 воинов. Прежде, чем пристать к берегу, он прислал Баранову одеяло из чернобурых лисиц, прося принять его с наименьшей честью, чем его брата. Вытащив каноэ на берег, воины вынесли оттуда вождя на руках. Несмотря на прохладный приём – и кадьякцы и русские видели в нём главного виновника резни – он пробыл в Ново-Архангельске до 2 августа, ведя переговоры с Лисянским и Барановым.

"Сперва разговор наш касался до оскорбления, семейством его нам причинённого, а потом начали толковать мы о мире. Котлеан признал себя виновным во всём и впредь обещался загладить проступок своей верностью и дружеством. После сего г. Баранов отдал ему табак и синим капотом с горностаями... На Котлеане была синего сукна куяка (род сарафана), сверху коего надет английский фризовой капот, на голове имел он шапку из чёрных лис с хвостом наверху. Он росту среднего, лицом весьма приятен, имеет чёрную небольшую бороду и усы. Его почитают самым искусным стрелком, он всегда держит при себе до двадцати хороших ружей... Прощаясь с нами, Котлеан изъявил своё сожаление, что не застал кадьякцев, при которых ему сильно хотелось поплясать, уверяя, что никто не знает так много плясок разного рода, как он и его подчинённые." 81

После этого Катлиан недолго оставался верховным вождём Ситки. Видя, что удача покинула их атлен-анкау, тлинкиты вскоре сменили его на лицо, более лояльное к победителям. Лисянский сообщает, что "так как этот тайон при всяком случае показывал своё усердие и дружелюбие по отношению к русским, то г. Баранов навесил на него медный герб." 82 Индейские предания несколько иначе излагают историю с вручением этого герба. По версии тлинкитов "Баранов получил мир в обмен на знак двуглавого орла... Это означало: "Отныне и впредь мы будем братьями. Вы выходите на одну дорогу, а мы – на другой путь." Эта история зафиксирована и на тотемном столбе, изготовленном в 1930-х гг. и стоящем теперь в центре г. Ситка. На нём имеется изображение самого Баранова, двуглавого орла, а "круглая выпуклость у основания тотема представляет собой Крепостной Холм, единственный участок земли, отданный русским." 83

Поражением Ситки поспешили воспользоваться их бывшие союзники и давние соперники – жители Хуцнуву-куана. Ещё 23 октября 1804 г. хуцновский посланник уверял Баранова, что "они желают жить с россиянами дружески, и что тайоны давно бы у нас были, ежели б не опасались помешать нам в продолжении крепостных строений. В подарок привёз он нам двух бобров. Г. Баранов и я со своей стороны, – пишет Ю. Ф. Лисянский, – одарили его разными вещами с полным уверением в желании нашем сохранять доброе согласие со своими соседями. После сего посланник требовал от нас позволения, чтобы хуцновские жители взяли ситкинцев в своё владение, утверждая, что последние не заслуживают никакой доверенности и в Хуцнове имеют к ним столь великое пренебрежение, так что ежели какой ребёнок по скудоумию своему сделает какую шалость, то говорят ему: "ты глуп, как ситкинец"... На столь странную просьбу г. Баранов отвечал, что он в домашние их обстоятельства мешаться не намерен, а желает иметь дружбу со всеми." 84

Потерпев неудачу в своей попытке договориться с русскими за счёт своих недавних союзников и возмущённые возобновлением русского промысла в Проливах, хуцновцы вернулись к прежней, враждебной по отношению к РАК, позиции. Это проявилось летом 1805 г., когда компания возобновила промысел и в Проливы была послана партия И. А. Кускова численностью более 600 человек. 85

Перед выходом партии, А. А. Баранов в своих инструкциях И. А. Кускову от 15 июля 1805 г. обращал его внимание на необходимость строгого соблюдения всех мер предосторожности. Кусков должен был лично следить, чтобы у дозорных всегда было оружие наготове, чтобы содержались в исправности "ружья, пистолеты, орудия и снаряды", а в противном случае "взыскивать со строгостию и виновных наказывать неупустительно." 86 Более того, Александр Андреевич считал необходимым "скрывать ещё от неприязненности мира удаляющихся бывших врагов Ситхинских и протчих народов первое движение партией и судами дабы разстроить их в предразсудках... и в покушениях зловерных", а потому рекомендовал "назначить судам и партии первым рандеву зборным местом на другой стороне под мысом здешнего острова Ситхи Александровскую Гавань или возле её". 87 Таким образом партия должна была выйти на промысел незаметно для тлинкитов, всё ещё остававшихся потенциально опасными, несмотря на готовящееся примирение с Катлианом. Предосторожности эти оказались нелишними.

Возвратиться в Ново-Архангельск партия должна была к 1 сентября 1805 г., но ближе к этой дате Кускову стали известны намерения хуцновцев атаковать партию. Он поспешил уведомить Баранова о том, что "Хуцновские Американцы угрожают сделать... нападение и тем нас здесь обезсилить". 88 Хотя действия партии и прикрывали компанейские суда "Ермак" и "Ростислав", решено было выслать навстречу возвращающимся партовщикам "Св. Елисавету", вооружённую 6 пушками. Однако тут лишний раз дали о себе знать натянутые отношения между флотскими офицерами, находившимися на службе РАК, и их компанейским начальством. Командир "Св. Елисаветы", лейтенант А. Г. Сукин, вместо того, чтобы исполнить полученное им распоряжение, стал всячески затягивать выход судна из гавани, изобретая для того один предлог за другим. На третьи сутки простоя Н. П. Резанов, "видя, что расположился он дразнить весьма не в пору, когда мы в критическом положении и более 600 человек Руских и Кадьякцов так сказать у Американцев под ножами", отстранил Сукина от командования, поручив вести судно мичману Ф. М. Карпинскому. 89 Однако, даже выйдя в Проливы, "Св. Елисавета" разминувшись с партией. В Ново-Архангельске ещё несколько дней "в превеликом страхе" ожидали последствий угрозы хуцновцев, но 17 сентября, "к крайнему порадованию" всей русской колонии, И. А. Кусков со своими людьми благополучно возвратился на Ситку. 90

Всё это весьма наглядно продемонстрировало Н. П. Резанову, прибывшему в колонию в конце августа 1805 г., всю уязвимость позиций РАК в стране тлинкитов. Опрос кадьякцев, побывавших в индейском плену, позволил ему воочию оценить размеры угрозы, постоянно нависавшей над маленькими русскими поселениями. По его выкладкам, русским противостояло "от 5 и до 7 тысяч неприятелей", причём на самой Ситке насчитывалось "одних ратников до 700", а в ближайшем и явно враждебном Хуцнуву-куане – "одних ружейных ратников по малой мере до 1700". 91 Далека от идеала была и ситуация на недавно "замирённой" Ситке.

Внешне тлинкиты здесь усиленно демонстрировали своё дружелюбие. Они нередко навещали Ново-Архангельск, обставляя эти посещения торжественными церемониями. Приблизившись к берегу в своих каноэ, они останавливались и предводитель обращался к русским с долгой речью. Индейцы, согласно привычному ритуалу проведения потлачей, отказывались выходить на берег, пока это не будет позволено самим Нанокон (Барановым) или его представителем. Георг фон Лангсдорф передаёт общее содержание подобных речей, произнесение которых затягивалось примерно на полчаса: "Мы были вашими врагами, мы вредили вам; вы были нашими врагами, вы вредили нам; мы хотим быть добрыми друзьями, мы хотим забыть прошлое; мы не стремимся вновь навредить вам; не причиняйте вреда и вы нам; будем добрыми друзьями." 92 Но, несмотря на эти заверения, внутрь крепости на вершине холма допускались только наиболее влиятельные вожди, прочих угощали внизу. Мир был лишь хрупкой оболочкой, которую в любой момент грозила прорвать незатухающая старая вражда. Яркой иллюстрацией тому служит описанная Н. П. Резановым поездка к тлинкитам доктора Лангсдорфа в конце октября 1805 г., использованная Барановым для разведывательных целей:

"На сих днях доктор мой решился ехать к Ситкинцам, старожилам места нашего. Зная, что они малому числу людей ничего не сделают, а ищут врасплох угомонить всех нас, отпустил я его с охотою, поруча просить от имени г. Баранова, которого боятся они, девок, чтоб завести связь и ездили бы к нам родственники. С ним поехал Бостонской капитан Вульф и живущая у нас с первого ещё занятия Калошская девка. Местечко их на мысу в конце пролива нашего. Наши приехали в полночь и когда начала только байдарка приближаться к мысу, то отводной пикет окликал их и сделал из ружья выстрел, а пока огибали они мыс, то уже до двух сот человек было на берегу с заряженными ружьями. Они приняли их очень ласково, понесли на руках в крепость, где огромная дощаная юрты составляли жилища их; угощали рыбою, пшеном и патокою и когда предложено было о девках, то кликнули женщин, делали вид, будто убедительно уговаривали и наконец извинились, что это еще следствие боязни, но когда в другой раз приедут, то может быть и девки будут позговорчивее. Крепость их построена из мачтовых в три ряда деревьев и ядру [тут] сделать нечего, а на них высокой тын или палисад. Вход же закоулком так, что едва человеку пройти можно." 93 Здесь обитало около полутора тысяч человек – практически всё население куана. В ходе визита Лангсдорф дружески беседовал с тойоном Длхетином, чья дочь сопровождала гостей в качестве переводчицы.

Русских послов встречают с почестями, однако люди Ситка-куана всё ещё живут в тесной крепости, держат ночные караулы и по первому же сигналу поднимаются с оружием в руках – это показывает, что состояние войны ещё сохраняется, несмотря на заключённое перемирие. О том же говорит и отказ в предоставлении русским служанок – при вспышке военных действий они легко могли бы стать заложницами. Кроме того, из донесений освободившихся пленников, вернувшихся с промысла партовщиков и посещавших Ново-Архангельск американских морских торговцев, Резанову было известно и то, что индейцы имеют на вооружении "исправные ружья и фалконеты, во всех жилах их выстроены крепости, которых тысячи их заключают." 94

Исходя из всего этого, Н. П. Резанов в начале ноября 1805 г. разрабатывает и представляет директорам РАК проект подкрепления компанейских владений реальной военной силой – "Примерный штат гарнизонной компании в Америке." Согласно этому плану, для безопасности колоний в них следует разместить гарнизон по меньшей мере в 334 чел., из которых 96 будет находиться на Ситке, 40 в Якутате и 21 в Константиновской крепости. Примечательно, что Ситкинская воинская команда должна была превосходить даже гарнизон Кадьяка (88 человек). Таким образом, главную опасность Н. П. Резанов видел именно в тлинкитах, а наиболее уязвимым пунктом российских владений был, по его мнению, Ново-Архангельск. Офицеры должны были находиться только на Ситке и Кадьяке, в прочих местах командование передавалось в руки унтер-офицеров и капралов. Именно на Ситке и Кадьяке предполагалось разместить и крупнейшие "артиллерийские команды" – 15 человек в Ново-Архангельске, 13 человек на Кадьяке. Сверх того намечалось набрать 100 человек солдат "из американцев" – "и жалованья им третью долею менее". 95 Неясно, из кого именно намеревался вербовать Резанов этих солдат, но, исходя из общей направленности проекта, с большой долей вероятности можно предположить, что в этот контингент в первую очередь вошли бы воины из племён, традиционно враждебных тлинкитам, скорее всего из числа чугачей и кенайцев. Однако планы эти так и остались тогда на бумаге.

Вскоре после возвращения с промысла большая часть партии во главе с Т. С. Демьяненковым была отправлена обратно на Кадыяк. От встреченных по пути индейцев партовщикам стало известно, что Якутатская крепость захвачена тлинкитами и там повторились события 1802 года. Не вполне ещё поверив этому сообщению, Демьяненко «решился плыть только по ночам или в пасмурную погоду, а днём оставаться на месте». 1 Тем временем волнение на море усиливалось. На переход от Аkoa до Якутата протяжённостью в 60 вёрст потребовалось «около 10 часов усиленной гребли». Прибыв к разорённому селению глубокой ночью, измученные партовщики, «к вящей горести своей, уверились в справедливости полученных слухов». Страх перед нападением тлинкитов был так велик, что кадыякцы не смели даже пристать к берегу. Но смертельной опасностью грозило им и бурное море, поскольку «обезсиленные продолжительною греблею, многие пришли в совершенное изнеможение». Демьяненко собрал все байдарки и на общем совещании большая часть партии решила вместе со своим начальником продолжить плавание и добраться до ближайшего относительно безопасного от нападения тлинкитов места – о. Каяк, до которого было ещё более 200 миль. Гребцы 30 байдарок, однако, не нашли в себе сил на такой переход. Они заявили, что «решаются плыть к берегу и отдаться в плен и рабство или на мучения и смерть Колошам; и как ни горестна им сия разлука, но продолжать плавание [они] не в силах». 2 По иронии судьбы уцелели именно они – те, кого все считали обречёнными на гибель. Прочие, в числе около 250 человек, 3 погибли в разыгравшейся ночной буре и их чудом спасшиеся товарищи, «плывя далее, находили по берегам выкинутыя байдарки и обезображенные трупы несчастных своих родственников и братьев». 4 Партовщики из этих 30 байдарок и стали одними из тех, кто доставил в Константиновскую крепость на Нучек страшную весть о судьбе Якутата. Компания вновь получила удар, равный по силе катастрофе 1802 года.

То, что сорвалось в 1802 г. у акойцев, удалось теперь самим якутатцам. На этот раз они действовали самостоятельно, без согласования действий с прочими куанами. Более того, судя по индейским легендам, не было единства и среди самих якутатских кланов. Однако причины, повлёкшие за собой трагедию, во многом перекликались с теми, что привели к гибели Михайловской крепости. Напрасно директора РАК во главе с М. М. Булдаковым вновь настойчиво указывали на подстрекательство со стороны зловердных иностранных купцов, а также на «склонность к сражениям и жестокости» якутатских колош. 5 На данный период вообще нет свидетельств о контактах аборигенов Якутата с морскими торговцами, которые предпочитали действовать в более южных районах. Пресловутая же воинственность тлинкитов почему-то не мешала им до сих пор более-менее мирно уживаться с поселенцами. Истинные причины гибели крепости раскрывают индейские предания, собранные Ф. де Лагуной, и комплексные исследования А. В. Гринёва, благодаря чему науке удалось пролить свет на туманные и неясные до недавнего времени обстоятельства якутатской драмы. 6

В 1805 г. в Якутатской крепости, согласно наиболее достоверным сведениям, проживало, не считая детей и некоторых женщин, около 60 человек: 28 русских (правитель, писец, 15 промышленных, 9 посельщиков, кузнец и слесарь) и 35 туземных работников-каюров (из них 15 женщин). Кроме того, здесь же в тот момент находились 4 кадыякцев и 6 чугачей Канихлютского жила, задержавшиеся в крепости по пути с Ситки. 7 В общей сложности численность населения колонии ко времени её гибели приближалась, вероятно, к сотне человек. Кроме того, частыми гостями русского заселения были и обитавшие неподалёку индейцы, принадлежавшие к небольшому клану тлинкитизированных эяков (угалахмютов) – тлахаик-текуеди или тлухеди. Судя по сохранившимся якутатским преданиям, они нередко привлекались русскими к различным подсобным хозяйственным работам. Вождём этой группы был Танух (Зуб Морского Льва), человек «проворный, находчивый, знающий», пользовавшийся дружеским доверием со стороны начальника поселения. Вероятно, именно он и его люди, как писал К. Т. Хлебников, «казались преданными» и «употреблялись для работ и услуги», приближаясь по своему положению к компанейским каюрам. 8

Также, как на Ситке и Алеутских островах, русские, взяв аманатов и ощущая себя хозяевами положения, слишком часто позволяли себе грубость и насилие в отношениях с аборигенами. Компания так и не уплатила индейцам за землю, уступленную под поселение, хотя Баранов и обещал это сделать. Скучающие поселенцы силой захватывали местных женщин, а натешившись, отсылали их обратно к мужьям. Работники из числа индейцев не

получали никакого вознаграждения за свой труд, низводясь тем самым до положения каюров. Залог своей безопасности, как и везде, поселенцы видели в аманатах – детях местных старшин, которых содержали на Кадьяке. Там мальчики были определены в школу и наравне с прочими учениками использовались для подсобных компанейских работ. Подобное обращение с заложниками противоречило тлинкитским традициям. Тлинкиты, видевшие положение сыновей благородных анъяди Якутата в Павловской Гавани, не сомневались в том, что мальчиков попросту обратили в рабство. Именно в таких выражениях и сообщила о том их родителям женщина по имени Хосал-тла (Кускан-тла), бывшая замужем за “капитаном русского корабля” (скорее всего, за одним из промышленных). Но наибольшее возмущение вызывал у индейцев рыбный запор, сооружённый русскими на реке Т’авал. Он мешал рыбе проходить на нерест в озёра, расположенные выше по течению. Это создавало для тлинкитов угрозу голода. Кроме того, запор перекрыл реку и для прохода индейских каноэ – его открывали лишь ради вождя влиятельного клана куашккуан Шады из Дома Луны (Shada – “русское” имя С’алву или Штатлейу, вероятно, “тойона Фёдора” русских источников). Он был “единственный, кто мог вести своих людей через ворота у Анкау”. 9 Прочим приходилось перетаскивать свои лодки волоком в обход запора. Ущемлённым, наконец, оказался и сам предводитель тлахаик-текуеди. Обнаружив на берегу залива разбитый ялик, Танух выдернул из него гвозди, чтобы сделать могильный ящик для своего умершего родственника-знахаря. Русские обвинили его в воровстве и даже грозили убить. Оскорблённый и встревоженный вождь решился на крайние действия.

Согласно легенде, на совете людей тлахаик-текуеди он заявил: “Голод идёт. Мы все идём к смерти. Так умрём же должным образом теперь”. Не все поддержали его замысел – русские казались слишком сильным противником. У всех ещё свежи были в памяти сбор в Якутате барановского ополчения и его успешный поход по Проливам, столь победоносно завершившийся на Ситке. Глава могущественных куашккуанов Шада-Фёдор отказался участвовать в нападении, хотя и не воспрепятствовал ему. “Если вы не желаете помочь мне, то я сделаю это сам”, – воскликнул тогда Танух. “Когда он пошёл воевать, совсем немного индейцев было с ним. Другие были трусами”, – говорится в якутатском предании. 10 Эта война стала личным делом тлахаик-текуеди, к которым примкнули лишь отдельные молодые воины-куашккуан.

План Тануха строился на том, что он сам и его люди имели свободный доступ в крепость и визиты их не вызывали подозрений у русских. Танух считался другом начальника крепости, который, согласно легенде, даже подарил ему шпагу-трость. В индейских преданиях этот начальник (“русский король”) именуется “Станисласом” или “Шавнистой”, но реально под этим именем скрывается, вероятно, Николай Мухин. Именно он исполнял в Якутате обязанности, возложенные на Ситке на В. Г. Медведникова. Положение же С. Ф. Ларионова соответствовало скорее должности И. Урбанова. “Начальствующим” именует Мухина в своём письме и И. А. Кусков. 11

Для осуществления замысла Тануха тлухеди выбрали день 20 августа 1805г., когда большинство обитателей крепости отправлялись на рыбную ловлю. Согласно заранее разработанному плану, как говорится в преданиях, Танух должен был проникнуть в крепость, убить “Шавнисту”, а затем подать сигнал своим людям, один из которых к тому времени должен был убить сторожа у ворот и тем самым открыть дорогу воинам. Покончить с караульным – человеком слабосильным – вызвался мальчик-куашккуан Духданеку, который был “неистово храбр, безрассудно отважен”. 12

Поутру Духданеку подошёл к воротам с ковшиком морошки в руках. “Я собрал для тебя ягод”, – сказал он часовому. Сторож с благодарностью взял ягоды, а мальчик вслед за тем попросил у него топор: “Я пойду в лес наколоть дров для тебя”. В предложении услужливого парнишки не было ничего подозрительного или необычного. Сторож протянул топор юному куашккуану и тотчас рухнул с разрубленным черепом.

Несколько раньше этого Танух вошёл к начальнику крепости и в ходе беседы попросил у него табаку. “Шавниста” угостил его из своей табакерки, которую затем вновь убрал в левый нагрудный карман. И тогда вождь тлухеди ударил его ножом в сердце. Клинок скользнул по металлу табакерки, оставив глубокую вмятину, начальник вскрикнул и между собеседниками завязалась смертельная борьба. Безоружному русскому почти удалось вырвать кинжал из рук противника, но Танух всё же оказался сильнее. Прикончив “Шавнисту”, он подал

условленный сигнал и тогда “каждый индеец убил своего человека” – так лаконично описывает легенда последовавшую резню. 13

Покончив с теми, кто в этот день оставался в селении, индейцы подстерегли возвращавшихся рыболовов. “Когда рыбаки вернулись, то они не могли войти все одновременно [путь к крепости пролегал по узким и извилистым проливам в лагунах Анкау – Авт.]. Они шли лодка за лодкой, как всегда. Когда лодка причаливала, Танух и его люди, как обычно, выходили на помощь. Они прыгали в лодку и убивали всех ножами. Так они убили всех.” 14

По преданию спастись удалось только сторожу рыбного запора, смотрителю маяка и дочери “Шавнисты”. На самом же деле после резни уцелело несколько больше людей. Шестеро чугачей Канихлютского жила были в тот день посланы Ларионовым за ягодами, а “когда воротились домой, уже никого не застали в живых, только видели, что лежат по всей крепости убитые люди”. 15 Напуганные жутким зрелищем, чугачи тотчас сели в байдару и поспешили оттуда прочь. Пока они выбирались из залива, их трижды обстреливали с берега из ружей. К вечеру 26 августа они добрались до Константиновского редута и принесли его начальнику Ивану Репину известие о якутской резне. Новость эта потрясла Репина и он несколько раз переспрашивал беглецов: “Правда ли это?” “Самая правда”, – всякий раз отвечали чугачи. 16

Помимо них гибель крепости пережило ещё не менее 13 человек: документы Главного Правления РАК сообщают, что “спаслись бегством 4 промышленных и 4 поселщика с двумя женщинами и тремя ребятами”. 17 Другие источники позволяют несколько уточнить эти сведения, назвать некоторых из уцелевших поимённо. Среди выживших были жена-индеанка С. Ф. Ларионова и трое её сыновей (Андрей, Иван, Дмитрий), 18 мальчик-креол Семён Лукин, отец которого погиб в резне, 19 а также поселщица Иванова, поселщик Филсов и некий “немец”. 20 Помимо них К. Т. Хлебников упоминает среди пленников ещё двух женщин с детьми и “Алеута с женой”. 21 Все они пытались добраться до Константиновской крепости, но по пути были перехвачены эяками – “немирным агалахмутским народом” (тлухеди?). Затем часть из них, судя по всему, взяли под покровительство предводители куашкуанов Фёдор и его отец Яходакет (Хаткейк). Враждебно настроенные тлухеди не желали выпускать пленников из рук, но Фёдору, похоже, удалось достичь компромисса – поселенцев следовало освободить, но, преимущественно, за выкуп. “Один из сих несчастных [пленников] отпущен к Баранову на Ситху с требованием выкупа за прочих”, – сообщают документы Главного Правления РАК. 22

События, последовавшие за уничтожением Якутатской крепости, по-разному излагаются в русских письменных источниках и в индейских преданиях. А. В. Гринёв даже склонен отрицать надёжность первых в пользу вторых. Основанием для такого подхода послужили ему некоторые неточности, допущенные при изложении событий К. Т. Хлебниковым. В частности, Хлебников называет начальником Константиновского редута Уварова, а не Ивана Репина, и сообщает о гибели в 1805 г. тойона Фёдора, который реально был жив ещё в 1807 г. 23 А. В. Гринёв основывается также на том, что индейцы не могли внезапно напасть на Константиновскую крепость, где о гибели Якутата было известно уже спустя 6 дней после резни; что у тлинкитов не было времени на проведение соответствующих обрядов перед походом и что если бы этот поход состоялся, то Репин обязательно упомянул бы о том в своём рапорте А. А. Баранову. На это следует заметить, что тлинкиты не обязательно должны были осуществлять свой замысел в недельный срок. Они вполне могли выждать некоторое время, надеясь на ослабление бдительности русских и собирая силы для решительного удара. План их строился не на внезапности, а на обмане. Вождь якутатцев, видимо, рассчитывал на то, что никто из свидетелей его поведения во время разорения крепости не смог добраться до Нучека, а потому ему легко удастся уверить русских в своём дружелюбии (в случае, если этим вождём был Танух, его репутация должна была говорить сама за себя). Более поздние донесения Репина пока неизвестны, а потому вряд ли стоит безоговорочно отвергать версию Хлебникова, при всех неизбежных коррективах к ней. Кроме того, представляется маловероятным, чтобы современник описываемых событий, дотошный и хорошо осведомлённый исследователь, каким был К. Т. Хлебников, мог просто выдумать этот эпизод. Причиной допущенных неточностей послужили, вероятно, те условия, в которых создавалось “Жизнеописание А. А. Баранова” – Хлебников работал над этой книгой на борту корабля во время плавания, будучи лишён возможности пользоваться документами и опираясь, в основном, на собственную память. Потому, видимо, и произошла некоторая путаница в именах и деталях описываемых им

происшествий. Несмотря на это, следует всё же полагать, что описанный им эпизод имел место. Косвенные подтверждения тому содержатся в исторических преданиях чугачей и, отчасти, тлинкитов.

Чугачская легенда прямо иллюстрирует рассказ Хлебникова, описывая победу Эскимосов над коварными якутатцами. Индейская легенда, поведав о подвигах Тануха при уничтожении русской крепости, не сообщает ничего достоверного о его дальнейшей судьбе – Танух якобы добровольно взошёл на борт некоего русского корабля, после чего рассказ о нём приобретает откровенно сказочный характер (см. Приложение V). Среди нагромождения фантастических подробностей выделяется лишь одна реальная деталь – смерть вождя от рук подчинённых русским “Алеутов”. Далее на первый план выдвигается уже его соратник Лушвак, а действие переносится к верховьям реки Ситак, где укрываются немногочисленные (всего 4 дома) люди тлахаик-текуеди. Возникновение подобной ситуации связано, возможно, с последствиями описанного Хлебниковым похода и понесёнными при этом страшными потерями. В свете всего этого обоснованным представляется предположение, согласно которому поход на Нучек возглавил не тойон Фёдор, а Танух, погибший там практически со всем своим отрядом. В таком случае всё становится на свои места, а события, произошедшие после разгрома Якутата, приобретают следующую последовательность.

Лёгкая победа над русскими, одержанная индейцами практически без потерь, воодушевила якутатцев. К победоносным тлахаик-текуеди присоединяются воины из других кланов. Они решают совместно выступить против русских поселений в Чугацком и даже Кенайском заливах. В поход вышло 8 боевых каноэ, в которых разместилось около 200 воинов. 24 Чтобы не возбудить преждевременных подозрений, шесть пирог оставили в устье Медной реки ожидать сигнала к атаке. План нападающих повторял в точности, только с большим размахом, схему захвата Якутатской крепости, что лишний раз подтверждает причастности к его составлению самого Тануха: вождь, пользуясь общеизвестными дружественными связями среди русских, проникает внутрь редута, убивает его начальника и подаёт сигнал воинам, которые и довершают начатое.

Два каноэ, на которых было 70 воинов во главе со своим предводителем, прибыли на Нучек. Индейцев беспрепятственно пропустили в крепость. Вождь встретился с её начальником и “объявил, что пришёл торговать с Чугачами, как и прежде неоднократно случалось”. Начальник (Иван Репин, у Хлебникова, ошибочно, – Уваров), “не подозревая его ни сколько принял радушно и позволил заниматься плясками вместе с Чугачами”. 25 Всё шло по плану и даже старые враги тлинкитов, Эскимосы-Чугачи, “были рады видеть их, потому что ожидали плясок”. 26 Однако, из основного лагеря якутатских воинов сумел бежать невольник-чугач, который, добравшись до Нучека, раскрыл Репину замысел коварных гостей. Вызвав к себе Апангу (Маленького Вождя), предводителя местных чугачей, Репин сообщил ему, что под видом торговцев на Нучек проникли страшные якутатские “касатки” – охотники за рабами. Апанга разослал гонцов за помощью по окрестным селениям, а якутатцев пригласил на праздник в посёлок Таухтук на Хоукинс-Айленд, где они были устроены на ночлег в деревянной баньке. Якутатцы согласились, – возможно, чтобы не вызывать лишних подозрений и окончательно усыпить бдительность противника. Этой же ночью в Константиновской крепости зарезался взятый русскими под стражу тлинкитский вождь (Танух?), а в Таухтук прибыли созданные Апангой воины-чугачи. “Союзники по берегу зашли в Таухтук, – говорится в чугачской легенде, – Они заглянули в окно к Маленькому Вождю: “Мы пришли”. “Идём”, – сказал он. Баня, где спали якутатцы, имела два окна. На рассвете чугачам стало видно, как лежат якутатцы и они стали колоть их копьями через окна. так они убили одного, другого. Якутатцы не могли выйти... Один человек всё же выпрыгнул через окно и побежал по берегу. Пятеро погнались за ним, ранили, но не догнали. Якутатский вождь имел пистолет и выстрелил раз перед смертью. Один Эскимос тоже спал в бане. Он пытался бежать и его били чугачи спереди, а якутатцы в спину. Он спасся с пробитой ногой. Его звали Ангатале. А все не-Эскимосы были убиты.” 27 Спиной к двери баньки сидела Нана, дочь Апанги, – она припирала её, чтобы враги не вышли, а после получила в честь этого события новое имя.

Лишь два-три человека смогли спастись из ловушки. Г. Бэнкрофт называет среди них всё того же тойона Фёдора, 28 однако более надёжны сведения К. Т. Хлебникова о самоубийстве предводителя отряда. Это был поступок, характерный для тлинкитского анъяди, в представлениях которого плен напрямую ассоциировался с рабством. Стоит отметить, что согласно тлинкитским преданиям Танух был убит Алеутами, для которых “он был плохой человек – он всегда убивал их”, а русский доктор якобы даже разрезал затем его тело: “чтобы посмотреть,

почему он был такой храбрый”. 29 Под именем “Алеутов” в Русской Америке обычно подразумевались зависимые от РАК кадьякцы и чугачи.

Воины, уцелевшие после резни в Таухтукюке, добрались до базового лагеря и сообщили там о провале замысла. “Испуганные сим Колоши, – повествует далее К. Т. Хлебников, – опасаясь, что Чугачи немедленно нападут на них, с поспешностью собрались и, не взирая на бурную погоду, пустились обратно прямо через банку, очень далеко выдававшуюся от устья Медной реки в море. Байдары на банке были разбиты бурунами и большая часть людей утонула; не многие спаслись на Угалахмутский берег и все те без изъятия перебиты туземцами, враждовавшими с ними исстари”. 30 Добили якутатцев, скорее всего, не эяки – “угалахмуты”, а те же чугачи по прямому распоряжению как собственных старшин, так и русского начальства. Косвенно в пользу этого говорит и эскимосское предание. Оно завершается рассказом о том, как некий чугачский охотник подобрал на берегу и выходил умирающего якутатца. Спасённый индеец заявил, что если ранее он полагал, будто самые стойкие и доблестные люди на свете это его соплеменники, то теперь он видит, что чугачи ещё крепче и храбрее. Отпустив спасённого в Якутат, охотник вернулся на Нучек и рассказал о том русским. Но там не оценили его христианского человеколюбия: “Он полагал, что его поблагодарят, но русские задали ему такую порку, что он умер”. 31 Видимо, от чугача ожидалось совсем иное поведение по отношению к якутатцу.

В общей сложности неудачный поход унёс жизни примерно 200 воинов, что основательно подрывало военную мощь Якутат-куана. Кроме того, Якутат лишился одного из своих наиболее отважных и предприимчивых вождей. Ослабленным этими потерями людям тлахаик-текуеди следовало теперь позаботиться о собственной безопасности и о сохранении богатой добычи, захваченной ими в annushi noow (русской крепости). Помимо всего прочего индейцам тогда достались находившиеся в крепости “2 двухфунтовые медные, 2 чугунные фунтовые пушки и 1 полуфунтовый единорог с прибором снарядов и до 5 пуд пороху”. 32 Одно из этих орудий, по свидетельству Ф. де Лагуны, ещё в 1952 г. хранилось у лидера якутатских тлукнахади Джека Эллиса, а другое находилось в акойском селении Куцех. Вождь куашккуанов Джордж (ум. около 1903 г.) владел портретом, изображающим, как считалось, самого “Шавнисту”, и медным чайником, также якобы принадлежавшим начальнику русской крепости. Трость-шпага “Станисласа” и его знаменитая табакерка с вмятиной от ножа Тануха были в середине XX в. собственностью якутатского тлинкита Джима Кардиту. 33 Эти немногочисленные фамильные реликвии – всё, что уцелело от добычи людей тлухеди к настоящему времени. Но осенью 1805 г. слава о захваченных ими сокровищах облетела весь север страны тлинкитов, послужив причиной гибели их новых обладателей.

После пленения и смерти Тануха во главе клана стал ближайший сподвижник вождя – Лушвак (Шитлваку по-эякски, “Одноглазый”). По одной из версий он был двоюродным братом Тануха и принадлежал к тлинкитизированному эякскому клану калиах-кагвантан, подгруппой которого являлись и тлахаик-текуеди. Под его руководством тлухеди покинули своё селение и обосновались на новом месте вдали от морского побережья. “Они двинулись вверх по реке Ситак, – говорится в предании, – пройдя больше, чем полпути до озера. Это место – Гадакехл, река. Они ещё называли его Нута’ити. Они сделали тут форт. Они назвали его Орлиным, Чак-Ну”. 34 На языке эяков название крепости звучало, как Кучгалак Глаша’л. Она представляла собой обнесённые частоколом три-четыре жилых дома с несколькими подсобными постройками. Попастъ внутрь можно было только через узкий проход, куда индейцы приспособили поразившую их воображение дверь на петлях из русской казармы. Подступы к стенам покрывал толстый слой льда, а в окрестном лес врагу преграждали путь медвежьи капканы. Внутри своих домов на случай обстрела тлухеди вырыли подземные укрытия, соединявшиеся между собой. Эяки были готовы к ожидаемому приходу русских. Однако реальная опасность грозила им совсем с другой стороны.

Известие и якутатской трагедии как громом поразило русские колонии. Следом за этой новостью появились слухи о том, “что чугачьцы и калоши хотят пуститься в Кадьяк и овладеть Павловскою Гаванью”. Всеобщее возбуждение было таково, что “лишённый чинов дворянин Борисов”, взятый на службу РАК в качестве морехода, затеял сместить за бездеятельность перед лицом опасности правителя Кадьякской конторы И. И. Баннера, “обратить церковь в крепость и словом, – как доносил министру коммерции Н. П. Румянцеву с Ситки Н. П. Резанов, – такие чудеса творит, что с ним совладать не можно”. 35 В Ново-Архангельске А. А. Баранов, узнав в

ноябре 1805 г. о разгроме Якутата, выслал туда на разведку четыре трёхлучные байдарки. Две из них были захвачены индейцами, убившими при этом 6 партовщиков. Возвратившиеся подтвердили истинность страшной новости. Получив это подтверждение, Баранов намеревался в марте 1806 г. выступить в Якутат на судне “Ростислав” с командой в 25 человек при 4 пушках. Поход этот он расценивал, как своё последнее дело на службе РАК и “по выполнении сего намерен он был возвратиться в Россию непременно”. 36 Однако уговоры Н. П. Резанова убедили его отложить свою отставку до прибытия назначенного ему преемника, а здраво оценив свои силы и общую обстановку в колониях, отказался Александр Андреевич и от похода на Якутат.

Положение действительно было трудным и взрывоопасным, а в свете недавних событий не казался фантастическим даже слух о нашествии колошей на Кадыяк. Н. П. Резанов описывал сложившуюся зимой 1805-1806 гг. ситуацию в самых мрачных тонах: “Из Кинайской губы также и из Чугачьской с Нучека получены известия, что чугачи и медновцы грозятся истребить русских. Кинайцы стали уже показывать в обхождении холодность, жалуясь, что табаком их не потчуют. Малахов и Репин в обоих сих укреплениях начальствующие просят помощи. Им послано с Кадыяка 10 человек, а более отделить не можно. Но что это? – Лишь умножение жертвы!” 37 Зимой 1804-1805 гг. на Медной реке погиб байдарщик Константин Галактионов; беспокойно было и в Проливах. Ново-Архангельску грозил голод и в нём с трудом могли набрать команду на судно “Юнона” для плавания за продовольствием на Кадыяк. Ни о какой карательной экспедиции в Якутат не могло быть и речи. С возмездия “бунтовщикам” Баранов перенёс всё своё внимание на помощь пленникам индейцев. Он принял переданные ему условия их освобождения и готовился переслать выкуп, одновременно оказывая давление на тойона Фёдора с тем, чтобы он отпустил хотя бы часть из них без всякой платы. 38 Однако вскоре произошли события, которые внезапно сорвали осуществление этих планов.

Слухи о захваченном тлухеди богатстве, равно как и известия о их слабости, побудили южных соседей Якутата попытаться отобрать у них эту добычу. Главную роль в походе сыграли акойские тлукнахади, одним из влиятельных вождей которых был Джиснийя (Честныга), – пожалуй, наиболее ловкий и изворотливый тлинкитский предводитель своего времени. В 1802 г. он атакует партию Кускова, угрожает Якутату; в 1803 г. враждебная активность Акоя заставляет Баранова подумывать о нанесении упреждающего удара, но в 1804 г. сын вождя оказывается среди тех “сыновей Тойонских”, которых “случайно захватил” А. А. Баранов 39 и Честныга тут же меняет ориентацию. Он присоединяется к походу против Ситки в качестве толмача-посредника и за оказанные услуги в конце августа 1805 г. получает из рук только что прибывшего в колонии Н. П. Резанова “медаль императорскую”. 40 Учитывая эти подробности биографии акойского тойона, А. В. Гринёв выдвинул предположение о том, что, возможно, “именно по просьбе А. А. Баранова Чесныга возглавил военную экспедицию акойцев на “мятежных” якутатских эяков.” 41 Подобную возможность не следует сбрасывать со счетов, однако необходимо иметь в виду, что в переписке Александра Андреевича с И. А. Кусковым сквозит явное недовольство действиями Джиснийи в Якутате. 42 Возникают в таком случае и некоторые затруднения с хронологией. О разгроме Якутата на Ситке стало известно только после возвращения с Кадыяка “Юноны” 12 ноября 1805 г., но подтверждения тому Баранов не получил ещё и в феврале следующего года. Н. П. Резанов писал директорам РАК 15 февраля 1806 г.: “Юнона привезла из Кадыяка крайне дурные вести... что колоши в Якутате всех Россиян, числом с жёнами и детьми в сорок человек перерезали и заняли крепость нашу... Бude слухи о Якутате справедливы, то... не знаем мы теперь, не истреблена ли и вся партия наших Американцев до 300 человек... ибо им мимо путь лежал.” 43 Тем временем, первый поход акойцев против тлухеди состоялся зимой, последовавшей непосредственно за уничтожением русского поселения, то есть зимой 1805-1806 гг., а готовиться к нему тлукнахади явно начали до того, как с Ситки к ним могли поступить какие-либо просьбы или требования. Для повторного же похода никаких особых подстрекательств и не требовалось: потерпев поражение, тлукнахади жаждали мести. Похоже, что вожди Акоя действовали самостоятельно и эти их независимые действия явно сорвали всякую возможность освобождения русских пленников за выкуп или при помощи дружественных предводителей куашкуанов. А. А. Баранов, судя по его письму к И. А. Кускову, посланному с Кадыяка уже летом 1807 г., был просто взбешён, получив известия о “безчестном поступке” Честныги, отнявшего русских пленников у Фёдора. 44 Дело их освобождения теперь необычайно затруднилось: прежних хозяев, людей тлухеди, более не существовало уже весной 1806 г., а невольники, сменив владельцев, оказались разбросанными по разным

селениям Аkoa и Якутата. Причиной всех этих неожиданных осложнений был поход против тлахаик-текуеди, организованный акойскими тлукнахади и их союзниками.

Индийские предания рассказывают, как Люди Серебряного Лосося (тлукнахади) “подняли различные племена и раздали им тинна-ятки (медные пластины)... Они уплатили им, чтобы они сражались за них.” 45 Против тлахаик-текуеди объединились воины семи кланов, среди которых называют куашккуан, коскеди, хаткаайи и дакудентан. “Жёны их говорили им перед выступлением: “Приведите детей пяти-шести лет и добудьте якутатские корзины, которые там делаются просто превосходно.” 46 Во главе похода, состоявшегося зимой 1805-1806 гг., стоял вождь тлукнахади Ку’эхих.

Союзному ополчению не удалось застать своих врагов врасплох – тлухеди успели укрыться за стенами Орлиной Крепости. “Зять мой, мы пришли угостить тебя черникой,” – крикнул Ку’эхих, подразумевая под этим пули. “Откуда принёс ты эту чернику? – в свою очередь прокричал ему Лушвак, – На какой войне добыл? Я взял свою чернику в русской крепости и она крупнее твоей. Сейчас мы накормим вас ею.” С обеих сторон поднялась пальба, но осаждённые недолго поддерживали перестрелку и вскоре укрылись в своих подземных убежищах. Тлукнахади, озадаченные молчанием форта, посчитали, что все защитники его уже убиты. Они проникли за частокол, приблизились к домам, влезли на крыши. Тогда-то затаившиеся тлухеди дали залп и вышли из своих тайников. Первого тлукнахади убил через щель в крыше Саден, племянник Лушвака. Сам Лушвак убил семерых. Защитники Чак-Ну одержали полную победу. Немногим пришельцам удалось выбраться из западни. Среди самих тлухеди, согласно преданиям, погиб лишь один человек – их шаман, и пал от случайного выстрела своего же сородича. В бою пал один из предводителей тлукнахади – вождь по имени Дехуду’у (Куплены Два Раба). “Довольно убивать, позволим им уйти”, – воскликнул, наконец, Лушвак. 47

Ещё два дня стояли тлукнахади за рекой на безопасном расстоянии от Чак-Ну. Они пытались получить назад тела своих погибших воинов. Однако Лушвак отказался выдать трупы. “Эти тела принадлежат орлам. Орлиные когти впились в эти мёртвые тела и их не вырвать оттуда”, – заявил он (в отличие от своих противников, тлухеди принадлежали к фратрии Волка/Орла). Затем трупы спустили в речную полынью. “Тлукнахади пришло сюда много больше, чем было текуеди в форте, но немного их ушло отсюда,” – подводит итог якутатское предание. 48 Воодушевлённые победой, некоторые из тлахаик-текуеди пустились даже преследовать отступающих врагов, но не преуспели в этом.

По весне обитатели Орлиной Крепости перебрались на побережье, расположившись лагерем в узкой долине Вуганийе. “Это было малое место со скалами вокруг, подобное ящику, и они построили здесь каменный форт с маленькими отверстиями для стрельбы... Они построили стену из камней поперёк устья долины, чтобы стрелять из-за неё.” 49 В промысловом лагере труднее было поддерживать постоянную боеготовность, однако Лушвак продолжал выставлять на ночь часовых и регулярно проводил занятия по стрельбе из ружей: “Когда мужчина стрелял, женщина была позади него. Он опускал пустое ружьё и поднимал другое, а она перезаряжала первое.” 50 В ружьях и порохе тлухеди явно не испытывали недостатка. Однако, в конце концов, бдительность тлахаик-текуеди ослабела и этим поспешили воспользоваться их мстительные враги, лазутчики которых постоянно следили за Вуганийе.

Ночью воины-тлукнахади ворвались в неохраняемый лагерь и устроили дикое побоище. Практически все обитатели стоянки были безжалостно перебиты. Бежать удалось немногим (среди них был Саден). Некоторых пощадили с тем, чтобы потом обратить в рабство. Лушвак, спасаясь бегством, “поднялся высоко в горы, куда никто не мог дойти. У него были пули в маленькой сумке, но он выронил их, когда уже почти достиг вершины утёса. Они выстрелили ему в ногу и он упал, скатился вниз, а они стреляли в него, пока не убили. Он не хотел жить, потому что мёртв был весь его народ.” 51

Тлахаик-текуеди практически перестали существовать, как отдельный род. Среди исторических преданий, опубликованных Р. Олсоном, содержится рассказ, который может послужить эпилогом ко всей этой истории. В нём говорится о десятилетнем мальчике, чьё “русское” имя было Дживак, а тлинкитское На’сни. Отцом его был русский, а матерью тлухеди. Пощадив при резне, тлукнахади продали его в рабство на Ситку, откуда он попал в руки вождя хуцновских дешитан Йэлнаву из Дома Ворона. Выкупить его было некому – род его матери погиб в

Вуганийе. Обращались с маленьким рабом плохо, ежедневно посылали ловить рыбу, часто били. Из-за этого он бежал на Ситку, укрылся в русской крепости, а когда вырос, то сумел занять видное место среди ситкинских тлинкитов, обвенчался по православному обряду с девушкой-киксади, а дочь свою выдал замуж за вождя. 52 Но немногим уцелевшим тлахаик-текуеди сопутствовала такая удача.

Одержав победу, тлукнахади захватили всё имущество побеждённых. В Куцах перешла и большая часть трофейного русского оружия, включая пушки. Акойцы не собирались возвращать Баранову имущества РАК. Более того, Джиснийя отобрал у нейтрального тойона Фёдора тех русских пленников, которых тот держал при себе в ожидании выкупа. В результате освобождение якутатских поселенцев затянулось на годы, несмотря на все усилия, прилагаемые А. А. Барановым.

Попытки добиться освобождения пленников и возврата потерянного в Якутате компанейского имущества не прекращались с того самого момента, как сорвалась возможность получить всё это за выкуп от тлукхеди или безвозмездно от куашккуан. Победа тлукнахади разом перечеркнула подобные варианты. Пришлось искать новые пути для достижения этой цели. Летом 1806 г. А. А. Баранов заручился ради этого поддержкой американского морского торговца капитана Оливера Кэмпбелла (судно “Павлин”), которому за помощь в деле освобождения пленных обещали выделить артель Алеутов для промысла калана. В сентябре 1806 г. Кэмпбеллу удаётся захватить у селения Какнау в проливе Кросс (Хуна-куан) известного акойского тойона Осипа и, взяв у него в аманаты племянника, добиться освобождения одного кадьяка и Алеутки. 53 Тогда же, согласно вполне достоверным сведениям, был освобождён и маленький креол Семён Лукин, будущий известный начальник Колмаковского редута на Кукоквиме. 54

Действуя через американских торговцев, Александр Андреевич в то же время не прекращал и переговоров с Джиснийей, сын которого по-прежнему находился среди заложников в Ново-Архангельске. Акойский тойон хитрил, пытаясь добиться наиболее выгодных для себя условий возвращения пленников. Возможно, он старался выторговать освобождение сына. Летом 1807 г. он вполне определённо обещал явиться на Ситку с удерживаемыми им якутатскими поселенцами и по этому поводу Баранов инструктировал И. А. Кускова: “Когда придёт [Честныга] с нашими пленниками, взять тех хитростью или силою, сказав, что он безчестен, отняв тех в Якутате насильно у старика [Яходакета] и Фёдора кои назначили [их] сюда отпустить... и притом держать два года.” 55 Однако Честныга так и не появился тогда в Ново-Архангельске.

Весной 1807 г. Компания купила у Генри Барбера его судно “Мирт” (Myrtle) и, переименовав его в “Кадьяк”, отдала под командование штурману Н. И. Булыгину, которого направили на Ситку. С ним А. А. Баранов передал Кускову свои соображения относительно нового плана спасения пленников. Он советовал по прибытии “Кадьяка” послать в Якутат под видом иностранного торгового судна “Александра Невского” с командой из англичан, “добавя русских не более 8 человек” (в письме первоначальная цифра 6 исправлена на 8) и взяв на борт толмача. Затем следовало “остановиться под Долгим островком на той Якутацкой бухте, выпалить раза три для созыву колош и буде придут, торговать одним сукном... не показывая ничево другога, как и русских, и когда дадутся в обман взойдут на судно захватить всех без разбору: кроме Старика да Фёдора, буде попадутся тогда уже отпустить, когда доставят всё наличное у него, Старика, и братьей в руках пушки, ружья, снаряды и что ещё найдётся вытребовать.” 56

Кусков постарался, по мере возможности, исполнить этот замысел. Вместо “Александра” в Якутат был отправлен “Кадьяк”, который, прибыв на место, поднял иностранный (английский?) флаг. Иван Александрович, вероятно, рассчитывал на большой успех обмана, если в нём будет участвовать недавно купленное британское судно, а не знакомый тлинкитам по походу 1804 г. “Александр Невский”. Однако, даже это не сразу преодолело недоверчивость якутатских вождей: они не спешили прибыть на судно, но “для разведывания посылали на ботах девок.” У Булыгина не хватило терпения и при первом же удобном случае он захватил двух индейцев, через посредство которых и завязал переговоры с вождями. Один из тойонов, “который уверял, что не был участником в истреблении заселения”, согласился, по утверждению К. Т. Хлебникова, 57 выдать жену Ларионова с двумя сыновьями и “ещё двух женщин с детьми”. Но реально супруга главы якутатских промышленных, её третий сын и прижитая в плену дочь Пелагея продолжали оставаться у индейцев (сын бежал на Ситку лишь около 1819 г.,

когда ему грозило быть умерщвлённым на потлаче). 58 Булыгин требовал также возврата пушек и другого компанейского имущества из разорённой крепости. Но на это “тоён отзывался, что все [пушки] развезены по разным жильям далеко и не могут быть скоро собраны; о прочем имуществе сказал, что оно также разделено многими, и доставил только бесполезный для себя ящик с бумагами.” 59

Ф. де Лагуна соотносит с этой экспедицией тлинкитское предание о смерти Тануха, добровольно взошедшего на борт русского корабля. 60 Однако, это маловероятно, поскольку Н. И. Булыгину не удалось захватить ни одного вождя (не говоря уже о столь видной фигуре, как виновник гибели Якутата); кроме того, в таком случае датировка войны между тлухеди и тлукнахади отодвинулась бы к зиме 1807-1808 гг., что противоречит тому же индейскому преданию, на котором основывается Ф. де Лагуна: там прямо говорится о том, что война эта последовала непосредственно за разгромом русской крепости, а гибель Тануха приходится на период между этими двумя событиями. Помимо того, Ф. де Лагуна ошибочно полагает, будто “Кадыяком” в этом плавании командовал сам его прежний капитан Генри Барбер.

А. А. Баранов не был вполне удовлетворён результатами действий Н. И. Булыгина. Он считал, что не были до конца использованы все, имевшиеся в его распоряжении, возможности – не было пленено ни одного вождя или родственника влиятельных людей Якутат-куана, потеряно безвозвратно оказалось всё компанейское имущество и артиллерия. Досада Баранова была тем большей, что ему стало известно о том, что одновременно с Булыгиным в Якутате находился и неуловимый Джиснийя. В письме от 24 марта 1808 г. Александр Андреевич излагал Кускову своё мнение о результатах экспедиции на “Кадыяке”: “Жаль только, что тарапливо поступлено и не возвратили наших пушек и прочаго в наличии ещё состоящего: они было уже пошли на обман по скаскам прибывших сюда почти за европейское судно... и Чесныга был тогда там же, у коего посельщица, а Филсов помер – и таперь он [Чесныга] опасается быть у вас в Ново-Архангельске и чаятельно, что ни кто из них [не явится] после бою с якутацкими и отнятия многих наших вещей, а потому и аманат высылать к нам нынешний год [он] не думал.” 61

Однако, в конечном итоге, вероятно к 1809 г., 62 почти все пленники, кроме жены С. Ф. Ларионова с её младшим сыном и дочерью, были освобождены, хотя часть их, как упомянутый ранее Филсов, умерли в плену. Но само поселение в Якутате так никогда и не было возобновлено; понесённые РАК материальные и моральные утраты так и остались невосполненными. Помимо прочих последствий якутатской катастрофы, К. Т. Хлебников отмечает и то, что “сие несчастье остановило успехи промышленности, и в 1806 г. не было отряда из Ситхи.” 63 А тем временем именно здесь, на Ситке и в Проливах, решался исход противостояния РАК и тлинкитов и у Баранова на счету был каждый человек. 64

Тлинкиты упорно не желали складывать оружия. Положение русских на Ситке оставалось весьма шатким, а морской промысел день ото дня становился всё опаснее. Индейцы могли ещё смириться с утверждением пришельцев в крепости на месте родового гнезда киксади, но не с проникновением чужаков в их заповедные охотничьи угодья. Уже в 1805 г. тлинкиты чинили “беспрестанные препятствия” партии И. А. Кускова в Кековской бухте и в Хуцновском проливе, а Н. П. Резанов по свежим впечатлениям от быта колоний сообщал директорам РАК: “Они вооружены от бостонцев лучшими ружьями и пистолетами и имеют фалконеты. Всюду в проливах выстроили крепости... Произведенное уже единожды Американцами зверство научило всех крайней осторожности. Пушки наши всегда заряжены, везде не только часовые с заряженными ружьями, но и в комнатах у каждого из нас оружие составляет лучшую мебель. Всякую ночь по пробитии зори сигналы продолжают до самого утра, ходят дозоры по всем постам, словом: вся военная дисциплина и мы всякую минуту готовы принять дорогих гостей, которые пользуясь ночью темнотою и ненастьями привыкли делать нападения свои... Есть много тысячных в проливах жила, которых хотя и кажут вид спокойный, но не дают ещё аманатов.” 65

Ново-Архангельск находился, по сути дела, на осадном положении. Население его страдало от болезней и нехватки продовольствия. В письме от 15 февраля 1806 г. Н. П. Резанов описывает промышленных “от скверной юколы смертной болезни подвергающихся, как тени усопших бродящих”, и приводит в пример работника, который, “видя Компанию не в силах подать ему помощи и потому не ожидая оной, ищет... её где либо нибудь и увидев у Американца пойманную для себя рыбу, с радостью отдаёт за кусок оной платье, рубашку, словом

ничего не щадит... Потом едва не нагой идёт на работу счастливым себя почитая... Мы все здесь живём на берегах Стикса и ожидаем перевозок,” – меланхолично заканчивает он своё описание. 66 В другом месте раскрывает Резанов и причины столь бедственного положения: “Хлеба нет, а на Ситхе с голоду умирают, потому что у колошей, прекрасными ружьями и фальконетами вооружённых, беспрестанная война и рыбу там ловить можно под выстрелами.” 67 За зиму 1805-1806 гг. в Ново-Архангельске умерло от цинги 17 русских, а 60 человек было приковано болезнью к постелям. “Американцы наши [кадьякцы и Алеуты] были также одержимы сею болезнью и много умерло,” – отмечает далее Резанов. 68

Наконец, 22 марта 1806 г. начался нерест сельди и в крепости появилась свежая пища. Однако весна принесла также и новые заботы, новые опасности: для промысла сельди в окрестностях Ново-Архангельска скопились массы тлинкитов. “Пожаловали сюда, – сообщает Н. П. Резанов, – Колоши числом более тысячи человек; некоторые были с ружьями, осторожности против них были удвоены.” 69 Напряжённую обстановку несколько разрядило появление американского судна “О’Кейн” под командованием Дж. Виншипа. Этот морской торговец, “как старый г. Баранову приятель”, постарался облегчить положение колонии: он “отказал колошам с собою в торговле и дав им почувствовать дружеские с Правителем сношения, принудил чрез то всех скорей разъехаться по проливам. Благодаря Бога, что в самое малолюдство не отважились они сделать решительного покушения.” 70

Ситуация на Ситке мрачной зимой 1805-1806 гг. казалась столь безысходной, что Н. П. Резанов и его спутники, возвращаясь 8 июня 1806 г. из Калифорнии, “пришли в сомнение” относительно самого существования Ново-Архангельска. Имея на борту “Юноны” “добрых 10 пушек”, они изготовились уже к бою на случай индейского нападения и лишь появление компанейской байдары рассеяло их беспокойство. 71

Тлинкиты упрямо не оставляли попыток изгнать русских со своих земель и вновь взялись за оружие, едва сгладило первое впечатление от похода Баранова, а весть о гибели Якутатской крепости распространилась повсеместно.

В первых числах июня 1806 г. Ново-Архангельск был встревожен появлением в заливе каноэ, в котором сидело 14 индейцев, по мнению Резанова “сущих с вида разбойников”. Колоши обошли “все водворения наши”, пишет он далее, а затем, “с буйными и громогласными песнями”, пристали к берегу у самого заселения. При этом индейцы внимательно присматривались к русским постройкам, к самой крепости и путям подхода к ней. В то же время от живущей в Ново-Архангельске индеанки было получено предостережение о готовящемся нападении. К предупреждению отнеслись со всей должной ответственностью. Срочно были приняты меры по укреплению обороны: всего за четыре дня всю крепость обнесли новым мощным частоколом “и столько же огородились под горою”. Стена была закончена как раз к приезду очередного соглядата. им оказался “тойон так называемой Жирной [Схатес Толстый?]... который считался нам приверженным.” Он прибыл в сопровождении 12 человек “и говорил здесь речь, что лишась многих родственников сердце его подавлялось горестью, но находит теперь отраду [в том] что прекрасное место родины его процветает и так величественно украшается. Краснобай сей просился в крепость, но не был впущен. Погостя три дни уехал он обратно.” 72 17 июня, подпоив несколько индеанок, “родственниц девкам нашим”, в крепости узнали причину столь частных наездов неожиданных гостей: “Чилхатские, Хуцновские и Акойские народы соединились с Ситкинцами числом до 3 000 чтоб сделать на нас нападение и посылали тойона осмотреть и заметить ещё силы наши... Нападение было разположено сделать днём потому что люди наши развлечены работами. Они положили в одно время ударить в три пункта; в лес на рабочих, на эленг отрезать мастеровых и жечь судно и в то же время третьему отряду броситься на ботах и овладеть крепостью. Ночью посылали они лесом людей, которые взлезши на деревья смотрели не оплошны ли наши часовые, но слыша беспрестанные сигналы уверили их о осторожности.” 73 Известия, привезённые Жирным, расстроили все планы. По сведениям полупьяных индеанок, “старшины и предводители разных народов передрались между собою с досады, что пропустили удобное время и разъехались по проливам.” Однако, верить этому последнему известию в Ново-Архангельске не спешили, тем более, что следовавшие события не давали к тому никаких поводов.

26 июня один из больных цингой вышел из крепости “попользоваться воздухом” и сажень в ста от берега заметил залёгших в траве двух индейских воинов с ружьями. Поспешно вернувшись в крепость, промышленный поднял тревогу и в лес был послан отряд в 40 человек “чтобы отхватить передовых удалцов сих.” Однако индейские лазутчики успели скрыться в чащобе, а русский отряд на обратном пути “видел многие следы на траве и преследуя нашел, что речка [Колошенка, ныне Indien-River] вброд перейдена и пройдено падью между гор, куда уже они пуститься не смели.” 74 Этот случай ясно показал, что тлинкиты не оставили планов уничтожения Ново-Архангельска и их вооружённые отряды кружат в его окрестностях, выжидая удобного случая для нападения. Чтобы предотвратить возможную атаку, был “умножен на горе кордон”, а на эленге установлены пушки.

Тлинкиты же продолжали навещать русское заселение, прибывая группами по 10-15 человек и осматривая при этом “пристально укрепления наши”, как отмечал наблюдательный Н. П. Резанов. Поселенцам приходилось постоянно держать оружие наготове: “На эленг не иначе ходят, как с заряженными ружьями так как и в лес для рубки бревен и жжения угля и для всех работ берутся равная предосторожности.” 75 Не принесли успокоения и новости, доставленные на Ситку в начале июля американским капитаном Брауном с судна “Ванкувер”. Он сообщил, “что нигде в проливах как ни многолюдны жилы не видел он мужеска пола, ни в Хуцнове, ни в Чилихате. Многие из тамошних и Ситкинских старшин как слышно отправились в Кайганы уговаривать и их в долю на приз Ново-Архангельска, убеждая что буде не помогут они истребить нас, то мы и в Кайганах водворимся.” 76 Ситуация слишком напоминала 1802 г. и всякая мелочь казалась зловещим предзнаменованием. Когда четыре индейца в каноэ приблизились для торга к “Ванкуверу”, Н. П. Резанов тотчас резко заявил капитану Брауну, “что под своими пушками мы этой наглости ему не позволим.” Возможность антирусского союза колошей и иностранцев, при всей своей маловероятности, оставалась постоянным кошмаром администрации РАК и лично Резанова. Когда же чуть позже в крепость “погостить” прибыли пятеро тлинкитов с шестью своими женщинами, то Баранов не преминул воспользоваться случаем, чтобы лишний раз попытаться проникнуть в замыслы индейцев: “Александр Андреевич залуча их удерживает [как потенциальных заложников на случай поимки собственных лазутчиков – Авт.], а между тем послал своих в крепость к ситкинцам разведать.” 77

Лето 1806 г. выдалось настолько горячим, что Н. П. Резанов в письме к директорам РАК от 2 июля, не сдержавшись, взывает к ним с неподдельным отчаянием: “Бога ради приступайте скорее к подкреплению края людьми. Испросите у Государя из Иркутского гарнизона 25 рядовых с барабанщиком и нижними чинами с одним офицером, который мог бы из сержантов заступить, это можно, лишь бы трезвый и добрый человек был, и 25 или 30 ссыльных и отправить их сюда первым транспортом.” 78 На Резанова, как и на прочих колонистов, особенно угнетающе действовал факт отличного вооружения “дикарей”, а потому он настойчиво просил и Главное Правление, и лично министра коммерции Н. П. Румянцева позаботиться о доставке оружия, в частности мортир, с помощью которых можно было бы успешно штурмовать тлинкитские крепости: “Одна бомба к ним брошенная понизила б гордость народов сих, которая выстроив из мачтового в три ряда лесу крепости и имея лучшая ружья и фалконеты считают себя непобедимыми.” 79

30 сентября 1806 г. А. А. Баранов покинул Ситку, оставив заселение на попечении И. А. Кускова, своего ближайшего сподвижника. Ивану Александровичу пришлось столкнуться с немалыми трудностями, управляя “пьяной республикой”, как именовал Ново-Архангельск в одном из своих писем Н. П. Резанов. Хотя Кусков, благодаря ходатайствам Баранова и Резанова, и получил золотую медаль на Владимирской ленте и звание коммерции советника, в столкновениях с буйными промышленными и своевольными морскими офицерами ему не раз приходилось не только выслушивать откровенную брань в свой адрес, но и пускать в ход кулаки ради самозащиты. 80 Сама личность Ивана Александровича вызывала у современников противоречивые оценки. Н. П. Резанов отзывался о нём в самых лестных выражениях, отмечая “способность, его бескорыстие, предприимчивость и опытные сведения”, а также трудолюбие и “честные правила”. 81 Куда более резок в своих суждениях Г. фон Лангсдорф, полагавший, что Резанов был чересчур доверчив по отношению к “какому-то прикащику К..., двуличному и бесчувствительнейшему человеку, до безнравственности которого не достигают даже личности, созданные Шекспиром.” 82 Но каковы бы ни были моральные качества Ивана Александровича, можно вполне согласиться с Резановым в том, что на доверенном ему посту правителя Ново-Архангельска (как,

позднее, и в калифорнийском селении Росс) он был тогда действительно незаменим. Тотемский мещанин стал в Америке не только зверобоем и путешественником, но ещё дипломатом и воином. Ему приходилось не только держать в повиновении алеутских партовщиков и отражать нападения индейцев, но и путём различных уловок добиваться своего на переговорах с искушёнными в красноречии тлинкитскими вождями, а позднее и с чиновниками испанских колоний. Стремление достичь преимуществ на этом поприще и привело его, вероятно, к браку с знатной индеанкой, происходившей, по косвенным данным, из племени цимшиан или белла-белла. 83 В крещении она была названа Екатериной Прохоровной. По свидетельству очевидцев, Кусков “сам рассказывал неоднократно, что поступил так по политическим видам... все народы, обитающие вплоть до Нутки, приезжали к нему с почтением, привозили разные провизии, а жене его, одноземке своей, доставляли всякий раз значительные подарки.” 84 Первый биограф Кускова, вологодский краевед Е. В. Кичин, сообщает также, что индейцы не раз собирались убить Ивана Александровича и что “спасением от таких злоумышлений он обязан своей жене.” 85

Весной 1807 г. тлинкиты, “собравшись из Чильхата, Стахина, Хуцнова, Акоя и других мест, под предлогом промысла сельдей”, как и в минувшем году наводнили Ситкинский залив. Заняв мелкие островки, во множестве усеивающие бухту, они “сим положением стращали и угрожали осаждённых.” 86 Союзные силы насчитывали около 2 000 воинов на 400 боевых каноэ. Им удалось захватить нескольких Алеутов, которых пытались склонить к измене, обещая сохранить им жизнь и даже наградить, если они окажут помощь в захвате русской крепости. Однако пленникам этим, судя по всему, удалось бежать. Особенно ободряло индейцев отсутствие в Ново-Архангельске “уважаемого и страшного для них Баранова”. Жившие в крепости “колошенские девки” привлекались тлинкитами для сбора сведений о противнике: навещавшие их родственники осведомлялись у них при встрече “о числе... людей и силе крепости.” Фактически перекрыты были все пути снабжения Ново-Архангельска продовольствием – рыболовецким артелям было небезопасно выходить на промысел.

И. А. Кусков не имел в своём распоряжении достаточно сил, чтобы открыто выступить против осаждающих, но он быстро нашёл выход из создавшейся ситуации, решив внести раскол в ряды врага. Зная, что “Колошами весьма уважается Чильхатский Тоён”, Кусков приглашает этого вождя в крепость, чтобы “употребить его посредником или склонить на свою сторону.” Чилкатский предводитель прибыл в Ново-Архангельск со свитой из 40 человек и в его честь было устроено празднество по типу индейских потлачей. “Гостей сих Кусков честил, ласкал, одаривал и сими средствами склонял удалиться от крепости, дабы избегнуть как говорил он им, и подозрения на их род всегда дружественный, в дурном намерении, о коем носятся слухи.” 87 Польщённый оказанным почётом, чилкатец подтвердил свои миролюбивые намерения в отношении русских, самого Кускова назвал своим другом и вскоре “со всею своею командою удалился от крепости.” Дипломатия Ивана Александровича увенчалась полным успехом. Уход воинов Чилката и примирение их вождя с русскими вызвало замешательство среди союзников (“по силе своей сей Тоён составлял и главную надежду других Колош”, как отмечает К. Т. Хлебников). Ополчение распалось, военные отряды разъехались по Проливам, Ново-Архангельск вновь был спасён от казавшейся неизбежной гибели.

Хотя дипломатия И. А. Кускова и отвела непосредственную угрозу существованию ситкинской колонии, опасность не была полностью устранена, а тлинкиты продолжали оставаться главным источником этой опасности. Поселенцы с подозрением относились даже к находившимся в их руках индейским заложникам. А. А. Баранов в своём письме к И. А. Кускову летом 1807 г. советовал “поберечь их строго”, не позволяя аманатам “по прежнему разгуливать и разсматривать укрепления.” 88

В Проливах же ситуация для русских складывалась столь неблагоприятно, что ради собственной безопасности им приходилось выдавать себя за иностранцев. В том же письме, говоря об отправке на юг для ведения торговли и промысла судна “Александр Невский” под командованием штурмана В. П. Петрова, Баранов рекомендует: “На обратном пути могут побывать и в Кайганах познакомиться с тамошним тайоном Кау под именем своим росиян, а ежели будут в Кеках, Кую, Хуцноу, Кокноу и Аку, то скрыть российской флаг и людей наших действовать под иностранными видами.” 89 Таким образом, можно с полным основанием отметить, что даже после развала весенней коалиции целый ряд куанов (Кэйк-Кую, Хуцнуву, Аку и Хуна) продолжал оставаться на откровенно враждебных позициях по отношению к РАК, угрожая нападениями даже на компанейские корабли.

Враждебность тлинкитов не утихала, но пункт, избранный ими для противостояния РАК, сместился. После неудачной осады 1807 г. индейцы перенесли свою активность с Ситки в Проливы – ближе к собственным промысловым угодьям. Главным объектом их нападений, взамен неприступного Ново-Архангельска, стали гораздо более уязвимые промысловые партии РАК. Тлинкиты сменили тактику и, перейдя к защите своих клановых территорий, тем самым примирились с фактом присутствия русских в их стране.

Летом 1807 г. партия Д. Ф. Ерёмина в 75 байдарок была направлена Кусковым на промысел “с намерением пробраться в Кайганы” (к этому походу, вероятно, относится и упомянутое уже письмо Баранова). Однако, “получив сильное препятствие от колош”, партовщики вернулись на Ситку “с малым приобретением”. 90

В 1808 г. промысел вёлся под прикрытием судна “Николай” под командованием Х. М. Бенсемана, а для торговли с тлинкитами в Проливы был послан Н. И. Булыгин на “Кадьяке”. В результате “партия упромыслила до 1 700 шкур, но мены никакой не могли иметь, потому что колоши не хотели продавать своих бобров.” 91

В 1809 г. партия под началом И. Куглинова (племянника А. А. Баранова), хотя и действовала под прикрытием шхуны “Чириков”, но спокойно вести промысел не могла, “имея повсюду препятствия от колош.” 92

В 1810 г. партия во главе с самим И. А. Кусковым промышляла в районе о. Дандас – у южных пределов страны тлинкитов между угодьями куана Тонгасс и владениями береговых цимшиан. Для прикрытия её действий и для торговли с индейцами была выделена “Юнона” под командованием Х. М. Бенсемана и привлечён американец Дж. Виншип на бриге “О’Кейн”. Промысел партия вела “будучи беспрестанно угрожаема колошами”. Более того, по сведениям К. Т. Хлебникова, американец Сэмюел Хилл (Гель в русском произношении), капитан судна “Выдра” (Otter), “явно оказывал неудовольствие и угрожал г. Кускову, что при случае они [сам Хилл и другие морские торговцы – Авт.], соединясь с колошами, употребят все меры воспрепятствовать [русскому промыслу]; и в самом деле, в одно время множество батов с вооружёнными людьми окружили оба наших корабля, и Гель на своём судне лавировал поодаль, будучи в готовности им содействовать. Избегая неприятностей, г. Кусков решился отойти оттол, потеряв уже при разных случаях убитыми 8 человек Алеут. И на обратном походе своём... везде находил исправно вооружённых колош, готовых при малейшей оплошности сделать нападение на отряды.” 93 Записи о встрече с русской флотилией имеются и в бортовом журнале “Выдры”, однако там ни слова не говорится о подстрекательской деятельности капитана Хилла:

“24 мая 1810 г. После полудня замечены два судна, стоящие на якоре в 10 милях к северу от [устья реки] Скина. Это оказались корабль “Окейн” бостонского капитана Виншипа, другой был русским судном “Юнона”, оба с Шитги [Ситки] со 180 байдарками и 350 индейцами-канаактами [кониагмиуты, кадьякцы] для забоя морских выдр, отчего может быть большой вред другим кораблям [автор записи явно подразумевает тот ущерб, какой русский промысел может нанести его собственной торговле -Авт.].

29 мая 1810 г. “О’Кейн” и “Юнона” отбыли, как мы полагаем к Порт-Эссингтону, индейцы не позволили им остаться на прежнем месте, за несколько ночей до их ухода убили 3 их канаактов, отрезали им головы и унесли их, как трофеи своей удачи.” 94

О происходившем в промежутке между 24 и 29 мая бортовой журнал умалчивает, хотя именно тогда должна была состояться встреча Хилла с Кусковым, Виншипом и Бенсеманом, на которой капитан “Выдры” дал понять компанейским мореходам о своих намерениях. Индейцы, атаковавшие партию Кускова, скорее всего были воинами-цимшиан – именно это племя населяло о. Дандас и устье Скина-Ривер. Оно было связано с тлинкитами тесными родственными узами; цимшиан рассматривали тлинкитов, как своих “младших сестёр” и участвовали ещё в боях 1802 г. В данном случае, защищая свои промысловые угодья, цимшиан выступали в то же время и как союзники тлинкитов.

Капитан В. М. Головнин был свидетелем возвращения “Юноны” и партии Кускова в Ново-Архангельск 3 августа 1810 г. Он сообщает, что партовщики “с дикими американцами имели... сшибки, в которых несколько промышленных было ранено; один из них получил рану в руку, для излечения коей необходимо нужно было лекарское пособие, а могло случиться, что и отнять руку понадобилось бы.” 95 По просьбе А. А. Баранова

раненого доставили на борт судна Головнина и доктор Бранд оказал ему требуемую помощь – “рана его была очень опасна и без помощи лекаря, конечно была бы причиной его смерти.”

Поход И. А. Кукова к Дандасу был последней попыткой РАК в прежних масштабах вести промысел в стране тлинкитов: “После сего отправления не было уже отрядов по проливам, – подводит итог К. Т. Хлебников, –... открылась новая дорога к бобровой промышленности по берегам Калифорнии.” 96 С тех пор промысел вёлся лишь в ближайших окрестностях Ситки – в 1815 г. там было “упромышлено 276 бобров и 73 кошлока”, а в 1816 г. – всего 63 шкуры. 97 В Проливах же Компания теперь пыталась следовать примеру своих конкурентов и переходила к торговле с индейцами. Так, в том же 1815 г. в Проливы специально для торговли было направлено судно “Открытие” под командованием лейтенанта Я. А. Подушкина, которое вернулось с грузом в 486 шкур калана. Следует отметить, что даже это торговое плавание не обошлось без столкновений с тлинкитами. Команда держалась в постоянной готовности к отражению внезапного нападения – палубу защищали абордажные сети, на баке устанавливались заряженные картечью орудия, матросов вооружали ружьями и пистолетами. Несмотря на все предосторожности, когда штурман судна сошёл на берег собирать ягоды, тлинкиты захватили его и, приставив к груди моряка кинжалы, потребовали от Подушкина выкуп – половину всего груза “Открытия”. В ответ лейтенант заманил себе на борт двух вождей Хайда с островов Королевы Шарлотты, состоявших, видимо, в родстве с враждебными тлинкитами. Штурман был освобождён в обмен на этих заложников, а затем Подушкин приказал “стрелку своему Зензину застрелить тойона, его захватившего, который тогда весьма близко на берегу сидел, но, к несчастью, винтовка осеклась”. 98

Именно сопротивление тлинкитов заставило Компанию сменить ориентиры и искать новые промысловые угодья и новые подходы к своим индейским соседям. Баранов отмечал в письме к Кукову от 20 января 1811 г., что поскольку “близкие и окружные места учинились ненадёжными и опасными для промысла”, то становится необходимым “устремить внимание на дальние... то есть Альбионские берега, где и народы миролюбивые” 99 (имеется в виду Новый Альбион, то есть побережье Калифорнии). Проиграв в битве за Ситку, тлинкиты выиграли противостояние в Проливах.

Перенос основной тяжести борьбы в Проливы, впрочем, вовсе не означал полного мира и спокойствия на Ситке. Тлинкиты постоянно, как писал позднее П. А. Тихменев, “не подавая... предлога к явной вражде... грабили и убивали, в особенности при переездах, служителей компании по проливам и виновники таких поступков всегда умели так ловко их скрывать, что, несмотря на тщательные разыскания, никогда почти не были уличаемы и дело оканчивалось единственно переговорами с их тоёнами и бесплодными уверениями последних в прекращении неприязненных действий на будущее время.” 100 Один такой инцидент, произошедший в июне 1815 г., описывает в своём дневнике д-р Е. Н. Шеффер, известный герой гавайской авантюры РАК. Он сообщает, что индейцы имели обыкновение нападать на русских женщин (скорее всего Алеуток), собиравших ягоды на островке напротив самого Ново-Архангельска: “Когда г. Баранов услышал об этом, он послал ночью на остров вооружённых людей, а женщинам велел держаться днём сообща и спокойно продолжать собирать ягоды. Если Колоши вновь потревожат их, то им следует вопить так громко, как только они могут. План был хорош, а выполнение его ещё лучше. Ожидаемое свершилось; Колоши напали на русских женщин, которые подали сигнал. Вооружённые люди выбежали из своих укрытий; часть их захватила шесть лодок, а прочие занялись индейцами и доставили их всех в крепость.” У пленников обнаружили ружья, порох и пули. При допросе пленников выяснилось, что оружие и боеприпасы они получили у американского капитана Уильяма П. Ханта и, более того, что даже русские офицеры с судна “Суворов” скупали меха у тлинкитов в обход компанейских правил. Всё это стало причиной бурных разбирательств между А. А. Барановым, Хантом и лейтенантом М. П. Лазаревым, командиром “Суворова”. Снабжение тлинкитов оружием пугало Александра Андреевича и опасения его не были беспочвенными: ещё в 1813 г., согласно сведениям П. А. Тихменева, ситкинцы, запасшись оружием и установив связи с другими куанами, вновь замыслили напасть на Ново-Архангельск. Однако заговор этот был своевременно раскрыт А. А. Барановым и “остался без последствий” благодаря принятым вовремя мерам предосторожности. 101

В 1818 г. получил отставку и отбыл из колоний на судне “Кутузов” главный правитель российских владений в Америке Александр Андреевич Баранов. Перед отъездом он встретился со своими старыми противниками,

тлинкитскими вождями, собравшимися в Ново-Архангельске для прощания с ним. Красочно описал эту встречу американский биограф Баранова Гектор Шевиньи:

“Их лица были раскрашены тотемными символами их кланов, шерстяные тоги с бахромой были по-римски наброшены поверх их могучих плеч, густые чёрные волосы были расчёсаны в длинные пряди и посыпаны гусиным пухом, а с собой они принесли ивовые прутья в знак миролюбивых намерений... Они сели на пол, сохраняя молчание. Наконец Котлеан промолвил:

“Мне сказали, что ты идёшь повидать императора.”

Баранов кивнул и вновь наступило долгое молчание.

“Мы ненавидели тебя, – сказал Котлеан, – ты выбил наш куан из его дома. Ты покарал наш народ. Ты отнял у нас нашу торговлю. Четырнадцать лет мы готовили месть.”

На время вновь воцарилось молчание.

“Теперь, однако, мы все уже старики, стоящие на пороге смерти. Позволь нам быть братьями.” Вождь Аука ворчанием выразил своё согласие с этими словами.

“Некогда я пришёл сюда, на Ситку, пришёл с миром, как и в Якутат, – отвечал Баранов, – и предложил продать мне небольшой участок земли, чтобы там жить. Вы нарушили своё слово и убили моих людей. Но, как видите, мы все теперь стары. Мы можем скоро умереть. Молодые не должны помнить нашу ненависть. Мой зять останется здесь, как Нанук. Пошлите ему медные щиты дружбы и мира. Я не хочу говорить о вас императору ничего, кроме хорошего.”

Молча выслушав его, вожди согласились с ним.

“Теперь я дам вам подарок, – сказал в заключение Баранов и вручил старым дикарям кольчугу, присланную в колонии много лет назад. – Вы часто удивлялись, отчего ваши стрелы не могут убить Нанука. Вот то, что делало его неуязвимым.” 102

Кольчуга Баранова, как великая ценность, передавалась по наследству в роду тойонов Аук-куана, а после смерти её последнего обладателя в начале XX в. была передана в Национальный Музей США в Вашингтоне. Это произошло благодаря стараниям известного аляскинского краеведа, православного священника Сергия Костромитинова. 103

Сам же Александр Андреевич так и не “повидал императора” – он умер 16 апреля 1819 г. на борту “Кутузова” при прохождении Зондского пролива и тело его было опущено в море. После его отставки в 1818 г. колониями управлял капитан “Кутузова” Л. А. Гагемейстер, а после отбытия его в Россию пост главного правителя занял зять Александра Андреевича капитан-лейтенант С. И. Яновский. С тех пор назначение на эту должность морских офицеров стало правилом, которого руководство РАК придерживалось до самого конца существования Русской Америки, в истории которой Александр Андреевич оставил столь глубокий след. “Гений, пронизательность, твёрдость характера, бескорыстие были отличительными чертами Баранова, – писал спустя десять лет Ф. П. Литке, – Со средствами совершенно ничтожными, с людьми, более способными разрушать, нежели основывать сообщества, принужденный остерегаться столько же своих, сколько туземцов... бороться на каждом шагу с препятствиями и недостатками, оставаясь по нескольку лет не только без пособий, но даже и без известий из России, – Баранов учредил и распространил в этом крае промыслы и торговлю в столь обширном размере и на столь прочном основании, что, хотя многие подробности требовали впоследствии улучшений и перемен, но существо операций остаётся и теперь, как было при нём. Только человек, соединявший в себе достоинства, – я даже сказал бы: и недостатки, – Баранова, мог совершить это с таким успехом. Но меры, которые он для достижения этой цели должен был принимать, часто тяжело ложились на жителей, и это вред, неразлучный со всякой колонизацией.” 104

С отставкой и смертью А. А. Баранова уходила в прошлое целая эпоха, но отголоски её ощущались ещё долгое время. Одним из таких отголосков была постепенно затухавшая индейская война, отдельные вспышки которой последовали сразу вслед за уходом Баранова. Причиной тому были попытки новых руководителей колоний отойти от курса, принятого Барановым в последние годы его власти, а в первую очередь – попытки возобновления промысла в Проливах.

Ряд стычек с индейцами последовал уже летом 1818 г. В. М. Головнин отмечал, что в июне “колюжи верстах в 3-х или 4-х от крепости убили двух промышленников, которые ходили туда рубить нужное им дерево и были снабжены ружьями.” 105 Вероятно, эти промышленные нарушили границы клановых угодий, зайдя за ту невидимую черту, которая отделяла эти территории от участка, уступленного, по мнению тлинкитов, русским. Тем же летом Л. А. Гагемейстер предоставил артель Алеутов в 44 байдарки французскому судну “Борделе” для совместного ведения промысла. 106 Во главе партовщиков стоял кадьяхский тойон Наккан (в крещении Егор). Кадьяхцы не хотели идти в опасные воды страны тлинкитов на том основании, что “свирепый народ колоши столь многих из них перебил.” 107 Но компанейские власти и командир “Борделе” лейтенант Камилл де Рокфейль уверили их, будто промысел будет вестись на некоем необитаемом острове. Однако вместо этого кадьяхцы были доставлены в окрестности о. Принца Уэльского – “место... называемое американцами по-колошенски Непада... в бухте по южную сторону Cap Pele”. 108 Тут, в “бухте Кутмик”, по просьбе компанейского приказчика партия остановилась на отдых для просушки байдарок и тут же она подверглась внезапному и жестокому нападению тлинкитов. При этой атаке едва не погиб и сам командир французского судна К. де Рокфейль.

Лейтенант позднее вспоминал, что 18 июня, когда он наблюдал за приливом, находясь на берегу близ лагеря партовщиков, до слуха его вдруг донеслись звуки выстрелов: “Сперва я полагал, что Алеуты упражняются в стрельбе в цель из пистолетов, которыми каждый из них был снабжён [для защиты от индейцев], но вскоре я убедился, что это были ружейные залпы... вид бежавших и спасавшихся Алеутов побудил меня... подумать о собственном спасении. Я кричал шлюпке, которая привезла меня на берег и не успела ещё достигнуть судна, чтоб она воротилась. Но мой голос был заглушён в общей суматохе. Я махал платком, но видел, что это тщетно, я разделся, взял часы в зубы и бросился вплавь. Одновременно судно открыло по туземцам огонь и отправило по направлению лагеря баркас... Когда мне удалось взойти на баркас, из семи его гребцов четыре были ранены... Судно между тем продолжало стрелять по туземцам, которые, спрятавшись в кустарники, не переставали стрелять из ружей. В продолжении всей ночи с судна делали по пять-шесть выстрелов в час.” 109 В результате нападения было убито 20 кадьяхцев и 3 женщины, несколько партовщиков пропало без вести – вероятно, были захвачены в плен. По словам Наккана, “число убитых составило почти всю их партию”. Промысловикам пришлось “возвратиться назад без всякой пользы.” 110 После возвращения, компанейское начальство хотело предоставить де Рокфейлю новую артель кадьяхцев – “к величайшей их горести... совершенно против желания и воли их”. Однако, тут взбунтовались сами французы, наотрез отказавшись возвращаться к столь небезопасному месту. Поход пришлось отменить. 111

На сей раз раненым партовщикам и семьям погибших Компания выплатила компенсацию, что само по себе, как и наличие у кадьяхцев большого количества огнестрельного оружия, наглядно показывает, сколь изменились времена в Русской Америке. РАК стремилась как можно крепче привязать к себе враждебных тлинкитам аборигенов и одного насилия тут явно не доставало. По предложению К. Т. Хлебникова компенсация была выплачена товарами, среди которых большое место занимала “медь хилийская” [чилийская]. Родственники убитых получили товаров на сумму в 350 рублей, тяжелораненым выплатили компенсацию в 200 рублей, а для легкораненых сумма возмещения ограничивалась 100 рублями. 112

В том же 1818 г. “в Фридрих-зунде и окрестностях”, то есть в весьма опасном районе куана Кэйк-Кую, промышляла партия Д. Ф. Ерёмину в 100 байдарок. Хотя её действия прикрывали Е. Юнг на “Финляндии” и Лихачёв на “Платове”, правление колоний сочло необходимым выслать для поддержки партовщиков ещё и судно “Открытие” под командованием лейтенанта Я. А. Подушкина. Оно направлялось в Проливы “по причине раздора с колошами”. По прибытии Подушкин должен был передать Юнгу и Ерёмину указание: “Взять все возможные предосторожности против нападений и удерживать тойона Таихту под видом любезного обращения

под надзором, чтобы он не бежал, а тем паче чтобы не вошёл в сношения с другими колошами во вред нашим людям.” 113 Лагерь на ночь рекомендовалось обносить рогатками. Упомянутый Таихту, вероятно, содержался русскими в аманатах и использовался в качестве толмача-посредника при переговорах с тлинкитами. Лишь наличие у Ерёмина столь ценных заложников, а также мощное прикрытие со стороны компанейских судов удержало тлинкитов (а в первую очередь кековцев) от нападения на партию. Подобная тактика использовалась компанейскими промышленными и позднее.

В 1819 г. промысел в проливе Кросс вела партия в 80 байдарок под началом Т. Н. Тараканова. Её прикрывали “Финляндия” (капитан Е. Юнг) и “Баранов” (капитан П. С. Туманин). В 1820 г. в проливе Чатам промышляло 80 байдарок Д. Ф. Ерёмина под защитой куттера “Баранов” П. С. Туманина и шхуны “Фортуна”. В 1821 г. в Проливы также было выслано 100 байдарок во главе с Д. Ф. Ерёминым в сопровождении “Фортуны” и “Чирикова”. Однако, несмотря на присутствие хорошо вооружённых судов, партии эти “везде и всегда находили от колош сильное препятствие.” 114 Тлинкиты упорно отстаивали неприкосновенность своих охотничьих угодий. К. Т. Хлебников так описывает действия воинов куана Кэйк-Кую в проливе Фредерик: “И тогда, как наши байдарки пускались гонять бобра, колоши в нескольких батах ехали туда же и в того же бобра стреляли из ружей; часто выходили ссоры, и колошами захвачена была одна байдарка, но по сношениям командира была возвращена.” 115 В целом партия сумела добыть в тот год лишь 47 шкур. 116 Тлинкиты, распугивая каланов стрельбой, избрали тем самым ловкую тактику, позволявшую защищать свои промысловые угодья, формально не открывая враждебных действий против русских. Индейцы напрямую заявляли начальникам партии, “что они никак не отойдут от наших партовщиков и что хотя они не тронут наших людей, но не позволят промышлять нам.” 117 В конечном итоге Компании пришлось ограничить район промысла более спокойными окрестностями Якутата и Лтыа, где жители хотя и выражали своё негодование, но не могли чинить препятствий “по малочисленности”. 118 Неукоснительно сокращалась и численность партий. В 1832 г. партия насчитывала всего 30 байдарок, а в период 1828-1831 гг. вообще “отправлений для промыслов не было.” 119

Неспокойно после ухода Баранова было и на Ситке. Не предпринимая крупных враждебных акций против самого Ново-Архангельска, тлинкиты, тем не менее, не раз обстреливали Озёрский редут, возведение которого, похоже, было расценено, как новое нарушение границ клановых территорий. 120 Катлиан, старый противник русских, нередко посещал Ново-Архангельск, беседовал с В. М. Головинным на борту “Камчатки”, был награждён серебряной медалью, но брат его (Сайгинах?) содержался в крепости аманатом. 121 Сам же капитан В. М. Головинн отмечал в 1818 г., что индейцы “не упускают случая убить русского... и потому здешние промышленники ходят из крепости работать в огородах вооружённые и целыми артелями”; вообще, по его мнению, русским здесь “остаётся одно средство – быть всегда осторожными и вооружёнными и жить, как в осаждённой крепости... жёны и дети их не могут ходить в леса, не подвергаясь опасности быть убитыми или увлечёнными в неволю, да и сами промышленные на большое расстояние от крепости не могут удалиться, иначе как отрядами и вооружённые.” 122

Беспрестанные столкновения побудили правление колоний пойти на формальное примирение с индейцами по индейским же обычаям – не только взяв аманатов от тлинкитов, но и в свою очередь выдав им заложников со своей стороны. Согласно П. А. Тихменеву, взамен родных племянников “ситкинского тойона” индейцы получили двух мальчиков-креолов: “Передача аманатов была произведена с большими церемониями и торжественностью. Следствием сего было прекращение по крайней мере на некоторое время неприязни и увеличение вымена от колошей пушных товаров.” 123 Вскоре, согласно тлинкитскому же обычаю, заложники мира (quwakan) были возвращены обеими сторонами. Таким образом, в 1818 г. произошло событие чрезвычайной важности – официально был положен конец вражде между русскими и киксади. К сожалению, сведения о том сохранились самые скудные. Однако, за прошедшие годы в войну были вовлечены и другие кланы, которые не считали себя обязанными следовать примеру ситкинцев. С ними, похоже, подобной формальной договорённости не заключалось. Поэтому даже официальное примирение с киксади не сразу принесло мир в страну тлинкитов и даже на саму Ситку.

Положение казалось иногда столь безысходным, что главный правитель С. И. Яновский даже представил руководству Компании проект перемещения правления колоний обратно на Кадьяк, с тем, чтобы оставить в

Ново-Архангельске лишь гарнизон в 50 человек “под управлением надёжного начальника”. Среди прочих доводов в пользу этого плана не последнее место занимала и угроза со стороны индейцев: “Соседство колошей представляет большие опасности для заселения, так как они имеют оружия более, чем русские, и воздвигнутое ими укрепление вооружено десятью орудиями.” 124 Обсуждение этого замысла продолжалось до самого 1832 г., когда и была окончательно решена судьба Ново-Архангельска, как столицы Русской Америки. Доводы сторонников перемещения были достаточно вескими – по крайней мере в том, что касалось “индейской угрозы”. По словам К. Т. Хлебникова, “колоши после поражения их... остались всегдашними для нас врагами. Меры кротости, снисхождения и одолжения, ныне со стороны колониального начальства в обращении с ними употребляемые, воздерживают их от явной вражды; но сердце их, наполненное мщением, жаждет открыть только удобный к тому случай. Доныне отличные из них, пресыщаясь угощениями, твердят, что не намерены делать зла; но при первом каком-либо неудовольствии или ссоре... хватаются за ружьё и кинжалы... они столь умны, что никогда не начинают открыто действия; хотя несколько раз случалось, что при малейших случаях, вооружась, скрывались за корни деревьев и кусты [вокруг крепости] и ожидали последствий 125... Злейшие из них ежегодно занимаются планами о нападении на крепость... Они твердят, что мы заняли места, где жили их предки, лишили их выгод от промысла зверей, пользуемся в лучших местах рыбной ловлей.” 126

Однако, старая вражда хоть медленно, но уходила в прошлое. Спустя десять лет после отставки и смерти А. А. Баранова и официального примирения с кикади, известный путешественник Ф. П. Литке отмечал, что теперь колоши стали “совсем не те”, что были во времена Александра Андреевича: “Тогда невооружённому из-под пушек крепости опасно было удаляться; убийства без всякого повода были обыкновенны; теперь о них совсем не слышно, обитатели Ново-Архангельска без всякой опасности поодиночке ходят по всем окрестностям... Колоши всё более и более привыкают к новым нуждам, которым научились от русских... табак, картофель, даже хлеб весьма им нравятся. Тайоны щеголяют в мундирах последнего покроя и непременно хотят видеть на своих жёнах хотя кусок чего-нибудь русского... Связи русских с колошенками и новое от них поколение – также повод, ежедневно усиливающийся, к сближению обеих сторон.” 127 Однако, при всём том, в Ново-Архангельске никогда не забывали тщательно выставлять караулы и, из предосторожности, отбирать ружья у приезжих тлинкитов. Число гостей в крепости индейцев, а особенно тойонов, строго учитывалось каждый день обходным караулом. “В крепости и по судам, – отмечал К. Т. Хлебников, – пушки всегда заряжены картечью и осматриваются каждую неделю. Люди, отправляемые в лес и в Озёрский редут, обыкновенно ездят с заряженными ружьями... всякий знает, что мы имеем таких неприятелей, которые всякую минуту смотрят, нет ли у нас какой оплошности, и буде случится, тогда можем погибнуть все.” 128

Но, несмотря на подобные отголоски старой вражды, конец ей был, по большому счёту, положен в 1821 г., когда произошли два события, превзошедшие по своей значимости даже замирение с кикади в 1818 г. Во-первых, главный правитель М. И. Муравьев позволил тлинкитам вернуться на место их родового поселения у подножия Кекура под Ново-Архангельском. Помимо стремления улучшить отношения с индейцами, он рассчитывал ещё и на то, “что имея под своими пушками жён и детей их и всё имущество, гораздо легче будет содержать их в узде и узнавать все их замыслы.” 129 Во-вторых, в этом же году были приняты новые “Правила Российско-Американской компании”, согласно которым запрещалось требовать с туземцев “дань, ясак, подать или какое-либо ещё приношение”; более того, Компании предписывалось в отношениях с аборигенами “употреблять всевозможные способы, дабы сохранить их доброе расположение, избегая всего, могущего возбудить в них подозрение о намерении нарушить их независимость.” 130 Таким образом официально было объявлено о прекращении экспансии РАК, главной причиной чему послужило сопротивление тлинкитов. Позднее это было подтверждено и в Уставе РАК 1844 г., соответствующий пункт которого гласил: “Колониальное управление не должно силою распространять владений компании внутрь стран, населённых инородцами, не зависящими от колониальных властей.” 131 А. А. Истомин, говоря о причинах, повлёкших за собой столь жёсткую государственную регламентацию деятельности РАК, называет среди них страх царского правительства перед тем, что деятельность эта “может приобрести неконтролируемый характер; “монархическую феодально-патерналистскую идеологию российского самодержавия”; и “социально-психологические стереотипы русского общества”, согласно которым государство обязано защищать всех своих подданных от всяческих “злоупотреблений.” 132 Однако, при всём том, вряд ли правомерно сбрасывать со счетов две характерные

особенности быта тогдашней Русской Америки: малочисленность русских колонистов и мощь сопротивления тлинкитов. Принимая ограничительные постановления, российские власти исходили не только и не столько из отвлечённых идеологических схем, сколько из печальной реальности колониальной жизни. “Тлинкитский синдром” стал постоянной составляющей российской политики на Аляске. Министр финансов граф Д. А. Гурьев, памятуя ожесточённое сопротивление “колошей”, писал во всё том же 1821 г.: “без сомнения, мы могли бы продвинуться до пролива Гуан-де-Фука к югу от острова Ванкувера, наипаче с тех пор, как англичане и американцы оставили залив Нутку; но в то время мы слишком приблизились бы к новому заведению на реке Колумбии [форт Астория], и обитатели острова Ванкувера столь жестоки, что нужно было бы содержать значительную силу противу их нападений”. 133

Так или иначе, но фактическая независимость тлинкитов получила теперь юридическое подтверждение. Это и стало основным результатом потрясшей Русскую Америку индейской войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История взаимоотношений между русскими мореплавателями и промышленными людьми и индейцами-тлинкитами уходит корнями к временам 2-й Камчатской экспедиции В. Й. Беринга и А. И. Чирикова, когда состоялась их первая встреча. Но, несмотря на возможно трагический исход этой встречи, конфликт, переросший в затяжную войну, возник между сторонами лишь многие десятилетия спустя, когда Российско-Американская компания приступила к активному освоению традиционных тлинкитских земель, развернув там истребительный промысел калана. Обобщив и подвергнув научному анализу все известные на настоящий момент сведения о военном конфликте между РАК и индейцами-тлинкитами, можно раскрыть причины этого столкновения и выделить основные этапы его развития.

Хищнический промысел РАК подрывал основу экономического благосостояния тлинкитов, лишал их главного товара в выгодной торговле с англо-американскими морскими торговцами, чьи подстрекательские действия послужили своеобразным катализатором, ускорившим развязку назревавшего военного конфликта. Необдуманные и грубые поступки русских промышленных послужили толчком к объединению тлинкитов в борьбе за изгнание РАК со своих территорий. Борьба эта вылилась в открытую войну против русских поселений и промысловых партий, которую тлинкиты вели как в составе обширных союзов, так и силами отдельных куанов и даже отдельных кланов.

История военных действий на Северо-Западном побережье распадается на ряд этапов, оличающихся собственной внутренней логикой и своеобразием. На первом из них, в 1802 г., против РАК выступает хорошо организованный и сплочённый союз нескольких тлинкитских куанов, силы которого действуют наступательно и эффективно (разгром Ситхинской партии, уничтожение Михайловской крепости). В этом им немало способствуют такие важные факторы, как численный перевес, хорошее вооружение, полное владение инициативой. Уверенности тлинкитам придавала и надежда на поддержку их со стороны англо-американских морских торговцев (тут в первую очередь следует назвать имя Уильяма Каннингема).

Но в 1804 г. поход ополчения А. А. Баранова и вмешательство в ход событий судна “Нева” под командованием Ю. Ф. Лисянского приводят к распаду союза и переходу инициативы в руки РАК. Следствием является “замирение” большинства враждебных куанов, основание Ново-Архангельска и упрочение русского присутствия на Ситке. Второй этап борьбы (1804-1807 гг.) характеризуется неустойчивым равновесием сил, когда противники ведут скорее “войну нервов”, чем активные боевые действия. Захват русского поселения в Якутате, вызванный местными причинами и не связанный с какими-либо общетлинкитскими планами сопротивления, выглядит на этом фоне скорее исключением, чем правилом. Попытки же восстановить союз между куанами приводят лишь к их кратковременному оживлению и безрезультатным блокадам Ново-Архангельска (1806-1807 гг.). С 1808 г. наступает новый этап борьбы, для которого характерен перенос активности индейцев от русских поселений в Провидения – ближе к собственным промысловым угодьям. Главным объектом их нападений, становятся промысловые партии РАК. Тлинкиты сменили тактику и, перейдя к защите своих клановых территорий, тем самым примирились с фактом присутствия русских в их стране. Однако, именно эта тактика, подрывавшая экономический фундамент существования компании, оказалась для неё наиболее губительной. Противостояние в Провидении привело, в конечном итоге, к вытеснению из них компанейских партий. В 1818 г. РАК вынуждена была пойти на официальное примирение с ситкинскими киксади по индейским обычаям.

Промысел калана постепенно истощался, как из-за истребления животных, так и по причине противодействия тлинкитов. Компания не могла более существовать только за счёт добычи морского зверя. Новые обстоятельства требовали приступить к более всестороннему развитию края, больше внимания уделять торговым связям с аборигенами. Становятся ненужными большие промысловые партии, а значит отпадает и необходимость в создании укрепленных опорных пунктов для них. Практически прекращается продвижение РАК на юг и вглубь страны тлинкитов. Единственным новым русским заселением на их территории становится редут Св. Дионисия в дружественном Стикин-куане – скорее торговая фактория, чем база промышленников. На смену промыслу мало-помалу приходит торговля и, как следствие, исчезает большинство причин, вызывавших вооружённые конфликты. Взаимная враждебность постепенно сглаживалась, но ни одна из сторон не могла с полным на то

правом причислить себя к победителям. Тлинкиты не достигли своей цели – им не удалось изгнать русских со своих земель. Но и РАК не добились своего – не удалось сломить сопротивления индейцев, поставить их в полную зависимость от себя, как то случилось с населением Кадьяка и Алеутских островов. Война, в которой не одержала верх ни одна из сторон, закончилась взаимоприемлемым, если не взаимовыгодным, компромиссом. Российско-Американская компания всё же сумела закрепиться на юго-восточном побережье Аляски, получая прибыль, как от торговли, так и от эксплуатации природных ресурсов края. Тлинкиты же, извлекая выгоду из торговли с русскими, сумели отстоять и свои охотничьи угодья, и свою независимость; ловко играя на противоречиях между русскими, англичанами и американцами, пользуясь преимуществами своего буферного положения, они распространили своё влияние на ряд племён материковой Аляски. Помимо этого, им отчасти даже удалось достичь желаемой цели – к 1821 г. русские промысловые партии были практически вытеснены из Проливов, полностью вернувшись под контроль тлинкитских кланов.

Война, вспыхнувшая в результате столкновения двух различных экономических и культурных укладов, которая велась со стороны тлинкитов, как обширными коалициями, так и самостоятельно отдельными куанами и даже кланами, не закончилась в одночасье. Она медленно сошла на нет. Жаркие схватки в Проливах сменились, по выражению А. В. Гринёва, своеобразной "холодной войной", глухим противостоянием, затянувшимся на десятилетия. Периоды "оттепели" сменялись новыми "заморозками", во время которых не раз ещё гремели выстрелы и проливалась кровь. Однако конфликтов, сравнимых по размаху с событиями 1802-1818 гг., более не возникало, несмотря на всю сложность и противоречивость дальнейших русско-тлинкитских взаимоотношений. Несомненно, что обе стороны сделали надлежащие выводы из происшедшего и в будущем старались в отношениях между собой придерживаться определённых правил. Но взаимная настороженность в этих отношениях оставалась неизбежной составляющей всей последующей истории Русской Америки.

Введение

- 1 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение русских в Америке // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. -Вып. IV.- СПб., 1864.- С. 54.
- 2 Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени. -Ч. 1.- СПб., 1861. -С. 92.
- 3 Гринёв А. В. Некоторые тенденции в отечественной историографии российской колонизации Аляски. // Вопросы истории. -1994.- № 11.- С. 163-167.
- 4 Окунь С. Б. Российско-Американская компания.- Л., 1939.
- 5 Черненко М. Б. Предисловие // Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842-1844 гг.- М., 1956. -С. 12.
- 6 Народы Америки.- Т. 1.- М., 1959.
- 7 Адамов А. Григорий Иванович Шелихов – замечательный русский мореплаватель и исследователь. -М., 1951.- С. 27.
- 8 Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в.- М., 1971. -С. 328, 339.
- 9 Агранат Г. А. Об освоении русскими Аляски // Летопись Севера.- Т. 5. -М., 1971.-С. 188.
- 10 Гринёв А. В. Русская колонизация Аляски., некоторые тенденции советской историографии // Американские индейцы., новые факты и интерпретации.- М., 1996.- С. 16.
- 11 Марков С. Н. Летопись Аляски.- М-Л., 1948. С. 70-74; Марков С. Н. Русские на Аляске.- М., 1947.
- 12 Алексеев А. И. Колумбы российские. – Магадан, 1966; Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. – Магадан, 1975; Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. – М., 1982; Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. – М., 1968; Варшавский С. Р. Увековеченная слава России. – Магадан, 1982; Комиссаров Б. Н. Григорий Иванович Лангсдорф. – Л., 1975; Командор. – Красноярск, 1995; Штейнберг Е. Л. Жизнеописание русского мореплавателя Юрия Лисянского. – М., 1948.
- 13 Истомин А. А. Русско-тлинкитские контакты (XVIII-XIX вв.) // Исторические судьбы американских индейцев.- М., 1985. -С. 146-154.
- 14 Там же. С. 146-147.
- 15 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки.- Новосибирск, 1991; Гринёв А. В. Индейцы эяки и судьба русского поселения в Якутате.// СЭ.- 1988.- № 5; Гринёв А. В. Об этнониме “колоши” // СЭ.- 1986.- № 1.- С. 104-108; Гринёв А. В. Товарообмен между индейцами тлинкитами и атапасками Скалистых гор // СЭ.- 1986.- № 5. -С. 113-122; Гринёв А. В. Годовой цикл тлинкитов // Экология американских индейцев и эскимосов. -М., 1988.- С. 117-124; Гринёв А. В. Индейцы эяки в период Русской Америки // ЭО.- 1993.- № 5.- С. 73-83; Гринёв А. В. Правитель Русской Америки // Былое. -1996.- № 12.
- 16 Гринёв А. В. Колонизация Русской Америки и французская колонизация Канады., общее и особенное // Научно-техническому прогрессу – творческий поиск вузов.- Барнаул, 1983.- С. 66; Истомин А. А. Америка Испанская и Русская // Латинская Америка. -1987.- № 6.- С. 59-60.
- 17 Дзенискевич Г. И. К ранней истории русско-тлинкитских отношений. // Америка после Колумба., взаимодействие двух миров.- М., 1992.- С. 64-73.
- 18 Артемьев А. Р. Из истории освоения русскими острова Ситхи (Баранова).- Владивосток, 1994.

- 19 Свет Я. М., Фёдорова С. Г. История пятнадцати // Бригантина.- М., 1971.- С. 48-64; Корсун С. А. Ещё раз о судьбе первых русских на земле тлинкитов // Открытие Америки продолжается. -СПб., 1994. -С. 216-224.
- 20 Ратнер-Штернберг С. А. Музейные материалы по тлингитам. Очерк III. Предметы вооружения и военные обычаи и обряды // Сб. МАЭ. -Т. IX.- Л., 1930.- С. 167-186.
- 21 Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки.- Л., 1974.- С. 152.
- 22 Там же.
- 23 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. -Новосибирск, 1991.- С. 72.
- 24 Там же. С. 218-220.
- 25 История Русской Америки. Т. 1. Основание Русской Америки. 1732-1799 гг. -М., 1997.
- 26 McConkey L. Sea and Cedar. How the Northwest Coast Indians Lived.- Vancouver, 1994; См., например, книги издательства Time-Life., The European Challenge. – Alexandria (Virg.), 1993; The Way of the Warrior. – Alexandria (Virg.), 1993; The First Americans.- Alexandria (Virg.), 1992.
- 27 Chevigny H. Lord of the Alaska.- N.-Y., 1944; а также., Chevigny H. Russian America., The Great Alaska Venture, 1741-1867. – London, 1965.
- 28 Bancroft H. H. History of Alaska, 1730-1885.- San-Francisko, 1886; Andrews C. L. The Story of Alaska.- Caldwell, 1947; Andrews C. L. The Story of Sitka. – Seattle, 1922.
- 29 Laguna F. de, Under Mount Saint Elias., The History and Culture of the Yakutat Tlingit. -Pt. 1-3.- Washington, 1972.
- 30 Dauenhauer N., Dauenhauer R. The Battles of Sitka, 1802 and 1804, from Tlingit, Russian and other point of view. // Russia in North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska, August 19-22 1987. -The Limestone Press, Kingston-Fairbanks, 1990.- P. 21-22.
- 31 Dean Jonatan R., “Rich Men”, “Big Powers” and Wastelands – The Tlingit-Tsimshian Border of the Northern Pacific littoral, 1799 to 1867. -Vol. 2.- Chicago, 1993.- P. 129.
- 32 Ibid. P. 132.
- 33 Howay F. W. A List of Trading Vessels in the Maritime Fur Trade, 1785-1825 // Materials for the Study of Alaskan History. -Kingston, 1973.- ? 2; Howay F. W. The Loss of the Tonquin // Washington Historical Quarterly. -Seattle, 1922.- ? 13.- P. 83-92; Howay F. W. Indian Attacks Upon Maritime Traders of the Northwest Coast // Canadian Historical Review. -Toronto, 1925.- ? 6. -P. 287-309; Howay F. W. The Attempt to capture the brig Otter // Washington Historical Quarterly. -Seattle. -Vol. 21.- P. 179-189; Howay F. W. Captain Henri Barber of Barber’s Point // 47th Hawaiian Historical Society Report. 1938. -P. 38-49.
- 34 Pierce R. Russian America., A Biographical Dictionary.- Kingston-Fairbanks, 1990.
- 35 Emmons G. The Tlingit Indians. – Seattle and London – New York, 1991.
- 36 Henrickson S. “Terryfying Visages”, War Helmets of the Tlingit Indians // American Indian Art Magazine. -1993.- Vol. 19.- ? 1.- P. 48-59; Hough W. Primitive American Armor // Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution, 1893.- Washington, 1895; Bruggman M., Gerber P. Indians of the Northwest Coast.- Toronto, 1989; Drucker Ph. Indians of the Northwest Coast.- N-Y., 1963; Krause A. The Tlingit Indians. – Seattle and London, 1956; Foster M., Henrickson S. Symbols of Russian America., Imperial Crests and Possession Plates in North America // Concepts. 1991, november; Gibson J. R. Imperial Russian in Frontier America.- N-Y., 1976; Gibson J. R. Russian dependence upon Natives Alaska // Russians American Colony. – Durham, 1977. -P. 77-104; Coppock H. Interaction between Russians and Native Americans in Alaska. – Lansing, 1976.

- 37 Гумилёв Л. Н., Панченко А. Чтоб свеча не погасла. -Л., 1990.- С. 7-10.
- 38 Кратт И. Великий океан. -М., 1989. -С. 22.
- 39 Там же. С. 25-26.
- 40 Там же. С. 150.
- 41 Бадигин К. С. Собрание сочинений.- Т. 2.- М., 1993.
- 42 Чиж Г. П. К далёким берегам. -М., 1962.
- 43 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2. -Прил. 2.- СПб., 1863.; К истории Российско-Американской компании.- Красноярск., 1957.; Ситников Л. А. Материалы для истории Русской Америки ("Ответы" Филиппа Кашеварова) // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода.- Новосибирск, 1986.- С. 82-103.
- 44 Внешняя политика России XIX и начала XX века., документы российского Министерства иностранных дел. -Сер. 1.- Т. I.- М., 1960; т. IV.- М., 1965.
- 45 ОР РГБ, ф. 204, к. 32.
- 46 АВПРИ, ф. СПб ГА, I-7, оп.6; I-13, оп.10; II-3, оп.34; ф. РАК, оп. 888.
- 47 РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 356.
- 48 ГАКО, ф. 184, оп. 2, д. 108, 190.
- 49 Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле "Нева".- М., 1947.
- 50 Коробицын Н. И. Записки...// Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке.- М-Л., 1944; Шемелин Ф. И. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара.- СПб., 1816 – ч. 1; 1818 – ч. 2; Русская Америка по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев.- М., 1994.- С. 27-121.
- 51 Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова.- Л., 1979; Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирилла Хлебникова., Ново-Архангельск. -М., 1985; Головнин В. М. Путешествие вокруг света на шлюпе "Камчатка".- М., 1965; Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана.- Вып. I- IV.- СПб., 1861.
- 52 Материалы для истории...-Вып.IV.- СПб., 1861.- С. 1-40.
- 53 Barber Henry. Aftermath of the Sitka Massacre of 1802. Journal excerpts. – Extracts from the "Sydney Gazette" (Australia), 29 May 1803, 18 November 1804, 9 December 1804. // The Alaska Journal.- 1979.- Vol. 9.- ? 1, winter.- P. 58-61.
- 54 Sturgis W. The Journal of William Sturgis.- Victoria, 1978.- P. 123.
- 55 Головнин В. М. Сочинения и переводы В. М. Головнина.- Т. V.- СПб., 1864.- С. 173.
- 56 Boas F. Indianische Sagen von der Nord-Pasifischen Kuste Americas. – Berlin, 1895.- P. 325-326.
- 57 Olson R. Social Structure and Social Life of the Tlingit in Alaska. // Anthropological Records. -Vol. 26.- Berkley amp; Los-Angeles, 1967; Swanton J. R. Social Conditions, Beliefs and Linguistic Relationship of the Tlingit Indians // Annual Reports Bureau of American Ethnology. -1908.- ? 26.- P. 391-512.
- 58 Jacobs-jr. M. Early encounters between the Tlingit and the Russians // Russia in North America Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska, August 19-22 1987.- The Limestone Press, Kingston-Fairbanks, 1990.- PP. 1-6.

59 Dauenhauer N., Dauenhauer R. Opit. cit.

60 Haa Kusteeyi, Our Culture. Tlingit Life Stories.- Seattle amp; London-Juneau, 1994. – P. 269-278.

61 Dauenhauer N., Dauenhauer R. Opit. cit.

62 Chaney G., Betts R., Longenbaugh D. Physical and Cultural Landscapes of Sitka National Historical Park.- Douglas, 1995.- P. 113-114.

63 Birket-Smith K. The Chugach Escimo // Nationalmuseets skrifter. Etnografisk raekke, VI.- Kobenhavn, 1953. -P. 2.

64 Haa Kusteeyi, Our Culture. Tlingit Life Stories.- Seattle amp; London-Juneau, 1994. – P. 2.

Глава 1.

1 Анатолий, архимандрит. Индиане Аляски. -Одесса., 1906.- С. 11-13.

2 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирила Хлебникова., Ново-Архангельск.- М., 1985.- С. 71.

3 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. - Новосибирск., 1991.- С. 28-30.

4 Там же. С. 54-55.

5 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 86.

6 Гринёв А. В. Годовой цикл индейцев тлинкитов // Экология американских индейцев и Эскимосов.- М., 1988.

7 Emmons G. The Tlingit Indians.- Seattle amp; London – New York., 1991.- P. 328.

8 Olson R. Social Structure and Social Life of the Tlingit in Alaska // Anthropological Records.- Vol. 26.- Berkley amp; Los-Angeles., 1967. -P. 69; типичным примером многолетней кровной вражды между кланами может служить история знаменитой войны между кагвантанами и нанъяайи, тянувшейся более ста лет (Зорин А. В. Война между северными кагвантанами и нанъяайи Стикина // Первые американцы. -1998.- № 3.- С. 52-56.)

9 Ibid. P. 70.

10 Emmons G. Opit. cit. P. 342.

11 Ibid.

12 Ibid. P.340.

13 Ibid. P.347.

14 Ibid. P.338.

15 Ibid. P.337-338.

16 Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие.- СПб., 1994.- С. 193-194.

17 Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени. -СПб., 1861.- Ч. 2.- Прил. 2.- С. 65.

18 Laguna F. de, Under Mount Saint Elias., The History and Culture of the Yakutat Tlingit.- Pt. 1-3.- Washington., 1972.- P. 590.

19 Ibid. P. 589.

- 20 Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле “Нева”. - М., 1947. -С. 185-186.
- 21 Русская Америка по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев.- М., 1994. -С. 61.
- 22 Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени. – СПб., 1861. – Ч. 1.- С. 118.
- 23 Тихменев П. А. Указ. соч. Ч. 2. Прил. 2. С. 207.
- 24 Черкасов А. А. Записки охотника Восточной Сибири. -М., 1990.- С. 34.
- 25 Там же. С. 51.
- 26 Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана -Вып. II.- СПб., 1861.- С. 70.
- 27 Laguna F. de, Opit. cit. P. 260.
- 28 Материалы для истории... С. 72.
- 29 Emmons G. Opit. cit. P. 342; Ратнер-Штернберг С. А. Музейные материалы по тлингитам. Очерк III. Предметы вооружения и военные обычаи и обряды // Сб. МАЭ. -Т. IX. -Л., 1930.- С. 167-186; Henrickson S. “Terrifying Visages”, War Helmets of the Tlingit Indians // American Indian Art Magazine.-1993.-Vol. 19.- № 1. – P. 48-59.
- 30 Ibid. P. 344; Keepers of the Totem.- Alexandria (Virg.), 1993.- P. 138.
- 31 Emmons G. Opit. cit. P. 346.
- 32 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 80.
- 33 Laguna F. de, Opit. cit. P. 282; Emmons G. Opit. cit. P. 335.
- 34 Olson R. Opit. cit. P. 71.
- 35 Ibid.
- 36 Laguna F. de, Opit. cit. P. 582.
- 37 Emmons G. Opit. cit. P. 335; Laguna F. de, Opit. cit. P. 583.
- 38 Анатолий, архимандрит. Указ. соч. С. 4-5.
- 39 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 86-87.
- 40 Emmons G. Opit. cit. P. 347-348.
- 41 Ibid. P. 336.
- 42 Swanton J. R. Social Conditions, Beliefs and Linguistic Relationship of the Tlingit Indians // Annual Reports Bureau of American Ethnology. -1908.- № 26. -Р. 450; там об этом лице говорится именно как о "the bow man... [who] acted as scout and sentinel", а не как о bowman, "лучнике".
- 43 Laguna F. de, Opit. cit. P. 583.
- 44 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 148.
- 45 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 89.
- 46 Olson R. Opit. cit. P. 71.

47 Laguna F. de, Opit. cit. P. 584.

48 Ibid.

49 Emmons G. Opit. cit. P. 329.

50 Laguna F. de, Opit. cit. P. 584.

51 Laguna F. de, Opit. cit. P. 584-585.

52 Emmons G. Opit. cit. P. 336.

53 К истории Российско-Американской компании.- Красноярск., 1957.- С. 130.

54 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 212.

55 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 84.

Глава II

1 Лебедев Д. М. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе "Св. Павел" к побережьям Америки. – М., 1951.- С. 51.

2 Там же. С. 52.

3 Там же. 227-228.

4 Там же. С. 232

5 Марков С. Летопись Аляски.- М.-Л., 1948.- С. 26; подробно обстоятельства связанные с исчезновением команды Дементьева и их позднейшими поисками рассмотрены в работе, Свет Я. М., Фёдорова С. Г. История пятнадцати // Бригантина.- М., 1971.- С. 48-64.

6 Emmons G. The Tlingit Indians. -Seattle amp; London – New York., 1991.- P.325.

7 Jacobs-jr. M. Early encounters between the Tlingit and Russians // Russia in North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America (Sitka, Alaska, august 19-22, 1987). -The Limestone Press, Kingston-Fairbanks., 1990.-P.2-3; из числа отечественных исследователей подобную точку зрения разделяет С. А. Корсун (Корсун С. А. Ещё раз о судьбе первых русских на земле тлинкитов // Открытие Америки продолжается. -СПб., 1994.- С. 216-224.).

8 Лебедев Д. М. Указ. соч. С. 53-54.

9 Соколов А. Северная экспедиция 1733-43 гг. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. -Ч. IX.- СПб., 1851.- С. 401.

10 В своей работе Д. М. Лебедев приводит и список без вести пропавших членов экипажа "Св. Павла", Дементьев Аврам (штурман), Савельев Сидор (боцман), Татилов Пётр (квартирмейстер), Фадеев Дмитрий (матрос 2 статьи), Зубов Григорий (канонир 1 статьи), Полковников Фёдор (плотник), Ошмарин Иван (матрос 1 статьи), Горян Елистрат (конопатчик), солдаты Сибирского гарнизона Асамалов Яков, Панов Никифор, Ложников Михаил, Култышев Григорий, Глаткой Иван, "Камчатских островов толмачи" Панов Иван и Шарахов Дмитрий (Лебедев Д. М. Указ. соч. С. 61).

11 Шелихов Г. И. Григорья Шелехова продолжение странствования. -СПб., 1792. – С. 12-13.

12 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки.-Новосибирск., 1991.- С. 99.

13 Шелихов Г. И. Указ. соч. С. 20.

- 14 Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. – М., 1948.- С. 317.
- 15 Материалы по истории русских заселений по берегам Восточного океана. -Вып. 1.- СПб., 1861.- С. 53.
- 16 Давыдов Г. И. Двукратное путешествие лейтенантов Хвостова и Давыдова в Русскую Америку.- Ч. 1.- СПб., 1812.- С. 192.
- 17 Гринёв А. В. Индейцы эяки и судьба русского поселения в Якутате // СЭ. -1988.- № 5.- С. 111.
- 18 Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени.- СПб., 1863. -Ч. 2.- Прил.2.- С. 36.
- 19 Дорошин П. П. Из записок, ведённых в Русской Америке // Горный журнал. -1866.- № 1.- С. 366.
- 20 Тихменев П. А. Указ. соч. С. 37.
- 21 Там же.
- 22 Русские открытия... С. 360.
- 23 Тихменев П. А. Указ. соч. С. 47.
- 24 Материалы по истории... Вып. IV.- С. 33.
- 25 Тихменев П. А. Указ. соч. С. 62; имя эякского вождя-аманата было Цкек, а селение его русские называли Калкеяк (от реки Калиах?). Пленный тойон получил 3 июня 1794 г. от Пуртова "билет", свидетельствующий о том, что он "со всею своею командою по добровольному своему желанию" принимает русское подданство (РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 352, л.12-12об; Гринёв А. В. Индейцы эяки в период Русской Америки // ЭО. – 1993.- № 5.- С.76).
- 26 Материалы по истории... Вып. IV. -С. 34.
- 27 Там же. С. 36.
- 28 Тихменев П. А. Указ. соч. С. 64.
- 29 Материалы по истории... Вып. IV.- С. 37.
- 30 Там же. С. 37-38.
- 31 Там же. С. 38.
- 32 Там же.
- 33 Тихменев П. А. Указ. соч. С. 66.
- 34 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 1.- С. 41.
- 35 Материалы по истории... Вып. IV. -С. 40; Ф. де Лагуна и А. В. Гринёв придерживаются мнения, что у тлинкитов осталось в руках 4 кадьякца. Рассмотрим вопрос о заложниках более обстоятельно. Пуртов имел в своём распоряжении немало аманатов – 2 племянников акойского тойона, "его команды лутчаго мужика родную ево дочь и безродново одново малчика захваченных в 3-х батах в числе 14 человек и якутатского тайона брата", не считая заложников от "угалягмутцев"-эяков (Тихменев П. А. Указ. соч.-Ч. 2.- Прил. 2.- С. 66). В руках тлинкитов находилось к моменту начала переговоров шестеро аманатов от партовщиков-толмачи Чеченев и Нечаев и 4 кадьякца. Одного из кадьякцев (афогнакского тойона) якутатцы вернули 1 июня; трёх других привёз акойский тойон 2 июня. О возвращении толмачей в рапорте Пуртова не говорится. Там упоминается лишь о том, что партия не дождалась возвращения Нечаева – о Чеченеве речи уже нет (Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2.- С. 67). Ванкувер сообщает, что русские оставили среди индейцев только одного из своих "пленников". Возможно, что Семён Чеченев был всё же отпущен тлинкитами (в обмен на брата якутатского тойона?).

- 36 Laguna F. de. Under Mount Saint Elias., the History and Culture of the Yakutat Tlingit. – Washington., 1972.- P. 236, 259, 316, 786; АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 121, л. 10об.
- 37 Гринёв А. В. Индейцы эяки... С. 114; АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 121, л. 11.
- 38 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение русских в Америке // Материалы по истории русских заселений по берегам Восточного океана.- Вып. IV. -СПб., 1861. – С. 41.
- 39 АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 121, л. 11об-12. Автор выражает глубокую признательность А. В. Гринёву за любезно предоставленную им информацию.
- 40 Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. – Л., 1979. – С. 25; Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 106; не исключено, что под "захватом" кадьякцев, как и в случае с Пуртовым, подразумевается отдача их в аманаты тлинкитам в ходе переговоров о ведении промысла.
- 41 Ситников Л. А. Материалы для истории Русской Америки ("Ответы" Филиппа Кашеварова) // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. -Новосибирск., 1986. -С. 94...
- 42 "Мы доставили того тоёнского сына, которого Главный Правитель господин Баранов брал от калош в минувшем году, а на место того получили обратно оставленных им шесть человек русских сохранно", – пишет очевидец событий Ф. А. Кашеваров (Ситников Л. А. Указ. соч. С. 94).
- 43 П. А. Тихменев называет это судно куттером, К. Т. Хлебников и Ф. А. Кашеваров – галерой, сам А. А. Баранов именовал шебекой. Точнее тип судна установить не представляется возможным.
- 44 Хлебников К. Т. Жизнеописание А. А. Баранова, главного правителя российских колоний в Америке.- СПб., 1835.- С. 29.
- 45 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 1.- С. 55; Гринёв А. В. Индейцы эяки... С. 115.
- 46 Ситников Л. А. Указ. соч. С. 94.
- 47 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2.-Прил.2.- С.140-141; возраст и отчество Мухина установлены по., ГАКО, ф. 184, оп. 2, д. 190, л. 196. Семейство Мухиных было связано родством с одним из основателей РАК – курским купцом И. Л. Голиковым (старший брат Николая, Василий Иванович Мухин, был женат на Пелагее, дочери И. И. Голикова – двоюродного брата Ивана Ларионовича. См..., ГАКО, ф. 184, оп. 2, д. 108, л. 478).
- 48 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение... С.42.
- 49 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирилла Хлебникова., Ново-Архангельск.- М., 1985.- С. 42 (далее., Хлебников К. Т. Ново-Архангельск...).
- 50 Birket-Smith K. The Chugach Eskimo.- Kobenhavn., 1953.- P. 140-141.
- 51 Bancroft H. History of Alaska. -San-Francisko.,1886. -P. 386-388.
- 52 Chevigny H. Lord of Alaska.- N.-Y., 1944.- P. 161-162.
- 53 Birket-Smith K. Opit. cit. 1953. P. 140-141; внук очевидца событий, 86-летний чугачский старшина Макарий рассказывал в 1933 г., как Якегуа раздели и оставили связанным на берегу, но он был силен и пережил холодную ночь. Тогда его развязали и пустили бежать между двумя рядами людей, которые метали в него стрелы. Он, обессилив, упал и ему отрезали кончики пальцев, уши и нос. Он не проронил ни звука и его заставили съесть собственный нос. Слёзы выступили на его глазах, но он только и сказал., "Убивая тех людей, я не заставлял их есть свои носы". Мучители, заметив слёзы, сказали., "По крайней мере мы заставили тебя плакать." "Нет, – отвечал вождь, – слёзы бегут сами, а я не плачу." Они изрезали его на куски, но он не проронил ни звука и лишь глаза у него слезились. Он умер когда ему отрезали руки. Они бросили его там, где убили.

54 Sturgis W. The Journal of William Sturgis. -Victoria., 1978.- P. 31-32.

55 Ibid. P. 36-37.

56 Olson R. Social structure and social Life of the Tlingit in Alaska // Anthropological Records.- Vol. 26. -Berkley amp; Los-Angeles., 1967. -P.75.

57 Ibid.

58 Sturgis W. The Journal of William Sturgis. P. 37. Названия "племенам" Стёрджис давал исходя из имён вождей или по местам обитания этих групп.

59 Ibid. P. 38.

60 Olson R. Opit. cit. P. 75.

62 Ibid.

63 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение... С. 43.

64 Хлебников К. Т. Ново-Архангельск...С. 42-43.

65 Olson R. Opit. cit. P. 55-56.

66 Olson R. Opit. cit. P. 76.

67 К истории Российско-Американской компании.- Красноярск., 1957. -С. 99.

68 Там же. С. 100.

69 РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 356, л. 106об. Дата проведения церемонии в документе не проставлена.

70 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2.- С. 146; К. Т. Хлебников, передавая содержание этого письма, ошибочно упоминает о четырёхфунтовых пушках (Хлебников К. Т. Жизнеописание А. А. Баранова... С. 52).

71 Там же. С. 22.

72 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение... С. 44.

73 Olson R. Opit. cit. P. 76.

74 Ibid.

75 Хлебников К. Т. Жизнеописание А. А. Баранова...С. 55.

76 К истории... С. 97.

77 Там же. С. 101-102.

78 Там же. С. 101.

79 Там же. С. 123.

80 РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 356, л. 7-7об.

81 Ситников Л. А. Указ. соч. С. 96.

82 Тихменев П. А. Указ. соч. С. 85.

83 К истории... С. 96.

84 Там же. С. 96-97.

85 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение... С.45.

86 К истории... С.128-130.

87 Головнин В. М. Сочинения и переводы В. М. Головнина. - Т. V.- СПб., 1864.- С. 179-180.

88 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2. – С. 206.

Глава III

1 Ситников Л. А. Материалы для истории Русской Америки ("Ответы" Ф. Кашеварова) // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода.- Новосибирск., 1986.- С. 102-103.

2 Окунь С. Б. Российско-Американская компания.- М.-Л., 1939.- С. 84.

3 Теннер Д. Тридцать лет среди индейцев.- М., 1963.- С. 258-270.

4 Головнин В. М. Сочинения и переводы В. М. Головнина. - Т. V.- СПб., 1864.- С. 173-174.

5 Внешняя политика России XIX и начала XX века Документы Российского Министерства иностранных дел.- Сер.1.-Т. I.- М., 1960.- С. 267.

6 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирила Хлебникова., Ново-Архангельск.- М., 1985.- С. 135.

7 Howay F. W. A List of Trading Vessels in the Maritime Fur Trade, 1785-1825 // Materials for the Study of Alaskan History.- № 2.- Kingston., 1973. -Р. 62.

8 Внешняя политика России XIX и начала XX века Документы Российского Министерства иностранных дел.- Сер. 1.-Т. IV.- М., 1965.- С. 241.

9 Шемелин Ф. Журнал первого путешествия Россиян вокруг света. -Ч. 2.- СПб., 1818.- С. 333-334.

10 Howay F. W. Opit. cit. P. 42.

11 Ibid. P. 12, 22, 24, 34-36, 42, 45, 53, 55.

12 Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени. -Ч. 2.- Прил. 2. – СПб., 1863. – С.203.

13 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки.- Новосибирск., 1991.- С. 266.

14 К истории Российско-Американской компании.-Красноярск.,1957.-С. 114, 121.

15 Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени.- Ч. 2.- Прил. 2. -СПб., 1863.- С. 175, 179.

16 К истории... С. 119.

17 Barber Henry. Aftermath of the Sitka Massacre of 1802. Journal excerpts. – Extracts from the “Sydney Gazette” (Australia), 29 May 1803, 18 November 1804, 9 December 1804 // The Alaska Journal. -1979.- Vol. 9.- ? 1, winter.- P. 58-59.

18 Sturgis W. The Journal of William Sturgis.- Victoria., 1978.- P. 124.

19 К истории... С. 134.

- 20 Внешняя политика России XIX и начала XX века., документы российского Министерства иностранных дел.- Сер. 1.- Т. IV.- М., 1965.- С. 615.
- 21 Там же. С. 242.
- 22 Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле "Нева". -М., 1947.- С. 209.
- 23 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение русских в Америке // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана.- Вып. IV.- СПб., 1861.- С. 54.
- 24 Там же. С. 44.
- 25 Шемелин Ф. И. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара.- Ч. 2.- СПб., 1818. – С. 333- 334.
- 26 Howay F. W. A List of Trading Vessels in the Maritime Fur Trade, 1785-1825 // Materials for the Study of Alaskan History. -? 2.- Kingston., 1973.- P. 38-39, 44-45, 48-49; Pierce R. Russian America., A Biographical Dictionary.- Kingston-Fairbanks., 1990.- P. 26-28, 104-105.
- 27 Тихменев П. А Указ. соч. С. 208, 223.
- 28 Pierce R. Russian America., A Biographical Dictionary. -Kingston-Fairbanks., 1990. – P. 28.
- 29 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки.- Новосибирск., 1991.- С. 255.
- 30 Pierce R. Opit. cit. P. 26.
- 31 Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени.- Ч. 1.- СПб., 1861.- С. 89.
- 32 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2.- Прил. 2.- С. 208.
- 33 Там же. С. 223.
- 34 Хлебников К. Т. Жизнеописание А. А. Баранова.- СПб., 1835.- С. 69.
- 35 Barber Henry. Aftermath of the Sitka Massacre of 1802... P. 61.
- 36 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2.- С. 208.
- 37 Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. -Вып. I.- СПб., 1864.- С. 86.
- 38 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, оп. 6, д. 1, 1802 г., п. 35, л.131об.-132.
- 39 Dauenhauer N., Dauenhauer R. The Battles of Sitka, 1802 and 1804, from Tlingit, Russian and other point of view // Russia in North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska, August 19-22 1987.- The Limestone Press, Kingston-Fairbanks., 1990.- P. 12.
- 40 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение... С. 42.
- 41 Внешняя политика России... Сер. 1. – Т. IV. -М., 1965.- С. 242.
- 42 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирилы Хлебникова., Ново-Архангельск.- М., 1985.- С. 44.
- 43 Даже в 1810 г. французский министр иностранных дел герцог де Кадор назвал графа Н. П. Румянцева в числе нескольких имеющих в России друзей Франции "недоступных английским предложениям" (Тарле Е. В. 1812 год.- М., 1994.- С. 18).
- 44 К истории... С. 134.

45 Там же.

46 Howay F. W. A List of Trading Vessels...P. 26, 59.

47 Внешняя политика России...Сер. 1.- Т. IV.- М., 1965.- С. 242.

48 Там же. С. 267-268.

49 Там же. С. 615.

50 Барбер был забыт, но слухи о происках английских пиратов продолжали периодически будоражить правление РАК. Так в 1811 г. в Петербург из колоний поступило сообщение о том, что по сведениям русского генерального консула А. Я. Дашкова и неких безымянных "Северо-Американских Штатов Корабельщиков", "один Англинский Капер непременно собирается в те колонии для раззорения оных" (АВПРИ, ф. СПб ГА, II-3, оп. 34, д. 7, л. 5). Корсар, разумеется, так и не нагрязнул.

51 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение русских в Америке // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана.- Вып. IV.- СПб., 1864.- С. 55; Dauenhauer N., Dauenhauer R. The Battles of Sitka, 1802 and 1804, from Tlingit, Russian and other point of view // Russia in North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska, August 19-22 1987.- The Limestone Press, Kingston-Fairbanks., 1990.- P. 14.

52 К истории... С. 120.

53 M. Jacobs-jr. Early encounters between the Tlingit and the Russians // Russia in North America. Proceedings of 2nd International Conference on Russian America (Sitka, Alaska, august 19-22 1987).- The Limestone Press, Kingston-Fairbanks., 1990. -P. 4.

54 Давыдов Г. И. Двукратное путешествие лейтенантов Хвостова и Давыдова в Русскую Америку. -Ч. 2.- СПб., 1812.- С.110.

55 Dauenhauer N., Dauenhauer R. Opit cit. P. 7; в монографии А. В. Гринёва сюжет этой легенды изложен неточно (Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 115).

56 Boas F. Indianische Sagen von der Nord-Pasifischen Kuste Americas.-Berlin., 1895. – S. 325-326.

57 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 118-119.

58 Головнин В. М. Указ. соч. С. 173.

59 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2. – С. 174.

60 Там же. С. 178.

61 Barber Henry. Aftermath of the Sitka Massacre of 1802. Journal excerpts. – Extracts from the "Sydney Gazette" (Australia), 29 May 1803, 18 November 1804, 9 December 1804 // The Alaska Journal.- 1979. -Vol. 9. – № 1, winter.- P. 58-60.

62 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение русских в Америке // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана.- Вып. IV.- СПб., 1864. – С. 45-46.

63 Chevigny H. Lord of Alaska.- N-Y., 1944.- P. 192.

64 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки.- Новосибирск., 1991.- С. 121.

65 Ермолаев И. П. Историческая хронология.- Казань., 1980. -С. 186-187.

66 Хлебников К. Т. Жизнеописание А. А. Баранова.- СПб., 1835.- С. 68.

- 67 Тихменев П. А. Указ. соч. С. 176.
- 68 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение... С. 49; К истории... С. 122.
- 69 К истории... С. 121.
- 70 Тихменев П. А. Указ. соч. С. 179.
- 71 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирила Хлебникова., Ново-Архангельск.- М., 1985. -С. 28.
- 72 Laguna F. de, Under Mount Saint Elias., The History and Culture of the Yakutat Tlingit.- Pt. 1-3.- Washington., 1972. - P. 171.
- 73 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 120; Handbook of North American Indians.- Vol. 7. Northwest Coast.- Washington., 1990.- P. 282.
- 74 К истории... С. 119.
- 75 Pierce R. Russian America., A Biographical Dictionary.-Kingston-Fairbanks., 1990.- P.105.
- 76 К истории... С. 119.
- 77 Там же.
- 78 Истомин А. А. Русско-тлинкитские контакты (XVIII-XIX вв.) // Исторические судьбы американских индейцев.- М., 1985.- С. 147.
- 79 Головнин В. М. Путешествие вокруг света на шлюпе “Камчатка”. -М., 1965.- С. 138.
- 80 К истории... С. 119.
- 81 Там же. С. 121.
- 82 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч.1.-СПб., 1861.- С. 125.
- 83 К истории... С. 106.
- 84 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 118.
- 85 К истории... С. 107.
- 86 Там же.
- 87 Там же. С. 109. В тексте публикации явно допущена ошибка., вместо "обитающий по разным жилам... по имени. Честные акойские хотя и оправдывают себя..." следует читать "обитающий по разным жилам... по имени Честныа. Акойские хотя и оправдывают себя..." Здесь явно имеется в виду имя собственное – Честныа, Честныга. В рукописи рапорта И. А. Кускова практически нет знаков препинания и в данном фрагменте текста единственный из них, запятая, стоит после слова “акойские” (РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 357, л. 2об).
- 88 Laguna F. de, Opit. cit. P. 171; Гринёв А. В. Индейцы эяки и судьба русского поселения в Якутате // СЭ.- 1988. – № 5.- С. 120.
- 89 К истории... С. 109.
- 90 Там же. С. 110-111.
- 91 Гринёв А. В. Указ. соч. С. 121-122.
- 92 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2.- С. 174.

- 93 Там же.
- 94 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение... С. 46.
- 95 Там же.
- 96 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2. -С. 179.
- 97 Там же.
- 98 Там же.
- 99 Там же.
- 100 Там же.
- 101 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение... С. 47.
- 102 Dauenhauer N., Dauenhauer R. Opit. cit. P. 8.
- 103 Ibid. P. 12.
- 104 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2.- Прил. 2.- С. 175.
- 105 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение... С. 48-49.
- 106 Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле “Нева”.- М., 1947.- С. 209.
- 107 Barber Henry. Aftermath of the Sitka Massacre... P. 59.
- 108 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2.- С. 176.
- 109 Barber Henry. Aftermath of the Sitka Massacre... P. 61.
- 110 Sturgis W. The Journal of William Sturgis.- Victoria., 1978.- P. 125.
- 111 Головнин В. М. Записка капитана 2-го ранга В. М. Головнина о состоянии Российско-Американской компании в 1818 г. // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. – Вып. 1.- СПб., 1861.- С. 108.
- 112 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2.- Прил. 2.- С. 180; Handbook of North American Indians.- Vol. 7. Northwest Coast.- Washington., 1990.- P. 203.
- 113 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 122-123; см. также Приложение 1.
- 114 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение... С. 50.
- 115 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 1. -С. 89.
- 116 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирила Хлебникова... С. 44.
- 117 Хлебников К. Т. Первоначальное поселение... С. 50-51.
- 118 К истории... С. 117.
- 119 Там же. С. 117-118.
- 120 Фёдорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии.- М., 1971.- С. 136-146.

121 В связи с этим П. А. Тихменев упоминает скандальный эпизод с попыткой приведения к присяге аборигенов русских колоний, когда духовная миссия и мореход Г. Т. Талин, действовавший “единственно из желания сделать неприятное Баранову”, объявили о созыве на Кадьяк делегаций от зависимых племён. Опасаясь, что “самое стечение их могло способствовать нападению”, А. А. Баранов “едва успел отклонить такое сборище” (Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 1.- С. 92); Однако в записках иеромонаха Гедеоны и в письме А. А. Баранова к Е. Г. Ларионову от 22 марта 1801 г., где события, связанные с присягой, излагаются в красочных деталях, происшествие это относится к январю 1801 г. (Баранов даже уточняет, что требование созыва туземцев было предъявлено ему монахами 1 января после обедни, когда он пил чай) (Русская Америка по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. – М., 1994.- С. 89-91; Тихменев П. А. Указ. соч. Ч. 2. Прил. 2. С. 162-166).

122 К истории... С. 124.

123 Там же. С. 125.

124 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 124.

125 Dean Jonatan R., “Rich Men”, “Big Powers” and Wastelands – The Tlingit-Tsimshian Border of the Northern Pacific littoral, 1799 to 1867.- Vol. 2.- Chicago., 1993; Jacobs-jr. M. Early encounters between the Tlingit and the Russians // Russia in North America Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska, August 19-22 1987.- The Limestone Press, Kingston-Fairbanks., 1990.

Глава IV

1 Хлебников К. Т. Жизнеописание А. А. Баранова. -СПб., 1835.- С.71-72.

2 К истории Российско-Американской компании. -Красноярск., 1957.- С. 126.

3 ОР РГБ, ф.204, к.32, ед. 4, л.21-22.

4 Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени. -Ч.1.- СПб., 1861.- С. 93.

5 Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле "Нева".- М., 1947.- С.209.

6 За эти сведения автор приносит глубокую благодарность А. В. Гринёву.

7 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 75.

8 Тихменев П. А. Указ. соч. С. 92; Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. – Новосибирск., 1991. -С. 125.

9 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 78; Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2.- С. 218 (письмо Н. П. Резанова директорам РАК от 6 ноября 1805 г.). По крайней мере первая половина этой возвышенной фразы вполне соответствует характеру Баранова и его взглядам на свой служебный долг. Вторая половина, скорее всего, обязана своим существованием бойкому перу Н. П. Резанова.

10 Здесь и далее даты, относящиеся к действиям "Невы" даются по грегорианскому календарю.

11 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 78.

12 Там же.

13 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 156.

14 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч.2. -Прил. 2.- С. 218.

15 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 149.

16 Там же.

17 Тихменев П. А. Указ. соч.-Ч.2.-Прил.2.-С.202; ОР РГБ, ф. 204, к.32, ед.6, л.12.

18 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 1.- С. 106.

19 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 79-80.

20 Там же. С. 81-82.

21 А. А. Баранов пользуется здесь юлианским календарём.

22 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2. -Прил. 2.- С. 183.

23 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 148.

24 Там же.

25 Howay F. W. A List of Trading Vessels in the Maritime Fur Trade, 1785-1825 // Materials for the Study of Alaskan History.- № 2.- Kingston., 1973. -Р. 55.

26 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 149.

27 Там же. С. 152.

28 Там же. С. 154.

29 Там же. С. 156.

30 Там же. С. 154.

31 Там же. С. 156-157.

32 Dauenhauer N., Dauenhauer R. The Battles of Sitka, 1802 and 1804, from Tlingit, Russian and other point of view // Russia in North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska, August 19-22 1987. -The Limestone Press, Kingston-Fairbanks., 1990.- P. 9.

33 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 158.

34 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 89.

35 Я всегда думаю о моём сыне,

Рядом с мысом Дикой Яблони было это,

Взорвалось каноэ твоего дяди.

Я думаю, он ушёл дорогой Бога (Духа),

Мой сын, почему я тебя более не увижу.

(Olson R. Social Structure and Social Life of the Tlingit in Alaska // Anthropological Records.- Vol. 26.- Berkley amp; Los-Angeles., 1967.- P. 45.)

36 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 158.

37 Там же.

38 В документах РАК, где использовался юлианский календарь (старый стиль), говорится, что Баранов "зделал десант на берег Ситхи" 18 сентября, а 26 сентября "колюжи, получившие сильный вред и урон в людях, оставя крепость ночью удалились" (АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-13, оп. 10, д. 12, л.4-5). А. В. Гринёв в своей работе ошибочно совместил датировки Лисянского и компанейских служащих, в результате чего пришёл к неверному выводу, что на место будущего Ново-Архангельска Баранов высадился 18 сентября (по документу РАК), два партовщика погибли от рук тлинкитов 24 сентября (по Лисянскому), а "русские суда были подтянуты к тлинкитскому укреплению" только 1 октября (также по Лисянскому). На самом деле дата 18 сентября соответствует по новому стилю 30 сентября, что более чем близко к датировке Лисянского, который, как морской офицер европейской выучки не мог быть неточен.

39 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С.162.

40 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 85.

41 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2.- Прил. 2.-С. 184; позднее подобный приём использовали при постройке крепости Чак-Ну якутатские тлахаик-текуеди (см. главу V). Аналоги подобным фортификациям прослежены археологами в другой точке Северо-Тихоокеанского региона – на Камчатке. Обследование городищ ительменов выявило, что их оборонительные сооружения включали в себя не только валы и рвы, но и “вдоль внутренней части вала – прямоугольные ямы, соединённые между собой извилистыми ходами сообщений, шириной до 1,5 м, глубиной в рост человека. Ходы сообщений и ямы были перекрыты настилом из жердей и землёй. Внешний ров и ямы у внутренней части вала иногда соединяли траншеями, также перекрытыми сверху” (Пономаренко А. К. Разведки в долине реки Камчатки // Археологические открытия 1996 г.- М., 1997.- С. 348).

42 Jacobs-jr. M. Early encounters between the Tlingit and the Russians // Russia in North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska, August 19-22 1987. -The Limestone Press, Kingston-Fairbanks., 1990.- P. 4.

43 Dean Jonatan R., “Rich Men”, “Big Powers” and Wastelands – The Tlingit-Tsimshian Border of the Northern Pacific Littoral, 1799 to 1867.- Vol. 2.- Chicago., 1993. -P. 129.

44 Olson R. Social Structure and Social Life of the Tlingit in Alaska. // Anthropological Records.- Vol. 26. – Berkley amp; Los-Angeles., 1967.- P. 71.

45 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 162; Резанов писал в ноябре 1805 г., что в "Ситкинском жилие" насчитывалось "кроме старых и малолетних ратников одних до 700" (АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г.,оп.6, д.1, п. 35, л. 151; Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. -Новосибирск., 1991.- С. 265).

46 Jacobs-jr. M. Early encounters between the Tlingit and the Russians // Russia in North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska, August 19-22 1987.-The Limestone Press, Kingston-Fairbanks., 1990.- P. 5.

47 Emmons G. The Tlingit Indians.- Seattle amp; London – New-York., 1991.- P. 354.

48 Ibid. P. 353-355.

49 Доценко В. Д. Русский морской мундир, 1696-1917.- СПб., 1994.- С. 48-50, 193, 210.

50 Коробицын Н. И. Записки приказчика Российско-Американской компании Н. И. Коробицына. 1795-1807 гг. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII-XIX вв.- М-Л., 1944. -С. 182.

51 Dauenhauer N., Dauenhauer R. The Battles of Sitka, 1802 and 1804, from Tlingit, Russian and other point of view // Russia in North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska, August 19-22 1987. -The Limestone Press, Kingston-Fairbanks., 1990.- P. 9.

52 Wharton D. They don't speak Russian in Sitka. A New Look at the History of Southern Alaska. – Markgraf Publications Group., 1991.- P. 11.

53 Данные о потерях противоречивы. Указанные цифры приводятся на том основании, что Ю. Ф. Лисянский и Н. И. Коробицын были лучше осведомлены о потерях среди экипажа "Невы", а К. Т. Хлебников и А. А. Баранов лучше знали потери партовщиков. Хлебников сообщает также, что в целом "при занятии Ситхи" погибло 16 кадьякцев. Иеромонах Гедеон сообщает, что 20 ноября 1805 г. была "отправлена панихида о убитых при взятии крепости, коих всех числом до 10 человек, т. е. 3 матроса с корабля Нева, 3 русских промышленных и 4 кадьякских алеута. Ранены., правитель Баранов, лейтенант Повалишин, подлекарь, подштурман, квартирмейстер, 8 матросов, 1 канонир и 7 промышленных." (Русская Америка по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев.- М., 1994.- С. 88). Впервые попытка свести воедино сведения о потерях русской стороны и выяснить их точные цифры была предпринята А. В. Гринёвым (Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 128-129), Однако, он не отметил, что А. А. Баранов не говорит отдельно о погибших русских промышленных, а даёт общую цифру., "потеряли из русских промышленных с матрозами до 8-ми" (Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2.- С. 184.).

54 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2.- Прил. 2.- С. 185.

55 Там же. С. 219.

56 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 160.

57 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 86.

58 Коробицын Н. И. Указ. соч. С. 183.

59 Там же.

60 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 161.

61 Jacobs-jr. M. Opit. cit. P. 5.

62 Dauenhauer N., Dauenhauer R. Opit. cit. P. 9-10.

63 Jacobs-jr. M. Opit. cit. P. 5.

64 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 87.

65 Chaney G., Betts R., Longenbaugh D. Physical and Cultural Landscapes of Sitka National Historical Park.- Douglas., 1995.- P. 114. Отдельную проблему представляет собой вопрос о месте погребения тел погибших русских моряков и партовщиков. Долгое время считалось, что их могила на Ситке сохранилась. Известное под этим названием место (The Russian Grave Site) представляет собой маленький холмик, обнесённый деревянной оградой-штакетником и отмеченный большим деревянным православным крестом. Памятник этот располагается на территории Ситкинского Национального Исторического парка у Индиен-Ривер близ предполагаемого места крепости Катлиана. Наиболее ранние сведения о нём., как и наиболее ранняя фотография, относятся к 1908 г. Позднее, около 1923 г., там была установлена памятная надпись на доске., "Могила русского мичмана и шести матросов, убитых в битве с индейцами кик-сити в 1804 г." Прорисовка фотографии с этой надписью (фотограф Грегори Прозор) воспроизводилась, в частности, в книге С. Н. Маркова "Летопись Аляски" (М-Л., 1948.- С. 75). В 1958 г. экспедиция Аляскинского университета во главе с доктором Фредериком Хэдлей-Уэстом произвела раскопки на месте предполагаемого захоронения. Результаты исследования показали, что данное место вообще не содержит никаких погребений и, более того, здесь никогда не производилось никаких серьёзных земляных работ (Hadleigh-West F. Exploratory excavations at Sitka National Monument. 1959.- P. 34-39 // из фондов Sitka National Historical Park). Обнаруженные следы дощатых конструкций, судя по датировке отдельных немногочисленных находок, относятся к периоду не ранее середины XIX в. (тогда на этом месте существовало несколько хозяйственных построек РАК). Д-р Ф. Хэдлей-Уэст выдвинул три предположения относительно

происхождения памятника. Он предполагал. Что либо русские просто установили здесь памятный знак в честь погибших, тела которых погребли в море из опасения осквернения их праха тлинкитами; либо знак был установлен уже тогда, когда точное местонахождение захоронения было уже забыто и крест поставили в предполагаемых окрестностях могилы; либо же это сооружение первоначально вообще не имело ничего общего с событиями 1804 г. и лишь позднее обросло легендами (Hadleigh-West F. *Opit. cit.* P. 38-39). За предоставленные по этому вопросу сведения автор благодарит сотрудников Ситкинского Национального исторического парка и лично г-жу Дж. Гриффин. Подлинные фотографии “могилы” хранятся в коллекции Парка под шифрами РН-1051 и РН-293.

66 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 87.

67 Dauenhauer N., Dauenhauer R. *Opit. cit.* P. 10.

68 Jacobs-jr. M. *Opit. cit.* P. 5.

69 Chaney G., Betts R., Longenbaugh D. *Opit. cit.* P. 114.

70 Коробицын Н. И. Указ. соч. С. 183.

71 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 128.

72 Именно последняя версия и использована в Приложении I при составлении общего списка населения Михайловской крепости.

73 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 88.

74 Там же.

75 Там же. С. 89.

76 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 196.

77 Dauenhauer N., Dauenhauer R. *Opit. cit.* P. 9.

78 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 197.

79 Хлебников К. Т. Указ. соч. С. 90.

80 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 202-203.

81 Там же. С. 204-205.

82 Там же. С. 205.

83 Jacobs-jr. M. *Opit. cit.* P. 5.

84 Лисянский Ю. Ф. Указ. соч. С. 164.

85 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2.- Прил. 2.- С. 201.

86 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 4, л. 30об.

87 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 4, л. 27-27об.

88 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, оп. 6, 1802 г., д. 1, п. 35, л. 11; Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2.- С. 201.

89 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, оп. 6, 1802 г., д. 1, п. 35, л. 33-34; Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2.- Прил. 2.- С. 212-213.

90 Тихменев П. А. Указ. соч. Ч. 2. Прил. 2. С. 201.

91 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, оп. 6, 1802 г., д. 1, п. 35, л.101об, 150об-151; Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 265.

92 Langsdorf G. H. von. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807.- Bd. II.- Frankfurt-am-Main., 1812.- S. 95.

93 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, оп. 6, 1802 г., д. 1, п. 35, л.25об-26.

94 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, оп. 6, 1802 г., д. 1, п. 35, л.25об.

95 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, оп. 6, 1802 г., д. 1, п. 35, л.155об-156.

Глава V

1 Хлебников К. Т. Жизнеописание А. А. Баранова. -СПб., 1835.- С. 100.

2 Там же. С. 101-102.

3 Такую цифру даёт К. Т. Хлебников (Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. -Л., 1979.- С. 25). П. А. Тихменев говорит и 300 погибших партовщиках. (Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени.- Ч. 1.- СПб., 1861.- С. 151), следуя в этом сведениям Н. П. Резанова (Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени.- Ч. 2. -Прил. 2.- СПб., 1863.- С. 223); по словам иеромонаха Гедеона “при возвращении партии из Ситхи потонуло до 300 человек” (Русская Америка по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. -М., 1994.- С. 86). А. А. Баранов сообщает о том, что спаслось 39 байдарок (ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 6, л. 3об). А. В. Гринёв говорит о гибели “около 200 человек” (Гринёв А. В. Индейцы эяки и судьба русского поселения в Якутате // СЭ. – № 5.- 1988.- С.119).

4 Хлебников К. Т. Жизнеописание... С. 102.

5 Внешняя политика России XIX и начала XX века., документы российского Министерства иностранных дел.- Сер. 2. -Т. IV.- М., 1974.- С. 242.

6 Laguna F. de Under Mount Saint Elias., The History and Culture of the Yakutat Tlingit.- Pt. 1-3.- Washington., 1972.- P. 233-236, 259-261; Гринёв А. В. Индейцы эяки и судьба русского поселения в Якутате // СЭ.- № 5.- 1988.- С. 110-120.

7 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г., оп. 6, д. 1, п. 35, л. 154; Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2.- Прил. 2.- С. 196.

8 Хлебников К. Т. Жизнеописание... С. 102.

9 Laguna F. de. Opit. cit. P. 236.

10 Ibid. P. 234.

11 К истории Российско-Американской компании.- Красноярск., 1957. -С. 117.

12 Laguna F. de Opit. cit. P. 234.

13 Ibid.

14 Ibid.

15 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2.- Прил. 2.- С. 196-197.

16 Там же.

17 АВПРИ, ф. СПб ГА, II-3, 1807 г., оп.34, д. 7, л. 2.

18 Хлебников К. Т. Жизнеописание... С. 102-103; Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. - Новосибирск., 1991.- С. 257-258.

19 Загоскин Л. А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842-1844 гг.- М., 1956.- С. 212.

20 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 6, л. 2об; Гринёв А. В. Индейцы эяки... С. 118.

21 Хлебников К. Т. Жизнеописание... С. 119.

22 АВПРИ, ф. СПб ГА, II-3, 1807 г., оп.34, д. 7, л. 2.

23 Гринёв А. В. Индейцы эяки... С. 119.

24 Хлебников К. Т. Жизнеописание... С. 103-104.

25 Там же. С. 103.

26 Birket-Smith K. The Chugach Escimo // Nationalmuseets skrifter. Etnografisk raekke.- VI.- Kobenhavn., 1953.- P. 141.

27 Ibid. P. 142.

28 Bancroft H. History of Alaska.- San-Francisko., 1886.- P. 452.

29 Laguna F. de Opit. cit. P. 235.

30 Хлебников К. Т. Жизнеописание... С. 104.

31 Birket-Smith K. Opit. cit. P. 142...

32 Тихменев П. А. Указ. соч. Ч. 2. Прил. 2. С. 222.

33 Laguna F. de Opit. cit. P. 261.

34 Ibid. P. 264.

35 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г., оп. 6, д. 1, п. 35, л. 142; там же Резанов сообщает и любопытные подробности о личности этого кадьякского “бунтовщика”, “Нравственность сего человека видна из дел по которым судим он был, как то., в насиловании родной матери его и тому подобных безделицах. Ума в нём с избытком, но весь обращен ко вреду ближняго. Все во флоте знают его по многим анекдотам. Раз не был он удостоен к производству потому что в аттестат из снисхождения было написано., “поведения изрядного”. И когда Адмирал Круз сказал ему, что ето всё равно что сквернаго, то имел он дерзость тут же протестовать на адмирала, что он преступник по первому пункту и порицает Матерь Божию, когда к той не нашли к похвале лучше слова, как изрядной и преблагословенной. Множество подобных постыдных происшествий, как то., разбитие в воинской комиссии зеркала и другия обращает он себе во славу. Ныне определясь в компанию в мореходы увёз из Иркутска чью то девку со сносом вещей и женился на ней. За ним была погоня, но он сюда отправился. На судне также превеликия были от него безпокойства. Отседа [с Ситки] выслал я его на Кадьяк для зимовки. Он вызывался мне обучать мальчиков навигации, но я отказал ему и дал знать правителю, чтоб етот образователь нравственности от школы удалён был и чтоб с первым транспортом вывезть его как язву. Теперь он всех перессорил, между духовными посеял раздор, всё растроивает, приласкался к доброму отцу Гедеону, который не жив в свете не умеет проникать в людей и за него распинается”. О Борисове также сообщалось, что другие офицеры отказывались служить с ним на одном судне и потому он оказался в колониях не у дел. Иеромонах Гедеон действительно хорошо отзывался о нём и писал, что “г-н Борисов с великим усердием и охотою вызвался принять на себя” труд по обучению школьников, “способность его в обучении принятых им двух мальчиков и надлежащий порядок... были порукою чаянных успехов”, но правление Кадьякской конторы на это предложение отозвалось “весьма обидно” для Гедеона, “грубо предписывая свои правила” (Русская Америка... С. 100-101).

Псковский дворянин Никита Васильевич Борисов вступил в службу РАК в качестве морехода 7 мая 1804 г., заключив контракт сроком на 4 года (РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д.370, л. 1).

36 Langsdorf G. H. von. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807.- Bd. II.- Frankfurt-am-Main., 1812.- S. 194; АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г., оп. 6, д. 1, п. 35, л. 181об-182; Н. П. Резанов писал 15 февраля 1806 г., что Баранов собирается выступить в этот поход “через пять дней после меня”, то есть после отплытия самого Резанова в Калифорнию 26 февраля (Тихменев П. А. Указ. соч. Ч. 2. Прил. 2. С. 240).

37 Тихменев П. А. Указ. соч. Ч. 2. Прил. 2. С. 278.

38 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г., оп. 6, д. 1, п. 35, л. 141.

39 Тихменев П. А. Указ. соч. Ч. 2. Прил. 2. С. 202.

40 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 4, л. 33 (письмо А. А. Баранова к И. А. Кускову от 3 сентября 1805 г. Н. П. Резанов прибыл на Ситку 26 августа); Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 255.

41 Гринёв А. В. Индейцы эяки... С. 120.

42 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 6, л. 12

43 Тихменев П. А. Указ. соч. Ч. 2. Прил. 2. С. 222-223; письмо Репина о событиях в Якутате помечено 24 сентября, но отправить он его мог только кружным путём через Кадьяк.

44 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 6, л. 12

45 Laguna F. de Opit. cit. P. 269.

46 Ibid. P. 262.

47 Ibid. P. 263.

48 Ibid.

49 Ibid. P. 263, 266.

50 Ibid. P. 263.

51 Ibid. P. 264.

52 Olson R. Social Structure and Social Life of the Tlingit in Alaska // Anthropological Records.- Vol. 26.- Berkley amp; Los-Angeles., 1967.-P. 54-55; А. В. Гринёв соотносит эту легенду с судьбой младшего сына С. Ф. Ларионова (Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 257).

53 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 6, л. 1об-2об, 5об; К. Т. Хлебников приводит неточные сведения, утверждая, будто Кэмпбелл захватил “главного Чильхатского Тоёна Асика, овладевшего Якутатом, взял от него в аманаты двух его племянников и выручил из плена Алеута с женою” (Хлебников К. Т. Жизнеописание... С. 119). Возможно, Асик и Осип – одно лицо (акойский тойон?), поскольку упоминаемые Хлебниковым аманаты действительно находились на Ситке, были крещены (Каллистрат и Гедеон) и исполняли обязанности толмачей (Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 257-258). Тлинкиты, подошедшие к кораблю Кэмп белла на кожаной пироге, не дали заманить себя на палубу и пришлось пойти на крайние меры., матрос-гаваец метким ударом остроги пропорол днище индейского челнока. Лодка пошла ко дну, тлинкитов же выловили и сделали заложниками. В обмен на них жители Какнау и выдали двух кадьякцев. 17 октября 1806 г. американец доставил их в Павловскую Гавань (ОР РГБ ф. 204, к.32, ед. хр. 6, л.1об-2об).

54 “Отец Лукина был убит в 1806 г., при разорении колошами селения нашего в Якутате. Освобождённый после двухгодичного плена американским судном под командою Кембля (Campbell), он воспитывался у незабвенного

Баранова вместе с его сыном..." (Загоскин Л. А. Указ. соч. С. 212). В 1816-1831 гг. Лукин находится на службе РАК в качестве толмача, с 1832 г. – начальник Колмаковской одиночки (с 1841 г. – редут) на реке Кускоквим. Загоскин лично встречался с Лукиным и слышал историю его спасения от него самого.

55 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 6, л. 12.

56 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 6, л. 19об.

57 Хлебников К. Т. Жизнеописание... С. 119.

58 Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 257-258; Андрей Ларионов позднее служил толмачом в Кадьякской конторе РАК, Иван – в селении Росс в Калифорнии, а Дмитрий был толмачом в Ново-Архангельске и в Дионисьевском редуте. В 1839 г. братья получили, наконец, наследство покойного отца – 1395 руб. 7 коп.

59 Хлебников К. Т. Жизнеописание... С. 119.

60 Laguna F. de Orit. cit. P. 176.

61 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 6, л. 19об.

62 За данное сообщение автор приносит глубокую благодарность А. В. Гринёву.

63 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирила Хлебникова. Ново-Архангельск.- М., 1985. -С. 45.

64 Это достаточно хорошо видно на примере долгих пререканий А. А. Баранова с лейтенантом Хвостовым по поводу укомплектования команды "Юноны" (К истории... С. 142-146).

65 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2.- С. 201-202.

66 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г., оп. 6, д. 1, п. 35, л. 64об.

67 АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 173, л. 1об.

68 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2.- Прил. 2.- С. 277.

69 Там же.

70 Там же.

71 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г., оп. 6, д. 1, п. 35, л. 140.

72 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 2.- Прил. 2.- С. 282.

73 Там же.

74 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г., оп. 6, д. 1, п. 35, л. 77об.

75 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г., оп. 6, д. 1, п. 35, л. 141.

76 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г., оп. 6, д. 1, п. 35, л. 101об.

77 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г., оп. 6, д. 1, п. 35, л. 103.

78 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г., оп. 6, д. 1, п. 35, л. 102об.

79 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2.- С. 283.

80 АВПРИ, ф. СПб ГА, 1-7, 1802 г., оп. 6, д. 1, п. 35, л. 88-88об; здесь описывается избиение Кускова и Сыся Слободчикова морскими офицерами во главе с Н. А. Хвостовым. Пребывание на компанейской службе в подчинении у купцов вообще рассматривалось тогда офицерами Императорского Флота, как нечто, недостойное

их истинного положения. Даже В. М. Головнин искренне возмущился предложением А. А. Баранова перейти на службу РАК., “Мог ли г. Баранов вообразить, чтоб я когда либо дерзнул унижить Императорский флаг до такой степени?” (Головнин В. М. Замечания о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 годах // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана.- Вып. II.- СПб., 1861.- С. 86).

81 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 2.- С. 220.

82 Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. -Вып. IV.- СПб., 1861.- С. 191.

83 Личное сообщение А. В. Гринёва.

84 Архив графов Мордвиновых. -Т. VI.- СПб., 1902. — С. 688.

85 Кичин Е. В. И. А. Кусков. Биография // Вологодские губернские ведомости. -1848.- № 8, 21 февраля.- С. 84; в 1822 г. Екатерина Прохоровна уехала в Россию вместе с супругом и после его смерти вторично вышла замуж.

86 Хлебников К. Т. Жизнеописание... С. 115; не исключено, однако, что эта весенняя “индейская тревога”, как и все прочие подобные происшествия, во многом была порождена страхами поселенцев, а не реальной угрозой со стороны индейцев. Дело в том, что, согласно сообщению лейтенанта С. Я. Унковского, “икра сельдей... ценится [у колошей] весьма дорого, и как оные появляются только в заливе Ситхи, то многие американцы приезжают ловить оную из весьма далёких заливов” (Лазарев М. П. Документы.-Т. 1.- М., 1952.-С. 54). О том же свидетельствует и В. П. Романов., “Сельди появляются только в одном проливе около Старой Гавани, названной посему Сельдяным проливом. В Ситхе подходят они в марте к самой крепости великими станицами и стоят около двух недель” (Романов В. П. О колюжах и колошах вообще // Северный архив. - 1825.- № XVII.- Статистика.- С. 24). Таким образом, обычный ежегодный съезд индейцев для промысла сельдей мог одной только своей многочисленностью возбудить подозрительность русских, живших в постоянном страхе перед “дикими”. Однако, следует иметь в виду и то, что сама эта многочисленность могла побудить собравшихся индейцев к воинственным действиям, облегчить заключение союзов, вызвать спонтанный взрыв враждебности.

87 Хлебников К. Т. Жизнеописание... С. 116.

88 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 6, л. 12.

89 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 6, л. 10-10об.

90 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирилы Хлебникова. С. 45.

91 Там же.

92 Там же. С. 46.

93 Там же.

94 Dean Jonatan R. “Rich Men”, “Big Powers” and Wastelands – The Tlingit-Tsimshian Border of the Northern Pacific Littoral, 1799 to 1867.- Vol. 2.- Chicago., 1993.- P. 135; следует отметить, что вскоре Хилл сам оказался в положении русских., весной 1811 г. в районе Линн-Канал чилкатцы атаковали его матросов. По утверждению моряков, в бою погибло 40 индейцев, “13 из которых были вождями”. Разъярённые тлинкиты следовали за судном на протяжении 50 миль (Dean Jonatan R. Opit. cit. P. 135; Howay F. W. A List of Trading Vessels in the Maritime Fur Trade, 1785-1825 // Materials for the Study of Alaskan History. – ? 2.- Kingston., 1973. – P. 91; Howay F. W. The Attempt to captive the brig Otter // Washington Historical Quarterly. -Seattle., Vol. 21. -P. 179-189).

95 Головнин В. М. Замечания о Камчатке и Русской Америке... С. 88.

96 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирилы Хлебникова. С. 46; Handbook of North American Indians.- Vol. 7. Northwest Coast.- Washington., 1990.- P. 280.

97 Там же.

98 История Русской Америки, 1732-1867. – Т. 2. Деятельность Российско-Американской компании 1799-1825.- М., 1999. – С.144.

99 ОР РГБ, ф. 204, к. 32, ед. 12, л. 1-1об; Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 138.

100 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 1.- С. 240.

101 Pierce R. A. Russia's Hawaiian Adventure, 1815-1817.- Berkley amp; Los Angeles., 1965.- P. 159-160 (обратный перевод с англ.); Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 1. -С. 240.

102 Chevigny H. Lord of Alaska.- N-Y., 1944. -P. 296-297.

103 Andrews C. L. The Story of Alaska.- Caldwell., 1947.- P. 279; по другим сведениям эта кольчуга была подарена ситкинскому тойону Наушкетлу (Матвею) ещё в 1805 г. (Crossroads of continents.- Washington., 1988.- P. 76). Возможно, речь идёт о двух разных кольчугах, принадлежавших Баранову.

104 Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе “Сенявин.”- М., 1948.- С. 64.

105 Головнин В. М. Путешествие вокруг света на военном шлюпе “Камчатка.”- М., 1965.- С. 141.

106 Материалы для истории... Вып. IV.- С.197.

107 Головнин В. М. Записка капитана 2 ранга Головнина о состоянии Алеут в селениях Российской Американской компании и о промышленных ея // Материалы к истории... Вып. 1.- С. -123.

108 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирила Хлебникова. С. 112.

109 Материалы для истории... Вып. IV. – С.198.

110 Там же. С. 198-199; Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирила Хлебникова.- С. 112; Головнин В. М. Записка... С. 123.

111 Головнин В. М. Записка... С. 123.

112 The Russian-American Company. Correspondence of the Governors Communicatins Sent., 1818. – Kingston., 1984.- P. 110.

113 Ibid. P. 111.

114 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирила Хлебникова. С. 112-113; о Тимофее Никитиче Тараканове подробнее см..., Зорин А. В. Из Курска на Гавайи., судьба первопроходца Тимофея Тараканова // Курские тетради.- Вып. 1.- Курск., 1997. -С. 22-33.

115 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирила Хлебникова. С. 112.

116 Там же. С. 113.

117 АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 489, л. 290об; Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 145.

118 АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 992, л. 65; Гринёв А. В. Индейцы тлинкиты... С. 145.

119 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирила Хлебникова. С. 113.

120 Лазарев А. П. Записки о плавании военного шлюпа “Благонамеренного”.- М., 1950.- С. 238.

121 Головнин В. М. Путешествие вокруг света... С. 138-139.

122 Там же. С. 141-142.

123 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 1.- С. 241.

124 Там же. С. 272.

125 Примером подобных волнений может служить случай, описанный Иннокентием Вениаминовым., “В Ситхе в 1824 г... по одному случаю произошла размолвка между русскими и колошами, которая столь была немаловажна, что все русские стояли под ружьём и... фрегат “Крейсер” был готов открыть неприятельские действия против колош по первому сигналу из крепости; а колоши ещё ранее взяли за ружья и засели за пнями и колодами, некоторые расположились даже под самыми пушками крепостной будки и тем заняли дорогу к одному дому за крепостию, подле коего обыкновенно бывали переговоры и торговля. И тогда некто г. Носов (прикащик компании) пошёл по этой дороге для переговоров с колошенскими тоэнами, один, вооружённый только саблею; то один храбрый колоша, стоявший на самой дороге, тотчас прицелился в него. Но г. Носов, не обращая на него внимания, шёл прямо и подошед к прицеливавшемуся колоше, дал ему такую оплеуху, что тот и с ружьём полетел в грязь, а г. Носов продолжал свой путь не оглядываясь. И колоша, как ни было это ему досадно и обидно, тем более, что товарищи его начали над ним смеяться, но не смел предпринимать ничего противу своего врага и обидчика.” (Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела.-Ч. III.- СПб., 1840. -С. 125-126).

126 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирила Хлебникова. С. 185.

127 Литке Ф. П. Указ. соч. С. 57-58.

128 Хлебников К. Т. Русская Америка в записках Кирила Хлебникова. С. 186-188.

129 Литке Ф. П. Указ. соч. С. 50.

130 Тихменев П. А. Указ. соч.- Ч. 1.- Приложение. -С. 57-58.

131 Тихменев П. А. Указ. соч. -Ч. 2.- Прил. 1.- С. 62.

132 Истомин А. А. Русско-тлинкитские контакты (XVIII-XIX вв.) // Исторические судьбы американских индейцев.- М., 1985.- С. 149.

133 История Русской Америки, 1732-1867. – Т. 2. Деятельность Российско-Американской компании 1799-1825.- М., 1999. – С. 325; АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 288, л. 329-330.